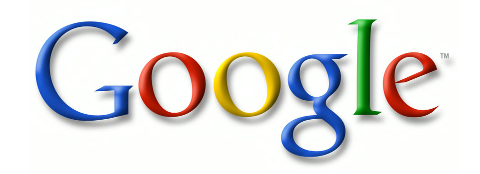
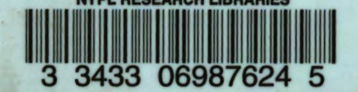

Жуковскій.

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА

IV

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ

ЖУКОВСКІЙ

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.—СВѢТЛАНА.
ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.—ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.—УНДИНА.
АББАДОНА.—РУСТЕМЪ.—ОДИССЕЯ.—СКАЗКИ.

Портретъ—Біографія—Бѣлинскій о поэзіи Жуковскаго.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1875

(122)

Къ концу перваго года существованія «Русской Библіотеки» будетъ заключена первая ея серія, и въ составъ ея войдутъ всѣ лучшіе изъ старѣйшихъ писателей нашей эпохи, уже окончившіе свою дѣятельность: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Жуковскій и Грибоѣдовъ. Благодаря доброму вниманію къ главной цѣли этого изданія, а именно общедоступности нашихъ лучшихъ писателей для большинства, лишеннаго возможности имѣть у себя полныя изданія ихъ сочиненій, «Русская Библіотека» получила отъ Павла Васильевича Жуковскаго такое же право на безвозмездный выборъ лучшаго изъ произведеній его отца, какое было ей уступлено, для Пушкина и Лермонтова, Я. А. Исаковымъ и И. И. Глазуновымъ.

Ни одинъ изъ писателей не представилъ намъ такого удобства при выборѣ, какъ именно В. А. Жуковскій: за исключеніемъ «Орлеанской Дѣвы» и «Ундины», «Рустема», и конечно, «Одиссеи», все остальное могло

входить цѣликомъ; даже и эти обширные труды дали возможность избѣгнуть отрывочности при извлеченіи, и заимствованныя части, сами по себѣ, представляютъ цѣлую картину. Сказки же, тѣ, которыя выбраны, какъ «Спящая Царевна», «Царь Берендей», «Иванъ царевичъ и сѣрый волкъ», «Война Мышей и Лягушекъ», помѣщены вполнѣ.

Настоящій томъ, какъ и всѣ предыдущіе, снабженъ портретомъ, біографіею и извлеченіемъ изъ Бѣлинскаго о поэзіи Жуковскаго. Относительно портрета должно замѣтить, что мы предпочли всѣмъ существующимъ портретъ работы Кипренскаго, мало извѣстный и вытѣсненный изъ нашей памяти портретомъ, помѣщеннымъ при полномъ собраніи, гдѣ Жуковскій изображенъ въ весьма преклонныхъ лѣтахъ. На портретѣ Кипренскаго мы видимъ Жуковскаго въ полномъ развитіи его силъ, который даетъ намъ болѣе близкое понятіе о внѣшнемъ обликѣ творца «Свѣтланы», нежели всѣ послѣдніе портреты. Оригиналъ Кипренекаго былъ подаренъ поэтомъ его другу, графу С. С. Уварову, и хранится въ подмосковномъ селѣ графа А. С. Уварова, въ Порѣчьѣ, а у насъ снятъ съ гравюры Вендрамини. Оригиналъ изображаетъ Жуковскаго, посреди ландшафта, облокотившимся на дерновую скамью; позади его, съ одной

стороны, слѣва, небольшая группа деревьевъ, а справа, вдалекѣ, виднѣются на возвышеніи развалины зáмка. У насъ оставленъ одинъ портретъ, такъ какъ въ миніатюрѣ картина была бы не ясна. Кромѣ того, подъ портретомъ въ оригиналѣ помѣщенъ Амуръ, опирающійся на жертвенникъ.

Біографическій очеркъ составленъ изъ сокращеннаго текста лучшей біографіи поэта, написанной на нѣмецкомъ языкѣ его другомъ и домашнимъ врачемъ г. К. фонъ-Зейдлицемъ (Wassily Andrejewitch Joukoffsky. Ein Russisches Dichterleben, von Dr. Carl v. Seidlitz. Mitau. 1870), и переведенной (съ сокращеніями) въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869, апр., май и іюнь.

Январь, 1875.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ
ЖУКОВСКІЙ

— родился 29-го января 1783 года, въ селѣ Мишенскомъ, Тульской губерніи, въ домѣ помѣщика А. И. Бунина, гдѣ онъ выросъ, какъ членъ семьи. Мать Жуковскаго, турчанка Сальха (въ крещеніи Елисавета Дементьевна), была взята въ плѣнъ въ Турціи крестьянами Бунина, которые ходили маркитантами за арміею Румянцова, и была ими подарена помѣщику. Сначала она была приставлена къ дѣтямъ, Варварѣ Аѳанасьевнѣ (впослѣдствіи, по мужу, Юшкова) и Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ (впослѣдствіи, по мужу, Протасова), а послѣ къ хозяйству. Когда у Сальхи родился сынъ, то пріятель Бунина, жившій по бѣдности въ его домѣ, Андрей Жуковскій, взялся не только быть воспріемникомъ, но и усыновилъ новорожденнаго, получившаго такимъ образомъ отъ него свое отчество и фамилію. Кромѣ того, онъ успѣлъ убѣдить жену Бунина, Марью Григорьевну, дать согласіе на то, чтобы крестною матерью была одна изъ ея дочерей, Варвара Аѳанасьевна. По смерти Бунина, восьмилѣтній Жуковскій и его родная мать остались на попеченіи Марьи Григорьевны и ея дочери

Юшковой, которая взяла на себя воспитаніе сироты; вмѣстѣ съ ея дочерьми онъ началъ обучаться французскому и нѣмецкому языкамъ. Еще прежде смерти Бунина, переѣхавшаго не задолго предъ тѣмъ въ Тулу, Жуковскій былъ отданъ въ тамошній нѣмецкій пансіонъ Роде, а оттуда въ тульское народное училище. Но и въ пансіонѣ, и въ училищѣ, ученье Жуковскаго шло крайне плохо, такъ что онъ былъ вскорѣ исключенъ «за неспособность». Съ тѣхъ поръ «Вася» пользовался домашними уроками: въ домѣ Варвары Аѳанасьевны была масса гувернантокъ, учителей и дѣтей разныхъ возрастовъ, но преимущественно женскаго пола. Тамъ было четыре дочери Юшковыхъ, одна родственница Бунина, одна бѣдная дворянка Сергѣева, еще три дѣвочки и три взрослыя дѣвицы, лѣтъ по 17, и одинъ только мальчикъ, сынъ доктора Риккера.

Въ домѣ Юшковыхъ, въ Тулѣ, собирались всѣ имѣвшіе притязаніе на высшую образованность. Сама Варвара Аѳанасьевна Юшкова была женщина съ большимъ вкусомъ и съ необыкновеннымъ музыкальнымъ дарованіемъ. Она устраивала у себя литературные вечера, гдѣ новѣйшія произведенія школы Карамзина и Дмитріева, тотчасъ же послѣ появленія своего въ свѣтъ, дѣлались предметомъ чтеній и сужденій. Романами русская словесность не была еще богата. Потребность въ произведеніяхъ этого рода удовлетворялась лишь французскими сочиненіями. Музыкальные вечера у Юшковыхъ превратились въ концерты; Варвара Аѳанасьевна занималась даже управленіемъ тульскаго театра. Тутъ собственно литературное настроеніе привилось къ Жуковскому, а также и къ дѣвицамъ Юшковымъ, Аннѣ и Авдотьѣ Петровнамъ. Первая (впослѣдствіи г-жа Зонтагъ) сдѣ-

лалась потомъ извѣстна изложеніемъ священной исторіи и разсказами для дѣтей; послѣдняя (позже г-жа Елагина), подъ именемъ Петерсонъ, печатала переводныя статьи въ журналахъ. Мальчикъ Жуковскій уже на 12-мъ году отъ рожденія отважился на составленіе и постановку какой-то трагедіи. Поводомъ къ этому было обѣщаніе Марьи Григорьевны пріѣхать на зиму 1795 года въ Тулу, погостить у дочери Варвары Аѳанасьевны. Жуковскій къ этому пріѣзду готовилъ большой праздникъ. Онъ написалъ трагедію: «Камиллъ или освобожденіе Рима», избралъ для себя роль героя пьесы, нарядилъ всѣхъ учениць домашняго пансіона, отъ 17-лѣтняго возраста до 3-лѣтней Катерины Петровны, въ одежды римскихъ консуловъ и сенаторовъ, и какъ авторъ, и актеръ, увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Общій восторгъ такъ польстилъ Жуковскому, что онъ немедленно принялся опять за новую пьесу: «Павелъ и Виргинія». Но ожидавшееся трогательно впечатлѣніе на зрителей не сбылось, артисты не поняли своихъ ролей, и вторая трагедія потерпѣла fiasco!

Родные хотѣли опредѣлить Василія Андреевича въ какой-нибудь полкъ. Ихъ знакомый, майоръ Дмитрій Гавриловичъ Постниковъ, вызвался записать его въ полкъ Рязанскій, стоявшій гарнизономъ въ городѣ Кексгольмѣ. Постниковъ самъ уѣхалъ туда съ мальчикомъ; но, проживъ нѣсколько недѣль въ Кексгольмѣ и проѣздивъ мѣсяца четыре, майоръ возвратился въ Тулу отставнымъ подполковникомъ, не записавъ Жуковскаго, и только остригъ ему его прекрасные длинные волосы, о которыхъ Варвара Аѳанасьевна и всѣ дѣвицы въ домѣ очень жалѣли. Жуковскій оставался еще нѣсколько

времени до́ма; но въ январѣ 1797 года Марья Григорьевна поѣхала съ нимъ въ Москву, и помѣстила его въ университетскій благородный пансіонъ.

Въ словесномъ отдѣленіи, куда поступилъ Жуковскій, обращалось особенное вниманіе на языковѣдѣніе. Воспитанники должны были не только читать на иностранныхъ языкахъ, но и употреблять ихъ въ разговорахъ. Ученики этого отдѣленія собирались разъ въ недѣлю съ цѣлью читать вслухъ свои сочиненія и переводы, которые потомъ критически разбирались учителями и товарищами. Лучшія статьи обыкновенно появлялись въ какомъ-либо мелкомъ журналѣ. Въ періодическихъ изданіяхъ: *Пріятное и полезное препровожденіе времени*, *Утренняя Заря* и т. п. можно найти нѣсколько подобныхъ произведеній, доставленныхъ воспитанниками, заслужившими впослѣдствіи почетныя имена въ литературѣ. Ученикамъ старшихъ классовъ дозволялось посѣщать лекціи университетскія, что́ давало имъ при вступленіи въ службу права дѣйствительнаго студента. Товарищами Жуковскаго были братья Александръ и Андрей Тургеневы, Дм. Н. Блудовъ, Дм. В. Дашковъ, С. С. Уваровъ.

То время, когда Жуковскій вступилъ въ новый періодъ своей жизни въ Москвѣ, было весьма тяжелое, такъ какъ со смертью имп. Екатерины II и со вступленіемъ на престолъ имп. Павла I все перемѣнилось. Сношенія съ внѣшнимъ міромъ были преграждены. Всѣ желанія, размышленія, свѣдѣнія о случавшихся происшествіяхъ должны были притаиваться въ тѣсномъ кругу семьи или вѣрныхъ знакомыхъ. Взгляды на жизнь получали отъ того отвлеченный

характеръ, противоположный съ прозаическою дѣйствительностью. Такъ и было въ тѣхъ кругахъ, гдѣ преобладали Новиковъ, Карамзинъ, Дмитріевъ. Скромная литературная дѣятельность въ сантиментальномъ вкусѣ была единственнымъ дозволеннымъ развлеченіемъ. Ввозъ иностранныхъ книгъ былъ строго запрещенъ, а потому старались удовлетворять настоятельной потребности въ этомъ смыслѣ либо контрабандой, либо переводами на русскій языкъ. Самъ Карамзинъ въ новое царствованіе долженъ былъ ограничиться переводами — въ томъ же однако сантиментальномъ направленіи. Жуковскій, поступивъ въ университетскій пансіонъ, попалъ въ лучшій литературный кружокъ того времени. Юшковы и Бунины были дружны съ семействомъ директора пансіона, Ивана Петровича Тургенева, вниманіе котораго обратилъ на себя Жуковскій прилежаніемъ и даровитостію. Сыновья Тургенева, Андрей и Александръ Ивановичи, внушили ему чувство горячей привязанности. За идиллическою жизнью въ Мишенскомъ послѣдовали теперь близкія дружескія связи, которыя такъ могущественно вліяютъ на развитіе человѣка.

Первыми плодами образованія и развитія Жуковскаго въ этомъ кружкѣ можно считать статьи и стихотворенія, напечатанныя имъ въ разныхъ журналахъ во время пятилѣтняго его пребыванія въ пансіонѣ.

Въ первый годъ пребыванія Жуковскаго въ пансіонѣ—ему было тогда 14 лѣтъ — въ журналѣ *Пріятное и полезное препровожденіе времени* (часть XVI) была уже напечатана статья его въ прозѣ: «Мысли у могилы», съ подписью: «Сочинилъ благороднаго университетскаго пансіона воспитанникъ

Василій Жуковской». Второе произведеніе Жуковскаго, уже въ стихахъ: — «Майское утро» — подписано просто: Василій Жуковской. На торжественномъ актѣ университетскаго пансіона въ 1798 году ему было поручено произнести рѣчь. Въ томъ же году появились въ печати стихи Жуковскаго: «Добродѣтель» и статьи въ прозѣ: «Миръ и война» и «Жизнь и источникъ». Въ 1799 году Жуковскій перевелъ статью о сочиненіяхъ Леонарда изъ *Spectateur du Nord*, и написалъ стихи М. М. Хераскову; въ 1800 году — «Стихи на новый годъ», «Могущество, слава и благоденствіе Россіи», «Къ Тибуллу»; и въ прозѣ: «Къ надеждѣ», «Мысли на кладбищѣ», «Истинный герой», «Добродѣтель»; въ 1801 году — стихи «Платону неподражаемому, достойно славящему Господа».

Въ пансіонѣ содержали Жуковскаго Марья Григорьевна Бунина и Петръ Николаевичъ Юшковъ, но карманныхъ денегъ ему давали мало. Онъ долженъ былъ умножать ихъ своими литературными трудами. Очень кстати пришлись ему требованія книгопродавцевъ на легко сходящіе съ рукъ товары, а именно на переводы съ нѣмецкаго и французскаго. Книгопродавцы платили за переводъ по тогдашнему очень дорого: они давали Жуковскому и деньги, и иностранныя книги, которыхъ не смѣли держать въ своихъ лавкахъ, и брали изъ библіотекъ людей высшаго круга. Въ 1801 году онъ перевелъ романъ Коцебу: Die jüngsten Kinder meiner Laune, который онъ назвалъ, неизвѣстно почему, «Мальчикъ у ручья». Книгопродавецъ Зеленниковъ заплатилъ ему за 4 части 75 рублей. Вслѣдъ за тѣмъ онъ перевелъ еще многіе романы Шписа и многое изъ театра Коцебу. Въ пору лѣтнихъ вакацій онъ при-

возилъ эти свои труды въ Мишенское, гдѣ между старыми и молодыми слушателями находилъ самыхъ внимательныхъ поклонниковъ и поощрителей своей литературной дѣятельности; кромѣ того, во время прогулокъ онъ неутомимо читалъ въ слухъ дѣвицамъ Юшковымъ и Вельяминовымъ французскія книги, напр.: «De la pluralité des mondes» Фонтенелля, «Études sur la nature» Бернардена де Сенъ-Пьерра и т. п.

По окончаніи студентскаго экзамена, Жуковскій опредѣлился въ Московскую контору соляныхъ дѣлъ (должность, надъ которою онъ впослѣдствіи часто потѣшался); но уже въ 1802 году онъ вышелъ въ отставку и возвратился въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Мишенское, съ цѣлью дальнѣйшаго своего самообразованія.

Прежде Жуковскій посылалъ свои стихи въ мелкіе журналы, а переводы въ прозѣ безъ подписи имени предоставлялъ на волю издателямъ. Теперь онъ предпринялъ перевести, для журнала Карамзина «Вѣстникъ Европы», элегію Грея: «Сельское кладбище». Все Мишенское общество молодыхъ дѣвушекъ съ біеніемъ сердца ожидало, приметъ ли Карамзинъ это стихотвореніе, или нѣтъ, для напечатанія въ журналѣ. Элегія была писана на ихъ глазахъ; холмъ, на которомъ Жуковскій черпалъ свои вдохновенія, сдѣлался для нихъ Парнассомъ; стихи вызвали ихъ безусловное одобреніе; недоставало одного—выгоднаго отзыва Карамзина, этого «Зевса на литературномъ Олимпѣ». Карамзинъ похвалилъ стихотвореніе и напечаталъ его въ VI книгѣ своего журнала, съ полнымъ означеніемъ имени Жуковскаго и перемѣною окончанія *ой* на *ій* (съ тѣхъ поръ и самъ Жуковскій сталъ подписываться Жуковск*ій*).

Эта удача произвела глубокое впечатлѣніе не только на весь Мишенскій кругъ, но и на самого поэта.

По словамъ П. А. Плетнева, «Сельское кладбище» вдругъ поставило Жуковскаго въ ряды лучшихъ поэтовъ русскихъ. Карамзинъ, на другой годъ по напечатаніи этого стихотворенія, говоря о Богдановичѣ, приводилъ въ разборѣ своемъ одинъ стихъ изъ элегіи Жуковскаго, какъ будто бы это было всѣмъ извѣстное мѣсто изъ Ломоносова или Державина.

Переводъ Греевой элегіи уже свидѣтельствуетъ объ удивительной способности Жуковскаго проникаться чужою поэтическою мыслью до такой степени, что она производитъ на насъ впечатлѣніе подлинника; въ глазахъ біографа эта элегія служитъ, кромѣ того, психологическимъ документомъ для опредѣленія душевнаго состоянія поэта. Еще прежде, молодой человѣкъ, окруженный веселыми товарищами и друзьями, черпалъ свои вдохновенія на кладбищахъ. Возвратясь въ Мишенское, полное прекрасныхъ воспоминаній его дѣтства, онъ снова выбираетъ кладбище любимымъ мѣстомъ своей музы. Помимо сантиментальнаго настроенія духа той эпохи, у него могли быть и личныя причины меланхоліи: положеніе его въ свѣтѣ и отношенія къ семейству Буниныхъ тяжело ложились на его душу. Съ обѣими старшими дочерьми покойнаго Бунина онъ былъ не такъ близокъ, какъ съ Варварой Аѳанасьевной. Марья Григорьевна любила его, какъ собственнаго сына, а дѣвицамъ Юшковымъ онъ былъ — дядя. Но собственная его мать — какъ ни была любима госпожей своею—все же должна была стоя выслушивать приказанія господъ, и не могла почитать

себя равноправною съ прочими членами семейства. Вотъ обстоятельство, которое постоянно огорчало Жуковскаго.

Жуковскій провелъ слѣдующіе два года попеременно въ Мишенскомъ и въ Кунцовѣ, близъ Москвы, у Карамзина, который, овдовѣвъ послѣ перваго брака, пріютилъ его у себя. Кромѣ исторической повѣсти «Вадимъ Новогородскій», перевода письма французскаго путешественника, статьи «О путешествіи въ Малороссіи» и стиховъ: «Человѣкъ», Жуковскій ничего не напечаталъ во все это время личныхъ сношеній съ Карамзинымъ.

Въ 1805 году Жуковскій, по заказу книгопродавца, сдѣлалъ переводъ «Донъ-Кихота», съ французской передѣлки Флоріана, и этотъ переводъ въ 1806 году вышелъ въ свѣтъ.

Политическія событія во Франціи значительно охладили тогда восторгъ къ республикѣ, даже вызвали, вслѣдствіе несчастныхъ войнъ, большую ненависть противъ Наполеона, нерѣдко выражавшуюся въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ. Въ прозѣ и въ стихахъ являлись воззванія къ бдительности за врагами нашего отечества. Въ этомъ смыслѣ особенно дѣйствовалъ «Вѣстникъ Европы» своими политическими передовыми статьями. Редакторомъ его тогда былъ профессоръ Каченовскій. Въ патріотическихъ порывахъ и Жуковскій принималъ живое участіе. Въ «Вѣстникѣ Европы», 15-го ноября 1805 года, была напечатана его «Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ побѣдителей, посвященная неустрашимымъ защитникамъ отечества». Съ тѣхъ поръ имя Жуковскаго начало уже дѣлаться весьма популярнымъ.

Еще въ 1805 году младшая дочь Бунина, Екатерина

Аѳанасьевна, овдовѣла. Мужъ ея, Андрей Ивановичъ Протасовъ, разорился на спекуляціяхъ и на игрѣ въ карты, и оставилъ долги по векселямъ на сумму вдвое или втрое бо́льшую противъ того, что́ было по нимъ получено. Несмотря на то, Екатерина Аѳанасьевна сочла себя обязанною выплатить сполна эти долги, и для того продала лучшую половину своего наслѣдства. Такъ какъ въ Муратовѣ, деревнѣ, которая ей осталась, она не могла жить по неимѣнію господскаго дома, а роднымъ обязываться не хотѣла, то наняла въ городѣ Бѣлевѣ домъ, и жила здѣсь весьма скромно съ двумя своими дочерьми, Маріей и Александрой Андреевнами, 12 и 10 лѣтъ. Наступало время дать имъ образованіе. Екатерина Аѳанасьевна очень чувствовала, что ей самой недоставало правильнаго образованія. Видя разстроенныя дѣла Екатерины Аѳанасьевны, Жуковскій вызвался давать уроки ея дочерямъ. Преподаваніе Жуковскаго естественно приняло поэтическій характеръ; оно отличалось имъ и впослѣдствіи, когда онъ сталъ наставникомъ при Дворѣ. Всякій день онъ отправлялся пѣшкомъ изъ Мишенскаго въ Бѣлевъ давать уроки или читать вмѣстѣ съ своими питомицами лучшія сочиненія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

Въ теченіе трехлѣтнихъ педагогическихъ занятій, Жуковскій перевелъ нѣсколько мелкихъ стиховъ съ французскаго и англійскаго языковъ, а именно: «Гимнъ», «Сонъ Могольца», «Мальвина», «Идиллія», и проч. Глубокое впечатлѣніе произвели на него стихотворенія Шиллера и нашли въ душѣ его сочувственный отголосокъ. Текла, въ трагедіи «Валленштейнъ», осталась для него навсегда любимой поэтической личностью.

Переселившись въ 1808 году въ Москву, Жуковскій всту-

шилъ въ среду практической жизни и срочной работы: онъ принялъ на себя редакцію «Вѣстника Европы», перешедшаго отъ Карамзина къ Сумарокову, и п слѣ къ Каченовскому. Жуковскій самъ много писалъ въ своемъ журналѣ. Въ ту пору онъ предпочиталъ баллады Бюргера балладамъ Шиллера, но все таки перевелъ изъ Бюргера одну «Людмилу», и любимцемъ его сдѣлался окончательно Шиллеръ.

По истеченіи года труды по редакціи принудили Жуковскаго снова принять къ себѣ въ сотрудничество профессора Каченовскаго. До конца 1810 года Жуковскій считался все еще редакторомъ «Вѣстника Европы» и печаталъ въ немъ свои стихи и статьи въ прозѣ («О баснѣ, и басняхъ Крылова», «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира»); но въ «Письмѣ къ издателямъ «Вѣстника Европы» о критикѣ» онъ какъ будто бы простился съ своимъ журналомъ, уѣхалъ въ Мишенское, съ тѣмъ, чтобы посвятить себя исключительно поэзіи, и занялся составленіемъ «Сборника лучшихъ русскихъ стихотвореній», который и вышелъ въ пяти частяхъ въ Москвѣ въ 1810—11 годахъ.

Между тѣмъ Протасова задумала строить въ своей деревнѣ, Муратовѣ, жилой домъ. Жуковскій сдѣлалъ планъ новому строенію и взялъ на себя завѣдываніе работами Кромѣ того, онъ купилъ маленькую, смежную съ Муратовымъ, деревню за доставшіеся ему отъ Бунинымъ 10.000 р, и переселился въ свой собственный «Тускулумъ», гдѣ часто навѣщали его подруги дѣтства, дѣвицы Юшковы и Протасовы. Завелись у него и новыя знакомства съ сосѣдями Орловской губерніи; такимъ образомъ, около Жуковскаго вскорѣ составилось цѣлое

общество. Близъ Муратова жила въ деревнѣ Черни фамилія Плещеевыхъ. А. А. Плещеевъ былъ страстный любитель музыки. На домашнемъ театрѣ его представлялись комедіи и оперы, имъ самимъ сочиненныя и положенныя на музыку. Жуковскій усердно участвовалъ въ этихъ художественныхъ удовольствіяхъ и мало-по-малу началъ утрачивать свое меланхолическое настроеніе, которое продолжалось нѣкоторое время и послѣ смерти его родной матери. Но его ожидалъ въ это время новый ударъ судьбы.

Въ 1812-мъ году, онъ рѣшился просить у Протасовой руку ея дочери, одной изъ своихъ учениць, Маріи Андреевны. Протасова рѣшительно отказала ему, объявивъ, что по *родству* эта женитьба невозможна, такъ какъ ея дочь приходилась ему, какъ сыну А. И. Бунина, племянницей. Жуковскій не охотно покорялся приговору сведенной сестры—и Протасова принудила его оставить Муратово. Тогда онъ рѣшился поступить въ военную службу, и 12-го августа 1812 года записался въ Московское ополченіе въ чинѣ поручика. Вмѣстѣ со сформированнымъ наскоро Мамоновскимъ полкомъ, онъ 26-го августа, въ день Бородинской битвы, находился въ арріергардѣ, въ двухъ верстахъ за гренадерскою дивизіей.

„Наканунѣ сраженія (25-го августа),—пишетъ Жуковскій великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ въ 1839 году,—все было спокойно: раздавались одни ружейные выстрѣлы, которыхъ безпрестанный звукъ можно было сравнить со звукомъ топоровъ, рубящихъ въ лѣсу деревья. Солнце сѣло прекрасно; вечеръ наступилъ безоблачный и холодный, ночь овладѣла небомъ, которое было темно и ясно, и звѣзды ярко горѣли; зажглись костры; наконецъ, армія заснула вся съ мыслію, что на другой

день быть великому бою. И тишина, которая тогда воцарилась повсюду, неизобразима. Въ этомъ всеобщемъ молчаніи и въ этомъ глубокомъ темномъ небѣ, полномъ звѣздъ и мирно распростертомъ надъ двумя арміями, гдѣ столь многіе обречены были на другой день погибнуть, было что-то роковое и несказанное. И съ первымъ просвѣтомъ дня грянула русская пушка, которая вдругъ пробудила повсемѣстное сраженіе. Описывать это сраженіе здѣсь не у мѣста, да я и не умѣлъ бы этого сдѣлать, ибо не видалъ подробностей кровавой свалки. Мы стояли въ кустахъ на лѣвомъ флангѣ, на который напиралъ непріятель; ядра, невидимо откуда, къ намъ прилетали; все вокругъ насъ страшно гремѣло; огромные клубы дыма подымались на всемъ полукружіи горизонта, какъ будто отъ повсемѣстнаго пожара, и наконецъ ужасною бѣлою тучей охватили половину неба, которое тихо и безоблачно сіяло надъ бьющимися арміями. Во все продолженіе боя насъ мало-по-малу отодвигали назадъ. Наконецъ, съ наступленіемъ темноты, сраженіе, до тѣхъ поръ не прерывавшееся ни на минуту, умолкло. Тутъ намъ велѣно было двинуться впередъ, и мы очутились на возвышеніи посреди арміи; вдали царствовалъ мракъ; все покрыто было густымъ туманомъ, смѣшавшимся съ дымомъ, и костры непріятельскихъ биваковъ горѣли въ этомъ туманѣ тусклымъ огнемъ, какъ огромныя раскаленныя ядра. Но мы не долго остались на мѣстѣ, армія тронулась и въ глубокомъ молчаніи пошла къ Москвѣ, покрытая темною ночью"....

Находясь постоянно при дежурствѣ главнокомандующаго арміями, Жуковскій писалъ бюллетени о сраженіяхъ.

Каково было нравственное слѣдствіе отступленія Кутузова, поэтическимъ памятникомъ того служитъ «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ». Здѣсь нашли себѣ отголосокъ не только мысли и вдохновеніе пѣснопѣвца, но и отголосокъ ожиданій, понятій и надеждъ русской арміи и народнаго ополченія. Импе-

ратрица Марія Θедоровна, прочитавъ это стихотвореніе, поднесенное ей И. И. Дмитріевымъ, приказала просить автора, чтобъ онъ доставилъ ей экземпляръ стиховъ, собственною рукой его переписанный, и приглашала его въ Петербургъ.

Жуковскому не суждено было сопровождать нашу армію до границъ; послѣ сраженія подъ Краснымъ, едва онъ кончилъ свое посланіе: «Вождю побѣдителей», какъ заболѣлъ (въ ноябрѣ) горячкой. Въ декабрѣ онъ отправился изъ Краснаго на родину, куда и прибылъ 6-го января 1813 года.

Тамъ, кромѣ любви къ нему подругъ его дѣтства, многое уже измѣнилось. Марія Андреевна Протасова видимо слабѣла отъ начинавшейся грудной болѣзни. Такъ какъ сестра или Плещеевы открыли ей любовь и намѣреніе Жуковскаго, отвергнутыя матерью, то взаимныя отношенія между ними сдѣлались неловкими. Онъ отзывается такъ объ этомъ времени въ дневникѣ своемъ:

„Вотъ мнѣ тридцать лѣтъ — пишетъ онъ въ февралѣ 1813 года — а то, чтó называется истинною жизнію, мнѣ еще незнакомо. Я не успѣлъ быть сыномъ моей матери; въ то время, когда началъ чувствовать счастье сыновняго достоинства, она меня оставила; я думалъ отдать права ея другой матери, но эта другая мать дала мнѣ уголъ въ своемъ домѣ, а отдалена была отъ меня вѣчнымъ подозрѣніемъ. Семейнаго счастія для меня не было, всякое чувство надобно было стѣснять въ глубинѣ души; несмотря на нѣкоторые признаки дружбы, я сомнѣвался часто, существуетъ ли дружба, и всегда оставался въ нерѣшимости чрезмѣрно тягостной—сказать себѣ: *дружбы нѣтъ*. На чтó было рѣшиться? Скрывать все въ самомъ себѣ и терпѣть, и даже показывать видъ, что всѣмъ доволенъ,—принужденіе слишкомъ тяжелое, при откровенности моего

характера, который однако отъ навыка сдѣлался и скрытнымъ."..

Оставаться долѣе въ Муратовѣ было нестерпимо, Жуковскій рѣшился совсѣмъ покинуть свое мѣстопребываніе и поселиться въ Долбинѣ. Здѣсь онъ написалъ цѣлый рядъ балладъ, посланій и другихъ стихотвореній, которыя онъ самъ называлъ «Долбинскими стихотвореніями».

Въ это же время онъ написалъ «Посланіе Императору Александру», поставившее его на новый путь. Императрица Марія Өедоровна приказала немедленно сдѣлать богатое изданіе этого стихотворенія въ пользу Жуковскаго, и пожелала, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Но прежде чѣмъ уѣхать въ Петербургъ, Жуковскій хотѣлъ еще разъ объясниться съ Протасовой, и увѣдомилъ объ этомъ свою племянницу, Марію Андреевну.

Этотъ разговоръ остался опять безъ результата, и Жуковскій могъ только получить позволеніе проводить Протасовыхъ въ Дерптъ, гдѣ жила младшая дочь Протасовой, бывшая замужемъ за Воейковымъ. По пріѣздѣ въ Дерптъ, отъ него потребовали, чтобы онъ долго не оставался тамъ.

Уѣзжая изъ Дерпта, 29-го марта 1815 года, онъ писалъ Маріи Андреевнѣ Протасовой:

„Милый другъ Маша, надобно сказать тебѣ что-нибудь въ послѣдній разъ... Все въ жизни къ прекрасному средство! Я прошу отъ тебя только одного: *не позволяй тобою жертвовать*, а заботься о своемъ счастіи. Этимъ не обмани меня. Я желалъ бы, чтобы ты болѣе имѣла свободы заниматься собственнымъ... Мои тетради береги. Въ нихъ ничего не перемѣнять, кромѣ развѣ одного—вездѣ: *сестра*. Помни же своего брата, своего истиннаго

друга; но помни такъ, какъ онъ того требуетъ, то-есть, знай, что онъ, во всѣ минуты жизни, если не живетъ, то по крайней мѣрѣ желаетъ жить такъ, какъ велитъ ему привязанность къ тебѣ—теперь вѣчная, и болѣе, нежели когда-нибудь, чистая и сильная!"

Въ маѣ 1815 года, Жуковскій пріѣхалъ на короткое время въ Петербургъ, былъ представленъ Уваровымъ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, и затѣмъ скоро воротился въ Дерптъ. Въ іюлѣ, Уваровъ опять сталъ настоятельно требовать, чтобы Василій Андреевичъ переселился въ Петербургъ; и 24-го августа Жуковскій снова отправился въ Петербургъ, гдѣ 4-го сентября вторично былъ представленъ императрицѣ и былъ назначенъ чтецомъ ея. Но болѣе четырехъ мѣсяцевъ онъ никакъ не могъ прожить въ столицѣ.

Съ тѣхъ поръ, за вычстомъ нѣсколькихъ недѣль, Жуковскій почти два года безвыѣздно провелъ въ Дерптѣ. Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ онъ велъ странную двойную жизнь, имѣвшую замѣчательное вліяніе на развитіе его наклонностей. Въ Дерптѣ цѣнили его, и университетъ поднесъ ему дипломъ почетнаго члена. Въ Петербургѣ писатели старой школы нападали на него, и задѣвали довольно пошлыми выходками, даже на сценѣ. Въ Дерптѣ близкіе родные показывали ему холодность и недовѣрчивость, а въ Петербургѣ посторонніе люди ласкали и уважали его. Въ Дерптѣ онъ посвящалъ все время на изученіе нѣмецкаго языка и словесности, въ Петербургѣ дѣйствовалъ въ рядахъ молодыхъ писателей на пользу русскаго слова.

Павловскъ въ то время былъ средоточіемъ лучшихъ пи-

сателей: Карамзинъ, Крыловъ, Дмитріевъ, Нелединскій-Мелецкій, Гнѣдичъ, Жуковскій являлись на вечернихъ бесѣдахъ императрицы. Въ противоположность старой школѣ, предводительствуемой Шишковымъ, послѣдователи Карамзина были вообще молодые и даровитые люди, съ современнымъ образованіемъ. Жуковскій, какъ сторонникъ партіи Карамзина, сдѣлался также предметомъ нападковъ Шишковской партіи, и князь А. А. Шаховской вывелъ Жуковскаго на сцену въ комедіи: «Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды», подъ именемъ балладника Фіалкина. При первомъ представленіи этой комедіи въ Петербургѣ на Маломъ театрѣ, 23-го сентября 1815 года, Жуковскій и друзья его рѣшили для борьбы съ противниками основать особое литературное общество. Друзья собирались по субботамъ у Блудова, и читали тамъ свои статьи. Когда Блудовъ написалъ шуточный разсказъ: «Видѣніе въ Арзамасѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей», въ которомъ отвѣчалъ на выходки князя Шаховскаго, то для шутки друзья назвали свои веселыя вечеринки: «собраніями Арзамасской академіи», и положили правиломъ: кушать за ужиномъ хорошаго арзамасскаго гуся.

Между тѣмъ, судьба готовила Жуковскому новый ударъ: изъ Дерпта онъ получилъ извѣстіе, что Марія Андреевна выходитъ за мужъ за проф. Мойера. Жуковскій рѣшился самъ ѣхать въ Дерптъ и лично удостовѣриться въ случившемся, но къ удивленію своему, нашелъ все въ другомъ видѣ, чѣмъ представляла ему испуганная фантазія. Послѣ различныхъ объясненій, Жуковскій вышелъ побѣдителемъ изъ тяжелой борьбы между чувствомъ и разсудкомъ.

„Романъ моей жизни конченъ; начну ея исторію", говорилъ онъ, возвратившись изъ Дерпта.

Въ это время печатаніе стихотвореній Жуковскаго въ двухъ томахъ въ Петербургѣ оканчивалось, и А. И. Тургеневъ и Кавелинъ торопили его туда «за важнымъ дѣломъ». Они хотѣли упрочить положеніе его и для того поднести сочиненія его государю вмѣстѣ съ отдѣльно изданнымъ стихотвореніемъ: «Пѣвецъ на Кремлѣ», къ которому Жуковскій долженъ былъ прибавить кое-что въ видѣ привѣтствія государю. Онъ сдѣлалъ это, но неохотно.

„Мнѣ весело думать", пишетъ онъ къ Тургеневу, „что *ты* обо мнѣ хлопочешь. Очень было бы хорошо, когда бы то, чтó ты затѣялъ, и о чемъ я не имѣю понятія, совсѣмъ обошлось безъ письма моего. Неужели должно непремѣнно *просить* вниманія? Довольно того, чтобъ его стоить. Вниманіе государя есть святое дѣло! Имѣть на него право могу и я, если буду русскимъ поэтомъ, въ благородномъ смыслѣ сего имени. А я буду! Поэзія часъ отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ... Не надобно думать, что она только забава воображенія! Этимъ она можетъ быть только для петербургскаго свѣта. Но она должна имѣть вліяніе на думу всего народа, и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію. И дай Богъ въ теченіи жизни сдѣлать хоть шагъ къ этой прекрасной цѣли. Имѣть ее позволено, а стремиться къ ней—значитъ заслуживать одобреніе государя. Это стремленіе всегда будетъ въ душѣ моей. Работать съ такою цѣлію есть счастіе; а друзья будутъ знать, что я имѣю эту цѣль—вотъ награда".

Свадьбу Марьи Андреевны отложили до будущаго (1817)

года, и Жуковскій спѣшилъ къ Рождеству 1816 года въ Петербургъ. Министръ народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, поднесъ экземпляръ стихотвореній Жуковскаго государю, изложивъ притомъ заслуги Жуковскаго въ отношеніи русской словесности и личныя его обстоятельства. По словамъ Плетнева, въ Россіи никогда молодое поколѣніе не увлекалось съ такою пламенною любовью за образцемъ своимъ, какъ это ощутительно было въ ту эпоху. Только и говорили, что о стихахъ Жуковскаго; только ихъ и повторяли наизусть. Поблагодаривъ лично императора Александра Павловича за пожалованный ему пожизненный пенсіонъ въ 4.000 р. асс., Жуковскій, 5-го января 1817 г., опять поѣхалъ обратно въ Дерптъ.

Жуковскому, говоритъ его біографъ, никогда не приходила мысль связать себя съ императорскимъ Дворомъ другими узами, кромѣ узъ благодарности и преданности; но судьба устроила иначе. Подъ конецъ 1817 года онъ былъ избранъ учителемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, и съ тѣхъ поръ вступилъ, какъ близкій человѣкъ, въ кругъ царскаго семейства.

Присутствіе поэта при дворѣ немало содѣйствовало тому, что въ высшемъ обществѣ стали болѣе, чѣмъ прежде, заниматься русскою литературой и говорить на отечественномъ языкѣ. Блудову поручено было переложить на русскій языкъ всѣ дипломатическіе документы съ 1814 года, писанные по-французски, и онъ долженъ былъ, съ помощью Карамзина и Жуковскаго, создать для того новый языкъ или, по крайней мѣрѣ, найти въ русскомъ языкѣ соотвѣтственныя выраженія.

Начатый тогда Библейскимъ Обществомъ, но неоконченный, переводъ славянской библіи на современный языкъ былъ принятъ съ большою благодарностью въ образованномъ обществѣ. По желанію своей ученицы, Жуковскій переводилъ многія стихотворенія Шиллера, Гёте, Уланда, Гебеля на русскій языкъ. Этому обстоятельству русская словесность обязана цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ балладъ, которыя и были напечатаны сперва маленькими тетрадями на двухъ языкахъ съ надписью на оберткѣ: «Для немногихъ».

Болѣзнь в. к. Александры Ѳеодоровны лѣтомъ 1820 года прекратила занятія ея по русскому языку. Врачи посовѣтовали больной отправиться для возстановленія здоровья на зиму въ чужіе края, куда и Жуковскому должно было сопровождать великую княгиню.

Это путешествіе имѣло богатыя послѣдствія для Жуковскаго. Въ Берлинѣ онъ лично познакомился со многими образованными и учеными людьми. Отличная опера въ Берлинѣ, изящныя представленія трагедій и драмъ на театрѣ восхищали поэта. Онъ тотчасъ же принялся переводить «Орлеанскую дѣву» Шиллера, которую и успѣлъ окончить во время путешествія и на обратномъ пути въ Берлинѣ.

Въ Берлинѣ же онъ успѣлъ переложить на русскій языкъ повѣсть Томаса Мура: «Пери и Ангелъ».

Въ началѣ апрѣля 1821 года Жуковскій пустился странствовать по Европѣ. По возвращеніи изъ-за границы, пораженный извѣстіемъ изъ Дерпта о смерти Маріи Андреевны Мойеръ, Жуковскій тѣмъ охотнѣе удалился изъ Петербурга, что вслѣдствіе окончательнаго преобладанія Аракчеева при дворѣ, кру-

жокъ Арзамасцевъ разсыпался. По вступленіи на престолъ имп. Николая Павловича, Жуковскій былъ избранъ въ наставники Великаго Князя Наслѣдника, нынѣ царствующаго Государя Императора; но личныя огорченія и кабинетная жизнь такъ разстроили здоровье Жуковскаго, что ему необходимо было немедленно уѣхать за границу, гдѣ онъ предполагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ подготовить себя къ предстоящему дѣлу воспитателя.

Въ эпоху своихъ учебныхъ занятій при Дворѣ, Жуковскій, между прочими мелкими стихотвореніями, исполнилъ два большихъ труда: передѣлалъ повѣсть Ламотта Фукэ «Ундину», и перевелъ съ нѣмецкаго (по Рюккерту) индійскую поэму «Наль и Дамаянти». Въ 1837 г., Жуковскій сопровождалъ Государя Наслѣдника въ Его путешествіи по Россіи и Западной Сибири. Это путешествіе осталось памятнымъ тѣмъ, что оно доставило поэту случай не разъ обнаружить вполнѣ тотъ истинно почтенный и искренне добрый характеръ, которымъ онъ отличался во всѣхъ положеніяхъ своей жизни. Ему удалось, между прочимъ, своимъ ходатайствомъ склонить къ облегченію участи многихъ ссыльныхъ въ Сибири. Жуковскій былъ вообще самый горячій филантропъ; его собраты по литературѣ находили въ немъ себѣ всегда усерднаго защитника, и даже Пушкинъ, и Гоголь были, хотя и различно, но многимъ обязаны ходатайству Жуковскаго.

Въ 1841 году, покончивъ свои обязанности воспитателя, Жуковскій переселился совсѣмъ за-границу на берега Рейна и Майна, и женился тамъ на восемнадцатилѣтней дочери своего стараго друга, художника Рейтерна, Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Заграничный періодъ жизни Жуковскаго, несмотря на его не-

дуги, нервное разстройство и постоянныя заботы о слабомъ здоровьи молодой жены, не прошелъ однако даромъ для литературы; кромѣ лучшей своей сказки «О Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ», въ этотъ періодъ Жуковскій выполнилъ полный переводъ Одиссеи Гомера и персидской повѣсти: «Рустемъ и Зорабъ», по Рюккерту.

Ни о какомъ своемъ трудѣ не говорилъ и не переписывался Жуковскій такъ пространно и со столькими лицами, какъ объ «Одиссеѣ». Онъ не зналъ греческаго языка, и Гомеръ былъ ему извѣстенъ по нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ переводамъ. По русскому переложенію Гнѣдича познакомился онъ съ «Иліадою», а нѣкоторые эпизоды ея переводилъ и самъ еще прежде 1829 года. На переводъ «Одиссеи» смотрѣлъ онъ, какъ на высшую задачу своей поэтической дѣятельности, но притомъ хотѣлъ потѣшить себя на просторѣ поэтическою бесѣдой. Дюссельдорфскій профессоръ Грасгофъ, по просьбѣ Жуковскаго, переписалъ Одиссею, и подъ каждымъ греческимъ словомъ поставилъ нѣмецкое слово, а подъ каждымъ нѣмецкимъ—грамматическій смыслъ подлиннаго. «Такимъ образомъ», пишетъ Жуковскій, «я могъ имѣть передъ собою весь буквальный смыслъ «Одиссеи», и имѣть передъ глазами порядокъ словъ. Въ этомъ хаотически-вѣрномъ переводѣ, недоступномъ читателю, были собраны передъ мною всѣ матеріалы зданія; недоставало только красоты, стройности и гармоніи. Мнѣ надлежало изъ даннаго нестройнаго выгадывать скрывающееся въ немъ стройное, чутьемъ поэтическимъ отыскивать красоту въ безобразіи, и творить гармонію изъ звуковъ, терзающихъ ухо; и все это не во вредъ, а съ

вѣрнымъ сохраненіемъ древней физіономіи оригинала. Въ этомъ отношеніи и переводъ мой можетъ назваться произведеніемъ оригинальнымъ». На такую обработку Жуковскій былъ всего болѣе способенъ. Вездѣ въ переложеніи «Одиссеи» онъ старался сохранить простой сказочный языкъ, избѣгая важности церковно-славянскихъ оборотовъ, и по возможности соглашалъ обороты русскаго языка съ выраженіями оригинала. При семилѣтнемъ заботливомъ трудѣ надъ переводомъ, при совѣщаніяхъ со свѣдущими эллинистами, Жуковскій значительно освоился съ Гомеромъ, и собственное его поэтическое чутье руководило имъ въ пониманіи древняго пѣвца гораздо лучше, нежели одно глубокое знаніе греческаго языка—многими филологами. Поэтому, онъ справедливо могъ сказать о своемъ переводѣ, въ письмѣ къ А. С. Стурдзѣ: «Единственною внѣшнею наградою моего труда будетъ сладостная мысль, что я (во время óно родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ) подъ старость загладилъ свой грѣхъ и отворилъ для отечечественной поэзіи двери эдема, не утраченнаго ею, но до сихъ для нея запертаго».

Окончаніе двухъ обширныхъ трудовъ, „Одиссеи" и „Рустема", къ 1849 году, совпало съ пятидесятилѣтіемъ литературной дѣятельности Жуковскаго, которое князь П. А. Вяземскій отпраздновалъ у себя въ Петербургѣ 29-го января 1849 г. Государь Наслѣдникъ присутствовалъ на торжествѣ своего наставника, а покойный государь императоръ пожаловалъ Жуковскому орденъ Бѣлаго орла въ ознаменованіе, какъ сказано въ грамотѣ, «особеннаго уваженія къ трудамъ его на

поприщѣ отечественной литературы, въ теченіе пятидесяти лѣтъ подъемлемымъ, и въ изъявленіе душевной признательности за заслуги, Царскому семейству оказанныя».

Послѣдніе три года жизни Жуковскаго были временемъ медленнаго разрушенія его силъ. Но тѣмъ не менѣе онъ задумывалъ и въ эту эпоху новыя работы; хотѣлъ приступить къ переводу Иліады, а за два дня до своей смерти онъ говорилъ священнику Базарову: «Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы знали, что̀ послѣ меня останется. Я написалъ поэму: она еще не кончена; я писалъ ее слѣпой, нынѣшнюю зиму. Это — «Странствующій Жидъ», въ христіанскомъ смыслѣ. Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни. Это моя лебединая пѣснь. Я бы хотѣлъ, чтобъ она вышла въ свѣтъ послѣ меня. Пусть она пойдетъ въ казну дѣтей моихъ. Я начиналъ было переводить ее, диктуя самъ по нѣмецки. Но Юстинъ Кернеръ берется перевести ее въ стихахъ. Пусть онъ передѣлываетъ ее по своему, пусть прибавляетъ, но мысль мою онъ пойметъ». Эта «лебединая пѣснь» Жуковскаго подводитъ итогъ религіознымъ воззрѣніямъ его за послѣднія десять лѣтъ его жизни. Кромѣ небольшого введенія въ стихахъ, въ которомъ излагается преданіе о Вѣчномъ Жидѣ, обреченномъ жить до второго пришествія Христова, Жуковскій успѣлъ написать двѣ части поэмы, составляющія почти половину предначертаннаго цѣлаго. Онъ хотѣлъ провести въ «Странствующемъ Жидѣ» мысль послѣднихъ годовъ своей жизни, что *страданія и несчастіе* приводятъ человѣка къ высшему благу на землѣ, то-есть къ *вѣрѣ*, и что, стало-быть, мы должны смотрѣть на страданія и несчастія, какъ на лучшіе дары неба.

За нѣсколько часовъ передъ смертью онъ подозвалъ къ себѣ маленькую дочь свою и сказалъ ей: «Поди, скажи матери, что я нахожусь въ ковчегѣ, и высылаю ей перваго голубя: это—моя *вѣра*; другой голубь мой, это—*терпѣніе*». Уже поздно вечеромъ онъ сказалъ тещѣ: «Теперь остается только матеріальная борьба, душа уже готова!» Это были его послѣднія слова.

12 апрѣля 1852 г. Жуковскій скончался въ Баденѣ, откуда тѣло его было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской Лаврѣ.... Еще въ 1818 году, Пушкинъ, обращаясь къ портрету творца «Свѣтланы», сказалъ слова, какія могъ только сказать такой поэтъ, какъ Пушкинъ, и о такой поэзіи, какова была поэзія Жуковскаго:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

БѢЛИНСКІЙ

о

ПОЭЗІИ ЖУКОВСКАГО.

...Въ Жуковскомъ русская литература нашла своего посвятителя въ таинства романтизма среднихъ вѣковъ. Назначеніе сантиментальности, введенной Карамзинымъ въ русскую литературу, было — разшевелить общество и приготовить его къ жизни сердца и чувства. Поэтому, явленіе Жуковскаго вскорѣ послѣ Карамзина очень понятно и вполнѣ согласно съ законами постепеннаго развитія литературы, а черезъ нее—общества. Равнымъ образомъ, понятенъ путь, которымъ Жуковскій привелъ къ намъ романтизмъ. Это былъ путь подражанія и заимствованія—единственный возможный путь для литературы, не имѣвшей и не могшей имѣть корня въ общественной почвѣ и исторіи своей страны. Надобно было случиться такъ, чтобъ поэтическая натура Жуковскаго носила въ себѣ сильную родственную симпатію къ музѣ Шиллера, и, въ особенности, къ ея романтической сторонѣ. Жуковскій познакомился съ своимъ любимымъ поэтомъ при его жизни, когда слава его была на своей высшей точкѣ, — и вышелъ на поприще рус-

ской литературы почти непосредственно за смертію Шиллера. Хотя Жуковскій всегда дѣйствовалъ какъ необыкновенно даровитый переводчикъ, но на него не должно смотрѣть только какъ на превосходнаго переводчика. Онъ переводилъ особенно хорошо только то, что́ гармонировало съ внутреннею настроенностію его духа, и въ этомъ отношеніи бралъ свое вездѣ, гдѣ только находилъ его — у Шиллера по преимуществу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и у Гёте, у Матиссона, Уланда, Гебеля, Вальтеръ-Скотта, Томаса Мура, Грея и другихъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Многое онъ даже не столько переводилъ, сколько передѣлывалъ, иное заимствовалъ мѣстами и вставлялъ въ свои оригинальныя пьесы. Однимъ словомъ, Жуковскій былъ переводчикомъ на русскій языкъ не Шиллера или другихъ какихъ-нибудь поэтовъ Германіи и Англіи: нѣтъ Жуковскій былъ переводчикомъ на русскій языкъ романтизма среднихъ вѣковъ, воскрешеннаго въ началѣ XIX вѣка нѣмецкими и англійскими поэтами, преимущественно же Шиллеромъ. Вотъ значеніе Жуковскаго и его заслуга въ русской литературѣ.

Жуковскій началъ свое поэтическое поприще балладами.

Этотъ родъ поэзіи имъ начатъ, созданъ и утвержденъ на Руси: современники юности Жуковскаго смотрѣли на него преимущественно какъ на автора балладъ, и въ одномъ своемъ посланіи Батюшковъ называлъ его «балладникомъ». Подъ балладою тогда разумѣли краткій разсказъ о любви, большею частію несчастной; могилу, крестъ, привидѣніе, ночь, луну, а иногда домовыхъ и вѣдьмъ считали принадлежностію этого рода поэзіи,—больше же ничего не подозрѣвали. Но въ бал-

ладѣ Жуковскаго заключался болѣе глубокій смыслъ, нежели могли тогда думать. Баллада и романсъ — народная пѣсня среднихъ вѣковъ, прямое и наивное выраженіе романтизма феодальныхъ временъ, произведенія по-преимуществу романтическія. Первою балладою, обратившею на Жуковскаго общее вниманіе, была «Людмила», передѣланная имъ изъ Бюргеровой «Леноры», которую онъ впослѣдствіи перевелъ. «Ленора» доставила въ Германіи громкое имя своему творцу. Золотое то время, когда подобными вещами можно снискивать себѣ славу! Такое время миновалось даже для Россіи. Но «Людмила» Жуковскаго явилась кстати: она имѣла успѣхъ въ родѣ того, какимъ воспользовались «Душенька» Богдановича и «Бѣдная Лиза» Карамзина. Для русской публики все было ново въ этой балладѣ. Стихи, которыми она писана, для нашего времени уже не кажутся особенно поэтическими; въ ней даже есть просто плохіе стихи, какихъ рѣшительно нѣтъ въ другихъ балладахъ Жуковскаго; но и «Людмила» въ то время могла быть написана только Жуковскимъ,—и стихи этой баллады не могли не удивить всѣхъ своею легкостію, звучностію, а главное—своимъ складомъ, совершенно небывалымъ, новымъ и оригинальнымъ. Содержаніе баллады—самое романтическое, во вкусѣ среднихъ вѣковъ....

Въ собственно-лирическихъ произведеніяхъ, переведенныхъ и передѣланныхъ Жуковскимъ съ нѣмецкаго языка, открывается еще болѣе, чѣмъ въ балладахъ, сущность и характеръ его романтизма. Что́ такое этотъ романтизмъ? Это—желаніе, стремленіе, порывъ, чувство, вздохъ, стонъ, жалоба на несвершенныя надежды, которымъ не было имени, грусть по

утраченномъ счастіи, которое Богъ знаетъ въ чемъ состояло; это—міръ, чуждый всякой дѣйствительности, населенный тѣнями и призраками, конечно, очаровательными и милыми, но тѣмъ не менѣе неуловимыми; это—уныло, медленно текущее, никогда не оканчивающееся настоящее, которое оплакиваетъ прошедшее и не видитъ передъ собою будущаго; наконецъ, это—любовь, которая питается грустью, и которая безъ грусти не имѣла бы чѣмъ поддержать свое существованіе...

Есть въ жизни человѣка время, когда онъ бываетъ полонъ безотчетнаго стремленія, безотчетной тревоги. И если такой человѣкъ можетъ потомъ сдѣлаться способнымъ къ стремленію дѣйствительному, имѣющему цѣль и результатъ, онъ этимъ будетъ обязанъ тому, что у него было время безотчетнаго стремленія. Такая пора безотчетнаго стремленія и безсознательныхъ порывовъ была и у человѣчества: въ этомъ-то и состоитъ сущность романтизма среднихъ вѣковъ. Если въ романтизмѣ современной Европы нѣтъ мрака и много свѣта, такъ это потому, что Европа пережила романтизмъ среднихъ вѣковъ. И если мы въ поэзіи Пушкина найдемъ больше глубокаго, разумнаго и опредѣленнаго содержанія, больше зрѣлости и мужественности мысли, чѣмъ въ поэзіи Жуковскаго,— это потому, что Пушкинъ имѣлъ своимъ предшественникомъ Жуковскаго. Жуковскій, своею поэзіею, пополнилъ въ русской жизни недостатокъ историческихъ среднихъ вѣковъ, и, благодаря ему, для русскаго общества стала не только доступна, но и родственна и романтическая поэзія среднихъ вѣковъ, и романтическая поэзія начала XIX вѣка. А это съ его стороны великій подвигъ, которому награда—не простое упоминовеніе

въ исторіи отечественной литературы, но вѣчное славное имя изъ рода въ родъ...

Всякій предметъ имѣетъ двѣ стороны,—и находить въ немъ не одно хорошее, совсѣмъ не значитъ осуждать его. Романтизмъ средних вѣковъ, разумѣется, не годится для нашего времени; теперь онъ не истина, а ложь; но въ свое время онъ былъ истиною. Былъ и въ исторіи русской литературы и русскаго общества моментъ, когда для нихъ романтизмъ среднихъ вѣковъ былъ необходимымъ элементомъ жизни, живымъ сѣменемъ, которымъ должна была оплодотвориться почва русской поэзіи. Великъ подвигъ того, кто удовлетворилъ этой потребности; но тѣмъ не менѣе, мы не должны оставаться при одномъ безотчетномъ удивленіи къ этому подвигу,—должны сознать его въ настоящемъ его значеніи, увидѣть всѣ его стороны. Мало того, чтобъ сказать, что Жуковскій ввелъ романтизмъ въ русскую поэзію: надо показать этотъ романтизмъ въ его настоящемъ видѣ.

Любовь играетъ главную роль въ поэзіи Жуковскаго. Какой же характеръ этой любви? въ чемъ ея сущность?—Сколько мы понимаемъ, это не любовь, а скорѣе потребность, жажда любви, стремленіе къ любви, и потому любовь въ поэзіи Жуковскаго—какое-то неопредѣленное чувство...

Мы сдѣлали бы большой недосмотръ, еслибъ, говоря о поэзіи Жуковскаго, не обратили вниманія на скорбь и страданіе, какъ на одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ всякой романтической поэзіи, и поэзіи Жуковскаго въ особенности...

Такое направленіе поэзіи Жуковскаго очень естественно и понятно: такъ какъ она чужда всякаго историческаго созер-

цанія, всякаго чувства прогресса, всякаго идеала высокой будущности человѣчества,—то міръ подлунный для нея есть міръ скорбей безъ исцѣленія, борьбы безъ надежды, и страданія безъ выхода. Поэтому, въ поэзіи Жуковскаго, вопли сердечныхъ мукъ являются не раздирающими душу диссонансами, но тихою сердечною музыкою, и его поэзія любитъ и голубитъ свое страданіе, какъ свою жизнь и свое вдохновеніе. Жуковскаго можно назвать пѣвцомъ сердечныхъ утратъ... Если вы хотите насладиться имъ вполнѣ и глубоко—прочтите его, когда сердце ваше постигнетъ скорбная утрата... О, тогда въ Жуковскомъ найдете вы себѣ друга, который раздѣлитъ съ вами ваше страданіе и дастъ ему языкъ и слово...

Всѣ сочиненія Жуковскаго можно раздѣлить на три разряда: къ первому относятся мелкія романтическія пьесы и оригинальныя, которыхъ не много, и не столько переведенныя, сколько усвоенныя его музою; потомъ, собственно переводы; и наконецъ оригинальныя произведенія, которыя не могутъ быть названы романтическими.

Къ послѣднимъ принадлежатъ посланія и разныя патріотическія пьесы, писанныя на извѣстные случаи. Это самая слабая сторона поэзіи Жуковскаго; въ ней онъ невѣренъ своему призванію, и потому холоденъ, исполненъ риторики. Прочтите его «Пѣснь Барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей», «На смерть графа Каменскаго», «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», «Пѣвца въ Кремлѣ» и пр. — и вы не узнаете Жуковскаго. Несмотря на звучный и крѣпкій стихъ, вы почувствуете себя утомленными и скучающими, читая эти пьесы; вы удивитесь, какъ мало въ нихъ жизни, чувства

движенія, свободы. Причина этому, разумѣется, не отсутствіе въ сердцѣ поэта святой любви къ родинѣ... Жуковскій, по натурѣ своей—романтикъ, и ничто такъ не внѣ его таланта и призванія, какъ стихотворенія общественныя, на исторической почвѣ основанныя. «Пѣвцу во станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскій обязанъ своею славою: только черезъ эту пьесу узнала вся Россія своего великаго поэта; и это произведеніе было весьма полезно въ свое время. Но что́ же доказываетъ это? — Только, что тогда понимали поэзію иначе, нежели какъ понимаютъ ее теперь (а понимали ее тогда, какъ риторику въ стихахъ)...

Лучшія мѣста въ нѣкоторыхъ патріотическихъ пьесахъ Жуковскаго—тѣ, въ которыхъ онъ является вѣрнымъ своему романтическому элементу. Таково, напримѣръ въ «Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ»:

Любви сей полный кубокъ въ даръ! и т. д.

Изъ оригинальныхъ стихотвореній Жуковскаго, особенно замѣчательны: «Теонъ и Эсхинъ» и баллада «Узникъ», если только они—его оригинальныя стихотворенія (въ Смирдинскомъ изданіи «Сочиненій Жуковскаго» только при немногихъ переводныхъ пьесахъ означены имена авторовъ). Это самыя романтическія произведенія, какія только выходили изъ-подъ пера Жуковскаго... На стихотвореніе «Теонъ и Эсхинъ» можно смотрѣть, какъ на программу всей поэзіи Жуковскаго, какъ на положеніе основныхъ принциповъ ея содержанія. Всѣ блага жизни невѣрны: стало-быть, благо внутри насъ; здѣсь все проходитъ и измѣняетъ намъ: стало-быть, неизмѣнное впереди насъ. Пре-

красно! Но неужели же изъ этого слѣдуетъ, чтобъ мы здѣсь сидѣли сложа руки, ничего не дѣлая, питаясь высокими мыслями и благородными чувствованіями?... Это—односторонность, нравственный аскетизмъ, крайность и заблужденіе ультра-романтизма... Какимъ образомъ человѣкъ можетъ идти «къ прекрасной, возвышенной цѣли», стоя на одномъ мѣстѣ и бесѣдуя съ самимъ собою о лучшей жизни, на порогѣ своей хижины, въ виду мраморнаго гроба?.. И неужели эта «прекрасная возвышенная цѣль» есть только лучшее счастіе человѣка, а личное счастіе человѣка только въ любви къ женщинѣ?... О, если такъ, то, по закону совпаденія крайностей, эта любовь есть величайшій эгоизмъ!... Смерть — дѣло слѣпого случая—похитила у насъ ту, которой обязаны были нашимъ земнымъ счастіемъ; не будемъ приходить въ отчаяніе—да и для чего?—вѣдь это только временная разлука, вѣдь скоро мы опять женимся на ней—тамъ; сядемъ же на порогѣ нашей хижины, сложимъ руки и, не сводя глазъ съ ея гроба, будемъ восхищаться «полнымъ славы твореніемъ, красотою вселенной, и будемъ утѣшать себя мыслію, что все дано намъ небомъ съ бытіемъ, и все въ жизни—средство къ великому, и что горе и радость—все къ одной цѣли!» Нѣтъ, и еще разъ—нѣтъ! Только въ половину истинна такая аскетическая философія! Законно и праведно требованіе человѣка на личное счастіе; разумно и естественно его стремленіе къ личному счастію; но въ одномъ ли сердцѣ долженъ заключаться весь міръ его счастія? Вотъ вопросъ, на который не даетъ намъ рѣшенія поэзія Жуковскаго. Еслибъ вся цѣль нашей жизни состояла только въ нашемъ личномъ счастіи, а наше личное счастіе

заключалось бы только въ одной любви: тогда жизнь была бы дѣйствительно мрачною пустынею, заваленною гробами и разбитыми сердцами, была бы адомъ, передъ страшною существенностію котораго поблѣднѣли бы поэтическіе образы земного ада, начертанные геніемъ суроваго Данте... Но—хвала вѣчному Разуму, хвала попечительному Промыслу! Есть для человѣка и еще великій міръ жизни, кромѣ внутренняго міра сердца—міръ историческаго созерцанія и общественной дѣятельности,—тотъ великій міръ, гдѣ мысль становится дѣломъ, а высокое чувствованіе—подвигомъ, — и гдѣ два противоположные берега жизни—здѣсь и тамъ —сливаются въ одно реальное небо историческаго прогресса, историческаго безсмертія... Это міръ непрерывной работы, нескончаемаго дѣланія и становленія, міръ вѣчной борьбы будущаго съ прошедшимъ,—и надъ этимъ міромъ носится Духъ Божій, оглашающій хаосъ и мракъ своимъ творческимъ и мощнымъ глаголомъ: «да будетъ!», и вызывающій имъ свѣтлое торжество настоящаго—радостные дни новаго тысячелѣтняго царства Божія на землѣ... И благо тому, кто не празднымъ зрителемъ смотрѣлъ на этотъ океанъ шумно несущейся жизни, кто видѣлъ въ немъ не одни обломки кораблей, яростно вздымающіяся волны, да мрачную, лишь молніями освѣщенную ночь; кто слышалъ въ немъ не одни вопли отчаянія и крики гибели, но кто не терялъ при этомъ изъ вида и путеводной звѣзды, указывающей на цѣль борьбы и стремленія, кто не былъ глухъ къ голосу свыше: «борись и погибай, если надо: блаженство впереди тебя, и если не ты—братья твои насладятся имъ и восхвалятъ вѣчнаго Бога силъ и правды!» Благо тому, кто, не до-

вольствуясь настоящею дѣйствительностію, носилъ въ душѣ своей идеалъ лучшаго существованія, жилъ и дышалъ одною мыслію — споспѣшествовать, по мѣрѣ данныхъ ему природою средствъ, осуществленію на землѣ идеала,—рано поутру выходилъ на общую работу и съ мечомъ, и съ словомъ, и съ заступомъ, и съ метлою, смотря по тому, что̀ было ему по силамъ, и кто являлся къ своимъ братіямъ не на одни пиры веселія, но и на плачъ и сѣтованія... Благо тому, кто, падая въ борьбѣ за святое дѣло совершенствованія, съ упованіемъ страстнаго блаженства погружался въ успокоительное лоно силы, вызвавшей его на дѣло жизни, восклицалъ въ священномъ восторгѣ: «все тебѣ и для тебя, а моя высшая награда—да святится имя твое и да пріидетъ царствіе твое»!..

Обаятельна жизнь сердца; но безъ практической дѣятельности, источникъ которой заключался бы въ паѳосѣ къ идеѣ, самый богато-надѣленный дарами природы человѣкъ рискуетъ скоро изжить всю жизнь и остаться при одной пустотѣ мечтательныхъ ожиданій и дѣйствительнаго отвращенія къ чувству бытія. Романтизмъ, безъ живой связи и живого отношенія къ другимъ сторонамъ жизни, есть величайшая односторонность!...

Не будемъ распространяться о достоинствѣ перевода «Орлеанской Дѣвы» Шиллера: это достоинство давно и всѣми единодушно признано. Жуковскій своимъ превосходнымъ переводомъ усвоилъ русской литературѣ это прекрасное произведеніе. И никто, кромѣ Жуковскаго, не могъ бы такъ передать этого по преимуществу романтическаго созданія Шиллера, и никакой другой драмы Шиллера Жуковскій не былъ бы въ состояніи такъ превосходно передать на русскій языкъ,

какъ превосходно передалъ онъ «Орлеанскую Дѣву». — Въ особенную заслугу Жуковскому здравый эстетическій вкусъ долженъ поставить переводъ балладъ Шиллера: «Рыцарь Тогенбургъ», «Ивиковы Журавли», «Кассандра», «Графъ Габсбургскій», «Поликратовъ Перстень» «Кубокъ», и пьесу Шиллера же—«Горная дорога»; все это переведено превосходно.— Но если что́ составляетъ истинный ореолъ Жуковскаго, какъ переводчика, — это его переводъ слѣдующихъ трехъ пьесъ Шиллера: «Торжество побѣдителей», «Жалоба Цереры» и «Элевзинскій праздникъ». Если бы, кромѣ этихъ трехъ пьесъ, Жуковскій ничего не перевелъ, ничего не написалъ,—и тогда бы имя его не было бы забыто въ исторіи русской литературы.

«Торжество побѣдителей» есть одно изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ созданій Шиллера. Въ немъ геній этого поэта является съ лучшей своей стороны. Великая душа Шиллера горячо сочувствовала всему великому и возвышенному, и это сочувствіе ея было воспитано и развито на исторической почвѣ. Глубоко проникъ этотъ великій духъ въ тайну жизни древней Эллады, и много высокихъ вдохновеній пробудила въ немъ эта дивная страна. Онъ такъ краснорѣчиво оплакалъ паденіе ея боговъ, онъ съ такою страстію говорилъ объ ея искусствѣ, ея гражданской доблести, ея мудрости. И нигдѣ съ такою полнотою и такою силою не выразилъ онъ, не воспроизвелъ поэтическаго образа Эллады, какъ въ «Торжествѣ побѣдителей». Эта пьеса есть апоѳеоза всей жизни, всего духа Греціи; эта пьеса—вмѣстѣ и поэтическая тризна, и побѣдная пѣснь въ честь отечества боговъ и героевъ. Она написана въ греческомъ духѣ, облита свѣтомъ мірообъемлю-

щаго созерцанія греческаго. Шиллеръ говоритъ не отъ себя, онъ воскресилъ Элладу и заставилъ ее говорить отъ самой себя и за самое себя. Величіе и важность греческой трагедіи слиты въ этой пьесѣ Шиллера съ возвышенною и кроткою скорбью греческой элегіи. Въ ней видится и свѣтлый Олимпъ съ его блаженными обитателями, и подземное царство Аида, и земля, съ ея добромъ и зломъ, съ ея величіемъ и ничтожностію,— и царящая надъ всѣми ими мрачная Судьба, верховная владычица и боговъ, и смертныхъ... Нельзя шире и вѣрнѣе воспроизвести нравственной физіономіи народа, уже не существующаго столько тысячелѣтій!...

Стихъ Жуковскаго неизмѣримо выше стиха всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ: онъ исполненъ мелодіи и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то сжатой крѣпости и энергіи. Такого стиха требовали содержаніе и духъ поэзіи Жуковскаго. И, несмотря на то, еще многаго не доставало этому стиху: онъ еще далеко не совсѣмъ свободенъ, не совсѣмъ глубокъ. Содержаніе поэзіи Жуковскаго было такъ одностороннe, что стихъ его не могъ отразить въ себѣ всѣ свойства и все богатство русскаго языка. Батюшковъ тоже немало сдѣлалъ для русскаго стиха; но, несмотря на соединенныя заслуги этихъ двухъ поэтовъ, созданіе вполнѣ поэтическаго и вполнѣ художественнаго стиха предлежало Пушкину. Кромѣ односторонности содержанія поэзіи Жуковскаго, не должно еще забывать, что поэтическая дѣятельность его двойственна: въ одной онъ является, какъ романтикъ, самобытенъ и оригиналенъ; въ другой — подъ вліяніемъ предшествовавшихъ ему поэтовъ и, особенно, подъ вліяніемъ идей Карамзина. Правда, онъ и въ

патріотическія стихотворенія, и въ посланія внесъ что-то свое, ему собственно, какъ романтику, принадлежащее; но стихъ въ этихъ пьесахъ все-таки отзывается болѣе или менѣе фактурою старыхъ мастеровъ нашей поэзіи...

Жуковскій не могъ не имѣть сильнаго вліянія на Пушкина; но, въ свою очередъ, и Пушкинъ имѣлъ сильное вліяніе на Жуковскаго: всѣ стихотворенія, написанныя имъ уже по истеченіи второго десятилѣтія текущаго вѣка, отличаются несравненно лучшимъ языкомъ и стихомъ. Къ общимъ недостаткамъ поэзіи Жуковскаго принадлежатъ, часто, невыдержанность въ цѣломъ: рѣдкая пьеса его не теряетъ многаго изъ своего достоинства отсутствіемъ сжатости и всего лишняго. Превосходная элегія «На смерть королевы Виртембергской» можетъ служить образцомъ этого недостатка; въ ней есть лишніе куплеты, замедляющіе, безъ нужды, развитіе главной мысли и своею растянутою прозаичностью ослабляющіе впечатлѣніе цѣлаго.

Неизмѣримъ подвигъ Жуковскаго и велико значеніе его въ русской литературѣ! Его романтическая муза была для дикой степи русской поэзіи элевзинскою богинею Церерою: она дала русской поэзіи душу и сердце, познакомивъ ее съ таинствомъ страданія, утратъ, мистическихъ откровеній и полнаго тревоги стремленія «въ оный таинственный свѣтъ», которому нѣтъ имени, нѣтъ мѣста, но въ которомъ юная душа чувствуетъ свою родную, завѣтную сторону. Есть пора въ жизни человѣка, когда грудь его полна тревоги и волнуется тоскливымъ порываніемъ безъ цѣли, когда горячія желанія съ быстротою смѣняютъ одно другое, и сердце, желая многаго, не хочетъ ничего; когда опредѣленность убиваетъ мечту, удовлетвореніе

подсѣкаетъ крылья желанію, когда человѣкъ любитъ весь міръ, стремится ко всему, и не въ состояніи остановиться ни на чемъ, когда сердце человѣка порывисто бьется любовью къ идеалу и гордымъ презрѣніемъ къ дѣйствительности, и юная душа, расправляя мощныя крылья, радостно взвивается къ свѣтлому небу, желая забыть о существованіи земного праха. Въ эту пору жизни человѣка, любовь робка и стыдлива, жаждетъ одного только сочувствія и удовлетворяется долгимъ взглядомъ, таинствомъ присутствія милаго существа, и за тихое пожатіе руки не пожелаетъ полнаго обладанія. Правда, въ этой порѣ много односторонности, много ложнаго, больше фантазіи, чѣмъ сердца, и за нею непремѣнно должна слѣдовать пора горячаго и тяжелаго разочарованія, для того, чтобъ человѣкъ пришелъ въ состояніе понять истину, какъ она есть, простую и прекрасную собственною красотою, а не радужнымъ нарядомъ фантазіи; чтобъ онъ могъ понять, что вѣчное и безконечное является въ преходящемъ и конечномъ, что идея въ фактахъ, душа въ тѣлѣ... Но эта пора юношескаго энтузіазма есть необходимый моментъ въ нравственномъ развитіи человѣка, — и кто не мечталъ, не порывался въ юности къ неопредѣленному идеалу фантастическаго совершенства, истины, блага и красоты, тотъ никогда не будетъ въ состояніи понимать поэзію — не одну только создаваемую поэтами поэзію, но и поэзію жизни; вѣчно будетъ онъ влачиться низкою душою по грязи грубыхъ потребностей тѣла и сухого, холоднаго эгоизма. Пора безотчетнаго романтизма въ духѣ среднихъ вѣковъ есть необходимый моментъ не только въ развитіи человѣка, но и въ развитіи каждаго народа и

цѣлаго человѣчества. Средніе вѣка были этимъ великимъ моментомъ развитія народовъ западной Европы, а слѣдовательно и всего человѣчества, и этотъ моментъ всемірно-историческаго развитія выразился въ искусствѣ среднихъ вѣковъ. Мы, русскіе, позже другихъ вышедшіе на поприще нравственно-духовнаго развитія, не имѣли своихъ среднихъ вѣковъ: Жуковскій далъ намъ ихъ въ своей поэзіи, которая воспитала столько поколѣній, и всегда будетъ такъ краснорѣчиво говорить душѣ и сердцу человѣка въ извѣстную эпоху его жизни. Жуковскій—это поэтъ стремленія, душевнаго порыва къ неопредѣленному идеалу. Произведенія Жуковскаго не могутъ восхищать всѣхъ и каждаго во всякій возрастъ: они внятно говорятъ душѣ и сердцу въ извѣстный возрастъ жизни или въ извѣстномъ расположеніи духа: вотъ настоящее значеніе поэзіи Жуковскаго, которое она всегда будетъ имѣть. Но Жуковскій, кромѣ того, имѣетъ великое историческое значеніе для русской поэзіи вообще: одухотворивъ русскую поэзію романтическими элементами, онъ сдѣлалъ ее доступною для общества, далъ ей возможность развитія, и безъ Жуковскаго мы не имѣли бы Пушкина. Сверхъ того, есть еще другая великая заслуга русскому обществу со стороны Жуковскаго: благодаря ему, нѣмецкая поэзія—намъ родная, и мы умѣемъ понимать ее безъ того усилія, которое условливается чуждою національностію. Еще въ дѣтствѣ, мы, черезъ Жуковскаго, пріучаемся понимать и любить Шиллера, какъ бы своего національнаго поэта, говорящаго намъ русскими звуками, русскою рѣчью...

1843 г.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

ЭЛЕГІЯ.

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ...
Повсюду тишина, повсюду мертвый сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.

Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея бевмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которые окрестъ, развѣсившись, стоятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.

Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,
Ни крики пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье —
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ гробовъ.

На дымномъ очагѣ трескучій огнь сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И дѣти рѣзвыя, встрѣчать ихъ выбѣгая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить.

Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И пбтомъ ихъ лица кропилася земля!

Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ,
Смѣяся въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ,
Пускай съ холодностью презрѣнія внимаютъ
Таящимся во тьмѣ убогаго дѣламъ:

На всѣхъ ярится смерть; царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная... и нѣкогда найдетъ;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы,
И путь величія ко гробу насъ ведетъ.

А вы, наперсники фортуны ослѣпленны,
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите презирать

За то, что гробы ихъ непышны и забвенны,
Что лесть имъ алтарей не мыслитъ воздвигать.

Вотще надъ мертвыми, истлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ,
Вотще гласъ почестей гремитъ передъ гробами,
Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ.

Уже ль смягчится смерть сплетаемой хвалою,
И невозвратную добычу возвратитъ?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть ихъ бременитъ.

Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ, иль мыслями парить!

Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ,
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою нуждою умерщвленъ.

Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенной,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой;
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой.

Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гампденъ надменный,
Защитникъ согражданъ, тиранства смѣлый врагъ;
Иль кровію гражданъ Кромвель необагренный,
Или Мильтонъ нѣмой, безъ славы скрытый въ прахъ.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться съ бурей бѣдъ, фортуну презирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣкою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои читать —

Того имъ не далъ рокъ; но вмѣстѣ преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣсный положилъ;
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, наслажденьямъ,
И быть жестокими къ страдальцамъ запретилъ —

Таить въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости терять,
И раболѣпствуя, на жертвенникахъ лести
Дары небесныхъ Музъ гордынѣ посвящать.

Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смятеній,
Безъ страха и надеждъ, въ долинѣ жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они безпечно шли тропинкою своей...

И здѣсь спокойно спятъ подъ сѣнью гробовою —
И скромный памятникъ, въ пріютѣ соснъ густыхъ,

Съ непышной надписью и рѣзьбою простою,
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ прахомъ ихъ.

Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись начертать;
Окрестъ библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не плѣнялся,
И взора томнаго назадъ не обращалъ?

Ахъ! нѣжная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навѣки угасая,
Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой;

Ихъ сердце милый гласъ въ могилѣ нашей слышитъ;
Нашъ камень гробовой для нихъ одушевленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной урнѣ дышетъ,
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ.

А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный,
И твой ударитъ часъ, послѣдній, роковой;
И къ гробу твоему, мечтой сопровожденный,
Чувствительный придетъ услышать жребій твой.

Быть можетъ, селянинъ съ почтенной сѣдиною
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:
«Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить.

«Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой;
Тамъ часто, въ горести безпечной, молчаливой,
Лежалъ, задумавшись, надъ свѣтлою рѣкой;

«Нерѣдко въ вечеру, скитаясь межъ кустами —
Когда мы съ поля шли, и въ рощѣ соловей
Свисталъ вечерню пѣснь — онъ томными очами
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей.

«Прискорбный, сумрачный, съ главою наклоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенный,
Которому ничѣмъ души не усладить.

«Взошла заря — но онъ съ зарею не являлся,
Ни къ ивѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ не приходилъ;
Опять заря взошла — нигдѣ онъ не встрѣчался;
Мой взоръ его искалъ — искалъ — не находилъ.

«На утро пѣніе мы слышимъ гробовое...
Несчастнаго несутъ въ могилу положить.

Приблизься, прочитай надгробіе простое,
Чтобъ память добраго слезой благословить:»

Здѣсь пепелъ юноши безвременно сокрыли;
Что́ слава, счастіе, не зналъ онъ въ мірѣ семъ;
Но Музы отъ него лица̀ не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.

Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою—
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ.
Дарилъ несчастныхъ онъ—чѣмъ только могъ—слезою:
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ.

Прохожій, помолись надъ этою могилой;
Онъ въ ней нашелъ пріютъ отъ всѣхъ земныхъ тревогъ;
Здѣсь все оставилъ онъ, что въ немъ грѣховно было,
Съ надеждою, что живъ его Спаситель-Богъ.

1802 г.

ТОСКА ПО МИЛОМЪ.

Дубрава шумитъ;
Сбираются тучи;
На берегъ зыбучій
Склонившись, сидитъ
Въ слезахъ, пригорюнясь, дѣвица-краса;
И полночь, и буря мрачатъ небеса;
И черныя волны, вздымаясь, бушуютъ;
И тяжкіе вздохи грудь бѣлу волнуютъ.

«Душа отцвѣла;
Природа уныла;
Любовь измѣнила,
Любовь унесла
Надежду, надежду—мой сладкій удѣлъ.
Куда ты, мой ангелъ, куда улетѣлъ?
Ахъ, полно! я счастьемъ мірскимъ насладилась:
Жила, и любила... и друга лишилась.

«Теките струёй
Вы, слезы горючи;

Дубравы дремучи,
Тоскуйте со мной.
Ужъ болѣ не встрѣтить мнѣ радостныхъ дней;
Простилась, простилась я съ жизнью моей:
Мой другъ не воскреснетъ; что было, не будетъ...
И бывшаго—сердце вовѣкъ не забудетъ!

«Ахъ! скоро-ль пройдутъ
Унылые годы?
Съ весною—природы
Красы разцвѣтутъ...
Но сладкое счастье не дважды цвѣтетъ.
Пускай же драгое въ слезахъ оживетъ;
Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась;
Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась.

1807 г.

УЗНИКЪ КЪ МОТЫЛЬКУ

ВЛЕТѢВШЕМУ ВЪ ЕГО ТЕМНИЦУ.

Откуда ты, эѳира житель?
Скажи, нежданный гость небесъ,
Какой зефиръ тебя занесъ
Въ мою печальную обитель?
Увы! денницы милый свѣтъ
До сводовъ сихъ не достигаетъ;
Въ сей безднѣ ужасъ обитаетъ;
Веселья здѣсь и слѣда нѣтъ.

Сколь сладостно твое явленье!
Знать, милый гость мой, съ высоты
Страдальца вздохъ услышалъ ты? —
Тебя примчало сожалѣнье;
Увы! убитая тоской
Душа весь міръ въ тебѣ узрѣла,
Надежда ясная влетѣла
Въ темницу къ узнику — съ тобой.

Скажи жъ, любимый другъ природы.
Всѣ тѣ же ль неба красоты?

По-прежнему ль въ лугахъ цвѣты?
Душисты ль рощи? ясны ль воды?
По-прежнему ль въ тиши ночной
Поетъ дубравная пѣвица?
Увы! скажи мнѣ, гдѣ денница?
Скажи, что сдѣлалось съ весной?

Дай вѣсть услышать о свободѣ;
Слыхалъ ли пѣснь ея въ горахъ?
Ее видалъ ли на лугахъ
Въ одушевленномъ хороводѣ?
Ахъ! зрѣлъ ли милую страну,
Гдѣ я былъ счастливъ въ прежни годы?
Все та же ль тамъ краса природы?
Все такъ ли тамъ, какъ встарину?

Весна сихъ сводовъ не видала:
Ты не найдешь на нихъ цвѣтка;
На нихъ затворниковъ рука
Страданій повѣсть начертала;
Не долетаетъ къ симъ стѣнамъ
Зефира легкое дыханье:
Ты внемлешь здѣсь одно стенанье;
Ты здѣсь порхаешь по цѣпямъ.

Лети жъ, лети къ свободѣ въ поле;
Оставь сей бездны глубину;

Спѣши прожить твою весну —
Другой весны не будетъ болѣ;
Спѣши, творенія краса!
Тебя зовутъ луга шелковы:
Тамъ прихоти — твои оковы;
Твоя темница — небеса.

Будь веселъ, гость мой легкокрылый,
Рѣзвяся въ полѣ по цвѣтамъ....
Быть можетъ, двухъ младенцевъ тамъ
Ты встрѣтишь съ матерью унылой.
Ахъ! если бъ могъ ты усладить
Ихъ муку радости словами;
Сказать: онъ живъ! онъ дышетъ вами!
Но... ты не можешь говорить.

Увы! хоть крыльями златыми
Моихъ младенцевъ ты прельсти;
По травкѣ тихо полети,
Какъ бы хотѣлъ быть пойманъ ими;
Тебѣ помчатся вслѣдъ они,
Добычи милыя желая;
Ты ихъ, съ цвѣтка на цвѣтъ порхая,
Къ моей темницѣ примани.

Забавъ ихъ зритель равнодушный,
Пойдетъ за ними вслѣдъ ихъ мать, —

Ты будешь путь ихъ услаждать
Своею рѣзвостью воздушной.
Любовь ихъ мой послѣдній щитъ:
Они страдальцу Провидѣнье;
Сиротъ священное моленье
Тюремныхъ стражей побѣдитъ.

Падутъ желѣзные затворы, —
Дѣтей, супругу, небеса,
Родимый край, холмы, лѣса
Опять мои увидятъ взоры...
Но что?... я цѣпью загремѣлъ;
Сокрылся призракъ-обольститель;
Вспорхнулъ эѳирный посѣтитель...
Постой!... но онъ ужъ улетѣлъ.

1810 г.

СВѢТЛАНА.

А. А. Воейковой.

Разъ въ Крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана, —
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.

«Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко;
Слушай пѣсни круговой;
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: «Кузнецъ,
«Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
«Скуй кольцо златое:
«Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
«Обручаться тѣмъ кольцомъ
«При святомъ налоѣ.»

— Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далёко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался — вѣсти нѣтъ;
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ...
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель. —

Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;

И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
«Загадай, Свѣтлана;
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою.»

Вотъ красавица одна,
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть ліетъ сіянье...
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи...
Съ трескомъ пыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.

Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышетъ...
Вотъ... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ,—слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами,
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами...
Занялся отъ страха духъ...
Вдругъ, въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шопотъ:
«Я съ тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышанъ ропотъ!»

Оглянулась... милый къ ней
Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки.
Ѣдемъ! Попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ;
Храмъ блеститъ свѣчами.»
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;

Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли... кони съ мѣста въ разъ;
Пышутъ дымъ ноздрями:
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ... пусто все вокругъ,
Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ,
Чуть блестятъ поляны;
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
«Что ты смолкнулъ, милый?»
Ни полслова ей въ отвѣтъ:
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ;
Топчутъ снѣгъ глубокій...
Вотъ, въ сторонкѣ божій храмъ
Видѣнъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ;
Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:

«Буди взятъ могилой!»
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ
Блѣденъ и унылый.

Вдругъ мятелица кругомъ;
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Воронъ каркаетъ: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Подымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонекъ;
Виденъ мирный уголокъ,
Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй;
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися... и вмигъ
Изъ очей пропали:
Кони сани и женихъ
Будто не бывали.
Одинокая въ потьмахъ,
Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
Вкругъ мятель и вьюга.

Возвратиться—слѣду нѣтъ...
Виденъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась;
Въ дверь съ молитвою стучитъ...
Дверь шатнулася... скрыпитъ...
Тихо растворилась.

Что жь?... въ избушкѣ гробъ; накрытъ
Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
Свѣчка предъ иконой...
Ахъ! Свѣтлана, что съ тобой?
Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась;
И съ крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ Святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло... вьюги нѣтъ...
Слабо свѣчка тлится,
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится...
Все въ глубокомъ мертвомъ снѣ,
Страшное молчанье...

Чу, Свѣтлана!... въ тишинѣ
Легкое журчанье...
Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ...
Вотъ, Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится...
Сорвался покровъ; мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Видѣнъ весь—на лбу вѣнецъ,
Затворенны очи.
Вдругъ... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы...
Что же дѣвица?... Дрожитъ...
Гибель близко... но не спитъ
Голубочикъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ
Легкія онъ крылы;
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ...
Всей лишенный силы,

Простонавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами,
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами...
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась...
Глядь, Свѣтлана... о Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ,
Ахъ!... и пробудилась.

Гдѣ жъ?... У зеркала, одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
«Ахъ! ужасный, грозный сонъ;
Не добро вѣщаетъ онъ—
Горькую судьбину;
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей,
Радость иль кручину?»

Сѣла (тяжко ноетъ грудь)
Подъ окномъ Свѣтлана;

Изъ окна широкій путь
Видѣнъ сквозь тумана:
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій...
Чу!... вдали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе; вотъ ужъ у воротъ;
Статный гость къ крыльцу идетъ...
Кто?... Женихъ Свѣтланы.

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; все тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Та жъ любовь въ его очахъ,
Тѣ жъ пріятны взоры;
Тѣ жъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жъ, божій храмъ;
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты;
Соберитесь старъ и младъ;
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ—
Пойте: многи лѣты!

Улыбнись, моя краса,
    На мою балладу;
Въ ней большія чудеса,
    Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
    Не хочу и славы;
Слава—насъ учили—дымъ:
    Свѣтъ—судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
«Лучшій другъ намъ въ жизни сей
    Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ;
    Счастье—пробужденье.»

О! не знай сихъ страшныхъ сновъ
    Ты, моя Свѣтлана...
Будь, Создатель, ей покровъ!
    Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
    Къ ней да не коснется;
Въ ней душа какъ ясный день;
    Ахъ! да пронесется
Мимо—бѣдствія рука;
Какъ пріятный ручейка

Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла,
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга.

1811 г.

ПѢВЕЦЪ

ВО СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ.

Пѣвецъ. На полѣ бранномъ тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О всемогущее вино,
Веселіе героя!

Воины. Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О всемогущее вино,
Веселіе героя!

Пѣвецъ. Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могучихъ нѣтъ;
Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ домы вихорь разметалъ;
Ихъ гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги;
Но духъ отцевъ воскресъ въ сынахъ,
Ихъ поприще предъ нами...
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами.

Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами...
О, Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиный.
«Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!»
Гремитъ передъ дружиной.
И ты, невѣрныхъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ соименныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.

И ты, нашъ ПЕТРЪ, въ толпѣ вождей.
Внимайте кличъ: Полтава!

Орлы пришельца—снѣдь мечей,
И міръ взываетъ: слава!
Давно ль, о хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! твой конь и всадникъ палъ;
Твой слѣдъ—костей громады;
Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ Сарматомъ:
Отчизны врагъ—сопутникъ твой;
Злодѣй владыкѣ братомъ.

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи;
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роемъ
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Взлетѣли тѣни съ воемъ;
Блѣднѣетъ Галлъ, дрожитъ Сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ...
О горе! горе, супостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ!

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ,
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый;

Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами;
Да сѣетъ, намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами;
Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!
За гибель—гибель, брань—за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

Воины. Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!
За гибель—гибель, брань—за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

Пѣвецъ. Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Тамъ всё—тамъ родшихъ милый домъ;
Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы—прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы!
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы!

Воины. За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы;
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь.
Зажгутъ отцевъ могилы.

Пѣвецъ. Тебѣ сей кубокъ, русскій царь!
Цвѣти твоя держава;
Священный тронъ твой—намъ алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава.

Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью:
О царь, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью;

Нашъ каждый ратникъ—Славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ
И чуждъ имъ малодушный.

Воины. Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью;
О царь, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью.

Пѣвецъ. Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести,
И жизнь, и смерть,—все пополамъ;
Тамъ дружество безъ лести,
Рѣшимость, правда, простота,
И нравовъ непритворство,
И смѣлость—бранныхъ красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низкихъ узъ;
Къ вѣнцамъ стезею правой!
Опасность—твердый нашъ союзъ;
Одной пылаемъ славой.

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ,
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ,
И грозно мститъ за брата;

Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье—битвы гласъ,
Спокоенъ подъ громами!
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь, и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О, сколь съ израненымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О, диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины...
Могучій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины.

Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;
Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;

Ему знакóмъ побѣды слѣдъ...
Довѣренность къ герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье;
Тамъ стѣны... въ Россахъ вся она;
Мы здѣсь—и Богъ нашъ мщенье.

Хвала сподвижникамъ-вождямъ;
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ твои перуны.
Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.
Нашъ Милорадовичъ, хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью.

Нашъ Витгенштеинъ, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!... Онъ щитъ странѣ родной,
Онъ хищныхъ истребитель.
О, сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами,
Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами

Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ,
И вдругъ... движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.

Хвала тебѣ, Славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!...
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышетъ пламень боя...
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ... однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье;
Примѣръ и ратнымъ, и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье.

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ;
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;

Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ—пышутъ селы.

Хвала, нашъ Несторъ-Бенигсонъ!
И вождь и мужъ совѣта,
Блюдетъ враговъ не дремля онъ,
Какъ змѣй орелъ съ полета.
Хвала, нашъ Остерманъ-герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
И Тормасовъ, летящій въ бой,
Какъ юноша веселый!
И Багговутъ, среди громовъ,
Средь копій безмятежный!
И Дохтуровъ, гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный!

Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!
О, други, сколь смутилась
Вся рать Славянъ, когда стрѣла
Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда полмертвъ, окровавленъ,
Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ изнесенъ
За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
Къ постелѣ пригвожденный,
Онъ страждетъ, братскою толпой
Увѣчныхъ окруженный.

Ему возглавье бранный щитъ;
Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
«Друзья, бѣдамъ презрѣнье!»
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
Веселье пробуждаетъ,
И оживясь, до полы мечъ
Рука ихъ обнажаетъ.
Спѣши жъ, о витязь нашъ! воспрянь;
Ужъ Ангелъ истребленья
Горѣ подъялъ ужасну длань,
И близокъ часъ отмщенья.

Хвала, Щербатовъ, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О тратѣ незабвенной.
О, витязь, ободрись... она
Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
Дружинъ твоихъ хранимы.
Любви и скорби—оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы.

Хвала, нашъ Паленъ, чести сынъ!
Какъ бурею носимый,

Вездѣ впреди своихъ дружинъ
Разитъ, неотразимый.
Нашъ смѣлый Строгоновъ, хвала!
Онъ жаждетъ чистой славы;
Она изъ мира увлекла
Его на путь кровавый...
О, храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

Хвала безтрепетныхъ вождямъ!
На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ,
Во слѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй; въ ночи
Страшатъ какъ привидѣнья;
Блистаютъ смертью ихъ мечи;
Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
По всѣмъ разсыпаны путямъ;
Невидимы и зримы;
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы.

Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь, прокрался вкругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи...

И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ—
А онъ ужъ, витязь, на конѣ;
Уже съ дружиной грянулъ!
Сеславинъ—гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками:
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
И устланъ путь врагами.

Давыдовъ, пламенный боецъ,
Онъ вихремъ въ бой кровавый;
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы.
Кудашевъ скокомъ черезъ ровъ,
И летомъ на стремнину;
Бросаетъ взглядомъ Чернышовъ
На мечъ и громъ дружину;
Орловъ—отважностью орелъ;
И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
Въ среду враговъ Кайсаровъ.

Воины. Вожди Славянъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

Пѣвецъ. Друзья, кипящій кубокъ сей
Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ.
Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
Не станутъ въ ратномъ строѣ,
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья;
Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ щитъ,
Ихъ ратники унылы;
И сиръ могучихъ конь стоитъ
Близъ тихой ихъ могилы.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ — главу па щитъ склонилъ,
И стиснулъ мечъ во длани;
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.
И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери, угасъ
Герой нашъ незабвенный.

А ты, Кутайсовъ, вождь младой...
Гдѣ прелести? гдѣ младость?

Увы! онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ какъ радость;
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ, —
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ —
Одушевлялись струны...
О горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
И нѣтъ на немъ героя.

И гдѣ же твой, о, витязь, прахъ?
Какою взятъ могилой?...
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милой...
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день пріятнѣй,
И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни;
И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружней тѣни.

И ты.... и ты, Багратіонъ?
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.

Еще дружинъ надежда въ нёмъ;
Все мнитъ: съ одра возстанетъ;
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
«Увы намъ! скоро грянетъ.»
А онъ... на вѣки взоръ смежилъ,
Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ-Суворовъ!

И честь вамъ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни;
Тамъ ваша вѣрная семья —
Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды.
«Отъ нихъ учитесь умирать!»
Такъ скажутъ внукамъ дѣды;
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.

Воины. При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.

Пѣвецъ. Сей кубокъ мщенью! други, въ строй!
И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть! нашъ роковой
Обѣтъ предъ Богомъ брани.
Вотще, о врагъ, изъ тьмы племенъ
Ты зиждешь ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ,
И жаждутъ низложенья.
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ;
Тамъ стрѣлы и кольчуги;
Мы села въ пепелъ; грады въ прахъ;
Въ мечи — серпы и плуги.

Злодѣй! онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины;
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
Съ Кремлевскія вершины.
«Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
Пойду... и все восплещетъ!
И въ прахъ падутъ съ своимъ царемъ!»...
Пришелъ... и самъ трепещетъ;
Подвигло мщеніе Москву:
Вспылала предъ врагами,
И грянулась на ихъ главу
Губящими стѣнами.

Веди жъ своихъ царей-рабовъ
Съ ихъ стаей въ область хлада;

Пробей тропу среди снѣговъ
Во срѣтеніе глада...
Зима, союзникъ нашъ, гряди!
Имъ запертъ путь возвратный;
Пустыни въ пеплѣ позади;
Предъ ними сонмы ратны.
Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Воины. Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, или мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Пѣвецъ. Святому братству сей фіалъ
Отъ вѣрныхъ братій круга!
Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга;
Съ нимъ счастье вдвое; въ скорбный часъ
Онъ сердцу утѣшенье;
Онъ наша совѣсть; онъ для насъ
Второе Провидѣнье.
О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить, и пасть друзьями.

Воины. О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить, и пасть друзьями.

Пѣвецъ. Любви сей полный кубокъ въ даръ!
Среди борьбы кровавой,
Друзья; святой питайте жаръ:
Любовь одно со славой.
Кому здѣсь жребій удѣленъ
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцемъ сердцу обрученъ:
Тотъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летитъ;
Нѣтъ страха; нѣтъ преграды;
Чего, чего не совершитъ
Для сладостной награды?

Ахъ! мысль о той, кто все для насъ,
Намъ спутникъ неизмѣнный;
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ незабвенный;
Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженья;
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья.
Отвѣдай, врагъ, исторгнуть щитъ,
Рукою данный милой;

Святой обѣтъ на немъ горитъ:
Твоя и за могилой!

О, сладость тайныя мечты!
Тамъ, тамъ, за синей далью
Твой ангелъ, дѣва красоты,
Одна съ своей печалью,
Груститъ; о другѣ слезы льетъ;
Душа ея въ молитвѣ,
Боится вѣсти, вѣсти ждетъ:
«Увы! не палъ ли въ битвѣ?»
И мыслитъ: «скоро ль, дружній гласъ,
Твои мнѣ слышать звуки?
Лети, лети, свиданья часъ,
Смѣнить тоску разлуки.»

Друзья! блаженнѣйшая часть:
Любезныхъ быть спасеньемъ,
Когда жъ предѣлъ нашъ въ битвѣ пасть—
Погибнемъ съ наслажденьемъ;
Святое имя призовемъ
Въ минуту смертной муки;
Кѣмъ мы дышали въ мірѣ семъ,
Съ той нѣтъ и тамъ разлуки:
Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милой...
О, други, смерть не все возьметъ;
Есть жизнь и за могилой.

Воины. Въ тотъ міръ душа перенесетъ
Любовь и образъ милой...
О други, смерть не все возьметъ;
Есть жизнь и за могилой.

Пѣвецъ. Сей кубокъ чистымъ Музамъ въ даръ!
Друзья, онѣ въ героя
Вливаютъ бодрость, славы жаръ,
И месть, и жажду боя.
Гремятъ ихъ лиры—старъ и младъ
Одѣлись въ бранны латы:
Ничто имъ стрѣлъ свистящихъ градъ,
Ничто твердынь раскаты.
Пѣвцы—сотрудники вождямъ;
Ихъ пѣсни—жизнь побѣдамъ,
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

О, радость древнихъ лѣтъ, Боянъ!
Ты, арфой ополченный,
Леталъ предъ строями Славянъ,
И гимнъ гремѣлъ священный.
ПЕТРУ возникъ среди снѣговъ
Пѣвецъ податель славы;
Честь Задунайскому—Петровъ;
О, Камскія дубравы!
Гордитесь, вашъ Державинъ сынъ;
Готовь свои перуны,

Суворовъ, чудо-исполинъ,—
Державинъ грянетъ въ струны!

О, старецъ! да услышимъ твой
Днесь голосъ лебединый;
Не тщетной славы предъ тобой,
Но мщенія дружины;
Простерли не къ добычамъ длань,
Бѣгутъ не за вѣнками—
Ихъ подвигъ святъ: то правыхъ брань
Съ злодѣйскими ордами.
Пришло разрушить ихъ мечамъ
Племенъ порабощенье;
Самимъ губителя рабамъ
Побѣды ихъ—спасенье.

Такъ, братья, чадамъ Музъ хвала!..
Но я, пѣвецъ вашъ юный...
Увы! почто судьба дала
Незвучныя мнѣ струны?
Доселѣ тихимъ лишь полямъ
Моя играла лира...
Вдругъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!
Прости, и сладость мира,
И отчій край, и кругъ друзей,
И трудъ уединенный,
И все... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
Гдѣ ужасы военны.

Но буду ль ваши пѣть дѣла
И хищныхъ истребленье?
Быть можетъ, ждетъ меня стрѣла,
И мнѣ удѣлъ—паденье.
Но что жъ... на вѣки ль смертный часъ
Мой слѣдъ изгладитъ въ мірѣ?
Останется привычный гласъ
Въ осиротѣвшей лирѣ.
Пускай губителя во прахъ
Низринетъ месть кровава—
Родится жизнь въ ея струнахъ,
И звучно грянутъ: слава!

Воины. Хвала возвышеннымъ пѣвцамъ!
Ихъ пѣсни—жизнь побѣдамъ;
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

Пѣвецъ. Подымемъ чашу!... Богу силъ!
О, братья, на колѣна!
Онъ искони благословилъ
Славянскія знамена.
Безсильнымъ щитъ Его законъ,
И гибнущимъ спаситель;
Всегда союзникъ правыхъ Онъ
И гордыхъ истребитель.
О, братья, взоры къ небесамъ!
Тамъ, жизни сей награда!

Оттоль Отецъ незримый намъ
Гласитъ: мужайтесь, чада!

Безсмертье, тихій, свѣтлый брегъ;
Нашъ путь—къ нему стремленье.
Покойся, кто свой кончилъ бѣгъ!
Вы, странники, терпѣнье!
Блаженъ, кого постигнулъ бой!
Пусть долго, съ жизнью хилой,
Старикъ трепещущей ногой
Влачится надъ могилой;
Сынъ брани—мигомъ ношу въ прахъ
Съ могучихъ плечъ свергаетъ,
И, бодръ, на молнійныхъ крылахъ
Въ міръ лучшій улетаетъ.

А мы?... Довѣренность къ Творцу!
Что бъ ни было—Незримый
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслѣдъ!
Прочь, низкое! прочь, злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ,
До самой двери гроба:
Въ высокой долѣ—простота;
Нежадность—въ наслажденьѣ;
Въ союзѣ съ равнымъ—правота;
Въ могуществѣ—смиренье;

Обѣтамъ—вѣрность; чести—честь;
Покорность—правой власти;
Для дружбы—все, что̀ въ мірѣ есть;
Любви—весь пламень страсти;
Утѣха—скорби; просьбѣ—дань;
Погибели—спасенье;
Могущему пороку—брань,
Безсильному—презрѣнье;
Неправдѣ—грозный правды гласъ;
Заслугѣ—воздаянье;
Спокойствіе—въ послѣдній часъ;
При гробѣ—упованье.

О! будь же, Русскій Богъ, намъ щитъ!
Прострешь Твою десницу—
И мститель-громъ Твой раздробитъ
Коня и колесницу.
Какъ воскъ передъ лицемъ огня,
Растаетъ врагъ предъ нами...
О страхъ карающаго дня!
Бродя окрестъ очами,
Речетъ пришлецъ: «враговъ я зрѣлъ;
«И мнилъ: земли имъ мало;
«И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
«Протекъ—враговъ не стало!»

Воины. Речетъ пришлецъ: «враговъ я зрѣлъ;
«И мнилъ: земли имъ мало;

«И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
«Протекъ—враговъ не стало!»

Пѣвецъ. Но свѣтлыхъ облаковъ гряда
Ужъ утро возвѣщаетъ;
Уже восточная звѣзда
Надъ холмами играетъ;
Рѣдѣетъ сумракъ; сквозь туманъ
Проглянули равнины,
И дальній лѣсъ, и тихій станъ,
И спящія дружины.
О, други, скоро!.., день грядетъ...
Недвижны рати бурны...
Но... Рокъ ужъ жребіи беретъ
Изъ таинственной урны.

О, новый день, когда твой свѣтъ
Исчезнетъ за холмами,
Сколь многихъ взоръ нашъ не найдетъ
Межъ нашими рядами!...
И онъ блеснулъ!... Чу!... вѣстовой
Перунъ по холмамъ грянулъ;
Внимайте: въ полѣ шумъ глухой!
Смотрите: станъ воспрянулъ!
И кони ржутъ, грызя бразды;
И строй сомкнулся съ строемъ;
И вождь летитъ передъ ряды;
И пышетъ ратникъ боемъ.

Друзья, прощанью кубокъ сей!
И смѣло въ бой кровавый
Подъ вихорь стрѣлъ, на рядъ мечей,
За смертью, иль за славой!...
О, вы, которыхъ и вдали
Боготворимъ сердцами,
Вамъ, вамъ всѣ блага на земли!
Щитъ Промысла надъ вами!...
Всевышній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь*—вѣрныя любви,
Тамъ—сладкаго свиданья!

Воины. Всевышній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь*—вѣрныя любви,
Тамъ—сладкаго свиданья!

1812 г.

А. И. ТУРГЕНЕВУ

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО ПИСЬМО.

Другъ, отчего печаленъ голосъ твой?
Отвѣтствуй, братъ, рѣши мое сомнѣнье.
Иль онъ твоей судьбы изображенье?
Иль счастіе простилось и съ тобой?
Съ стѣсненіемъ письмо твое читаю;
Увы! на немъ унынія печать;
Чего не смѣлъ ты ясно мнѣ сказать,
То все, мой другъ, я чувствомъ понимаю.
Такъ, и на твой досталося удѣлъ:
Разрушенъ міръ фантазіи прелестной;
Ты въ наготѣ, другъ милый, жизнь узрѣлъ;
Что въ безднѣ сей таилось, все извѣстно—
И для тебя ужъ здѣсь обмана нѣтъ.
И, испытавъ, сколь сей измѣнчивъ свѣтъ,
Съ плѣнительнымъ простившись ожиданьемъ,
На прошлы дни ты обращаешь взглядъ,
И безъ надеждъ живешь воспоминаньемъ.

О! не бывать минувшему назадъ!
Сколь весело промчалися тѣ годы,
Когда мы всѣ, товарищи-друзья,
Дѣлили жизнь на лонѣ у свободы!
Безпечные, мы въ чувствѣ бытія,
Чтó было, есть и будетъ, заключали,
Грядущее надеждой украшали—
И радостнымъ оно являлось намъ.
Гдѣ время то, когда по вечерамъ
Въ веселый кругъ насъ Музы собирали?
Нѣтъ и слѣдовъ; изчезло все—и садъ,
И ветхій домъ, гдѣ мы въ осенній хладъ
Святой союзъ любви торжествовали,
И звономъ чашъ шумъ вѣтровъ заглушали.
Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
Не онъ ли насъ пріятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ?
Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?
Сколь былъ онъ простъ, нескрытенъ въ разговорѣ!
Какъ для друзей всю душу обнажалъ!
Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстромъ взорѣ.
Бывало, онъ, съ отцемъ рука съ рукой,
Входилъ въ нашъ кругъ—и радость съ нимъ являлась:
Старикъ при немъ былъ юноша живой;
Его сѣдинъ свобода не чуждалась...
О, нѣтъ! онъ былъ милѣйшій намъ собратъ;

Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,
Отъ сердца даръ—его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями...
Увы! ихъ нѣтъ... мы жъ каждый по тропамъ
Незнаемымъ за счастьемъ полетѣли,
Намъ прошепталъ какой-то голосъ: *тамъ!*
Но что? и гдѣ? и кто вожатый къ цѣли?
Вдали сіялъ плѣнительный призракъ—
Насъ тайное къ нему стремленье мчало;
Но опытъ вдругъ накинулъ покрывало
На нашу даль— и тамъ одинъ лишь мракъ,
И вѣрою къ грядущему убоги,
Задумчиво глядимъ съ полудороги
На спутниковъ, отставшихъ назади,
На милую Фантазію съ мечтами...
Измѣнница! навѣкъ простилась съ нами,
А все еще твердитъ свое: *иди!*
Куда идти? что ждетъ насъ въ отдаленьѣ?
Чему еще на свѣтѣ вѣру дать?
И можно ль, другъ, желаніе питать,
Когда для насъ столь бѣдно исполненье?
Мы разными дорогами пошли:
Но что жъ, куда онѣ насъ привели?
Все къ одному, что счастье—заблужденье.
Сравни, сравни себя съ самимъ собой:
Гдѣ прежній ты, цвѣтущій, жизни полный?
Бывало все—и солнце за горой,
И запахъ липъ, и чуть шумящи волны,

И шорохъ нивъ, струимыхъ вѣтеркомъ,
И темный лѣсъ, склоненный надъ ручьемъ,
И пастыря въ долинѣ пѣснь простая—
Веселіемъ всю душу растворяя,
Съ прелестною сливалося мечтой:
Вся жизни даль являлась предъ тобой;
И ты, восторгъ предчувствіемъ считая,
Въ событіе надежду обращалъ.
Природа та жъ... но гдѣ очарованье?
Ахъ! съ нами, другъ, а прежній міръ пропалъ;
Предъ опытомъ умолкло упованье;
Чтó въ *оны дни* будило радость въ насъ,
То въ насъ *теперь* унылость пробуждаетъ;
Во всемъ, во всемъ прискорбный слышенъ гласъ,
Что ничего намъ жизнь не обѣщаетъ.
И мы еще, мой другъ, во цвѣтѣ лѣтъ.
О, бѣденъ, кто себя переживетъ!
Предъ кѣмъ сей міръ, столь нѣкогда веселый,
Какъ отчій домъ, ужасно опустѣлый:
Тамъ въ старину все жило, все цвѣло,
Тамъ онъ игралъ младенцемъ въ колыбели;
Но время все оттуда унесло,
И съ милыми веселья улетѣли;
Онъ ихъ зоветъ... ему отвѣта нѣтъ;
Въ его глазахъ развалины унылы;
Одинъ его минувшей жизни слѣдъ:
Утраченныхъ безмолвныя могилы.

Неси жъ туда, гдѣ нашъ отецъ и братъ
Спокойнымъ сномъ въ пріютѣ гроба спятъ,
Вѣнки изъ розъ, вино и ароматы;
Воздвигнемъ, другъ, тамъ памятникъ простой
Ихъ бытія... и скорбной нашей траты.
Одинъ исчезъ изъ области земной
Въ объятіяхъ веселыя надежды.
Увы! онъ зрѣлъ лишь юный жизни цвѣтъ;
Съ усиліемъ его смыкались вѣжды;
Онъ сѣтовалъ, навѣкъ теряя свѣтъ—
Гдѣ милаго столь много оставалось,
Что бытіе такъ рано прекращалось.
Но онъ и въ гробъ мечтой сопровожденъ.
Другой... старикъ... сколь былъ онъ изумленъ
Тогда, какъ смерть, ошибкою ужасной,
Не надъ его одряхшей головой,
Надъ юностью обрушилась прекрасной!
Онъ не ропталъ; но съ тихою тоской
Смотрѣлъ на прахъ покоя и могилы—
Увы! тамъ ждалъ его сопутникъ милый;
Онъ мыслію, безмолвный предъ судьбой,
Взывалъ къ Творцу: да пройдетъ чаша мимо!
Она прошла... и мы въ сей край незримый
Летимъ душой за милыми во слѣдъ;
Но къ намъ отъ нихъ желанной вѣсти нѣтъ;
Лишь тайное живетъ въ насъ ожиданье...
Когда жъ? когда?... Другъ милый, упованье!
Гробами ихъ рубежъ означенъ тотъ,

За коимъ насъ свободы геній ждетъ
Съ спокойствіемъ, безчувствіемъ, забвеньемъ.
Пришедъ туда, о другъ, съ какимъ презрѣньемъ
Мы бросимъ взоръ на жизнь, на гнусный свѣтъ,
Гдѣ милое одинъ минутный цвѣтъ,
Гдѣ доброму слѣдовъ ко счастью нѣтъ,
Гдѣ мнѣніе надъ совѣстью властитель;
Гдѣ все, мой другъ, иль жертва иль губитель!...
Дай руку, братъ! какъ знать, куда нашъ путь
Насъ приведетъ, и скоро ль онъ свершится,
И что еще во мглѣ судьбы таится?—
Но дружба намъ звѣздой отрады будь!
О прочемъ здѣсь останемся безпечны;
Намъ счастья нѣтъ: за то и мы—не вѣчны!

1813 г.

АББАДОНА.

Сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземнаго трона
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ Серафимъ Аббадона. Печальной
Мыслью бродилъ онъ въ минувшемъ: грозно вдали передъ взоромъ,
Смутнымъ, потухшимъ отъ тяжкія, тайныя скорби, являлись
Мука на мукѣ, темная вѣчности бездна. Онъ вспомнилъ
Прежнее время, когда онъ, невинный, былъ другъ Абдіила,
Свѣтлое дѣло свершившаго въ день возмущенья предъ Богомъ:
Къ трону Владыки одинъ Абдіилъ, непрельщенъ, возвратился.
Другомъ влекомый, ужъ былъ далекó отъ враговъ Аббадона;
Вдругъ Сатана ихъ настигъ, въ колесницѣ, гремя и блистая:
Звучно торжественнымъ кликомъ зовущихъ грянуло небо:
Съ шумомъ помчалися рати мечтой божества упоенныхъ—
Ахъ! Аббадона, бурей безумцевъ отъ друга оторванъ,
Мчится, не внемля прискорбной, грозящей мольбѣ Абдіила;
Тьмой божества отуманенный, взоровъ молящихъ не видитъ;
Другъ позабытъ: въ торжествѣ къ полкамъ Сатаны онъ примчался.
Мраченъ, въ себя погруженъ, пробѣгалъ онъ въ мысляхъ всю повѣсть

Прежней, невинныя младости; мыслилъ объ утрѣ созданья.
Вкупѣ и вдругъ сотворилъ ихъ Создатель. Въ восторгѣ рожденья
Всѣ вопрошали другъ друга: скажи, Серафимъ, братъ небесный,
Кто ты? Откуда, прекрасный? Давно ль существуешь, и зрѣлъ ли
Прежде меня? О! повѣдай, что́ мыслишь? Намъ вмѣстѣ безсмертье!
Вдругъ изъ дали свѣтозарной на нихъ благодатью слетѣла
Божія слава; узрѣли все небо, шумящее сонмомъ
Новосозданныхъ для жизни; къ Вѣчному облако свѣта
Ихъ вознесло, и, завидѣвъ Творца, возгласили: Создатель!—
Мысли о прошломъ тѣснились въ душѣ Аббадоны, и слезы,
Горькія слезы бѣжали потокомъ по впалымъ ланитамъ.
Съ трепетомъ внялъ онъ хулы Сатаны, и воздвигся, нахмуренъ;
Тяжко вздохнулъ онъ трикраты—такъ въ битвѣ кровавой другъ друга
Братья сразившіе тяжко въ томленьи кончины вздыхаютъ.—
Мрачнымъ взоромъ окинувъ совѣтъ Сатаны, онъ воскликнулъ:
«Будь на меня вся неистовыхъ злоба—вѣщать вамъ дерзаю!
Такъ, я дерзаю вѣщать вамъ, чтобъ Вѣчнаго судъ не сразилъ насъ
Равною казнію! Горе тебѣ, Сатана-возмутитель!
Я ненавижу тебя, ненавижу, убійца! Вовѣки
Требуй Онъ, нашъ Судія, отъ тебя развращенныхъ тобою,
Нѣкогда чистыхъ наслѣдниковъ славы! Да вѣчное: *горе!*
Грозно гремитъ на тебя въ семъ совѣтѣ духовъ погубленныхъ!
Горе тебѣ, Сатана! Я въ безумствѣ твоемъ не участникъ!
Нѣтъ, не участникъ въ твоихъ замышленьяхъ возстать на Мессію!
Бога-Мессію сразить!... О ничтожный, о комъ говоришь ты?
Онъ Всемогущій, а ты пресмыкаешься въ прахѣ, безсильный,

Гордый невольникъ... Пошлетъ ли смертному Богъ искупленье,
Тлѣна ль оковы расторгнуть помыслитъ—тебѣ ль съ Нимъ бороться!
Ты ль растерзаешь безсмертное тѣло Мессіи? Забылъ ли,
Кто Онъ? Не ты ль опаленъ всемогущими громами гнѣва?
Иль на челѣ твоемъ мало ужасныхъ слѣдовъ отверженья?
Иль Вседержитель добычею будетъ безумства безсильныхъ?
Мы, заманившіе въ смерть человѣка... о, горе мнѣ, горе!
Я вашъ сообщникъ!... Дерзнемъ ли возстать на Подателя жизни?
Сына Его Громовержца хотимъ умертвить—о, безумство!
Сами хотимъ въ слѣпотѣ истребить ко спасенью дорогу!
Нѣкогда духи блаженные, сами навѣки надежду
Прежняго счастія, мукъ утоленія мчимся разрушить!
Знай же, сколь вѣрно, что мы ощущаемъ съ сугубымъ страданьемъ
Муку паденья, когда ты въ сей безднѣ изгнанья и ночи
Гордо о славѣ твердишь намъ; столь вѣрно и то, что сраженный
Ты со стыдомъ на челѣ отъ Мессіи въ свой адъ возвратишься.»
Бѣшенъ, кипя нетерпѣньемъ, внималъ Сатана Аббадонѣ;
Хочетъ съ престола въ него онъ ударить огромной скалою—
Гнѣвъ обезсилилъ подъятую грозно съ камнемъ десницу!
Топнулъ яряся ногой и трикраты отъ бѣшенства вздрогнулъ;
Молча воздвигшись, трикраты сверкнулъ онъ въ глаза Аббадоны
Пламеннымъ взоромъ, и взоръ былъ отъ бѣшенства ярокъ и мраченъ:
Но презирать былъ не властенъ. Ему предстоялъ Аббадона,
Тихій, безстрашный, съ унылымъ лицемъ. Вдругъ воспрянулъ свирѣпый
Адрамелехъ, Божества, Сатаны и людей ненавистникъ.

«Въ вихряхъ и буряхъ тебѣ я хочу отвѣчать, малодушный;
Гряну грозою отвѣтъ, сказалъ онъ. Ты ли ругаться
Смѣешь богами? Ты ли, презрѣннѣйшій въ сонмѣ безплотныхъ,
Въ прахѣ своемъ Сатану и меня оскорблять замышляешь?
Нѣтъ тебѣ казни; казнь твоя: мыслей безсильныхъ ничтожность.
Рабъ, удались; удались, малодушный; прочь отъ могущихъ;
Прочь отъ жилища царей; исчезай непримѣтный въ пучинѣ;
Тамъ да создастъ тебѣ царство мученія твой Вседержитель;
Тамъ проклинай безконечность, или, ничтожности алчный,
Въ низкомъ безсиліи рабски предъ небомъ глухимъ пресмыкайся.
Ты же, отважный, средь самаго неба нарекшійся Богомъ,
Грозно въ кипѣніи гнѣва на брань полетѣвшій съ Могущимъ,
Ты, обреченный въ грядущемъ несмѣтныхъ міровъ повелитель,
О, Сатана, полетимъ; да узрятъ насъ въ могуществѣ духи;
Да поразитъ ихъ, какъ буря, помысловъ нашихъ отважность!
Всѣ лавиринѳы коварства предъ нами: пути ихъ мы знаемъ;
Въ мракѣ ихъ смерть; не найдетъ Онъ изъ бѣдственной тьмы ихъ исхода.
Если жъ, наставленный небомъ, разрушитъ Онъ хитрые ковы—
Пламенны бури пошлемъ, и Его не минуетъ погибель.
Горе, земля, мы грядемъ, ополченные смертью и адомъ;
Горе безумнымъ, кто насъ отразить на землѣ возмечтаетъ!»
Адрамелехъ замолчалъ, и смутилось, какъ буря, собранье;
Страшно отъ топота ногъ ихъ вся бездна дрожала: какъ будто
Съ громомъ утесъ за утесомъ валился; съ кликомъ и воемъ,
Гордые славой грядущихъ побѣдъ, всѣ воздвиглися; дикій
Шумъ голосовъ поднялся, и отгрянулъ съ востока на западъ:
Всѣ заревѣли: «погибни, Мессія!» Отвѣка созданье

Столь ненавистнаго дѣла не зрѣло. Съ Адрамелехомъ
Съ трона пошелъ Сатана, и ступени, какъ мѣдныя горы,
Тяжко подъ ними звенѣли; съ крикомъ, зовущимъ къ побѣдѣ,
Кинулись смутной толпой во врата растворенныя ада.
Издали, медленно, слѣдомъ за ними, летѣлъ Аббадона;
Видѣть хотѣлъ онъ конецъ необузданно-страшнаго дѣла.
Вдругъ, нерѣшимой стопою онъ къ Ангеламъ, стражамъ Эдема,
Робко подходитъ... Кто же тебѣ предстоитъ, Аббадона?
Онъ, Абдіилъ непреклонный, нѣкогда другъ твой... а нынѣ?...
Взоры потупивъ, вздохнулъ Аббадона. То удалиться,
То подойти онъ желаетъ; то въ сиротствѣ, безнадежный,
Онъ въ безпредѣльное броситься хочетъ. Долго стоялъ онъ,
Трепетенъ, грустенъ; вдругъ, ободрясь, приступилъ къ Абдіилу;
Сильно билось въ немъ сердце; тихія слезы катились
Ангеламъ токмо знакомыя слезы, по блѣднымъ ланитамъ;
Тяжкими вздохами грудь воздымалась; медленный трепетъ,
Смертнымъ и въ самомъ бореньи съ концемъ неиспытанный,
мучилъ
Въ робкомъ его приближеньи... Но, ахъ! Абдіиловы взоры,
Ясны и тихи, неотвратимо смотрѣли на славу
Вѣчнаго Бога; его жъ Абдіилъ не замѣтилъ. Какъ прелесть
Перваго утра, какъ младость первой весны міррозданья,
Такъ Серафимъ блисталъ, но блисталъ онъ не для Аббадоны.
Онъ отлетѣлъ, и одинъ, посреди опустѣвшаго неба,
Такъ невнимаемымъ гласомъ взывалъ издали къ Абдіилу:
«О, Абдіилъ, мой братъ, иль навѣки меня ты отринулъ?
Такъ, навѣки я розно съ возлюбленнымъ... страшная вѣчность!
Плачь обо мнѣ, все твореніе; плачьте вы, первенцы свѣта;

Онъ не возлюбитъ уже никогда Аббадоны; о, плачьте!
Вѣчно не быть мнѣ любимымъ; увяньте вы, тайныя сѣни,
Гдѣ мы бесѣдой о Богѣ о дружбѣ нѣжно сливались;
Вы, потоки небесъ, близъ которыхъ, сладко объемлясь,
Мы воспѣвали чистою пѣснію Божію славу,
Ахъ! замолчите, изсякните: нѣтъ для меня Абдіила;
Нѣтъ, и навѣки не будетъ. Адъ мой, жилище мученья,
Вѣчная ночь, унывайте вмѣстѣ со мною: навѣки
Нѣтъ Абдіила; вѣчно мнѣ милаго брата не будетъ».
Такъ тосковалъ Аббадона, стоя передъ всходомъ въ созданье.
Строемъ катилися звѣзды. Блескъ и крылатые громы
Встрѣчу ему Оріоновъ летящихъ его устрашили;
Цѣлые вѣки не зрѣлъ онъ, тоской одинокой томимый,
Свѣтлыхъ міровъ; погруженъ въ созерцанье, печально сказалъ онъ:
«Сладостный входъ въ небеса, для чего загражденъ Аббадонѣ?
О! для чего не могу я опять залетѣть на отчизну,
Къ свѣтлымъ мірамъ Вседержителя, вѣчно покинуть
Область изгнанья? Вы, солнцы, прекрасныя чада созданья,
Въ оный торжественный часъ, какъ, блистая, изъ мощной десницы
Вы полетѣли по юному небу—я былъ васъ прекраснѣй.
Нынѣ стою, помраченный, отверженный, сирый изгнанникъ,
Грустный, среди красоты мірозданья. О, небо родное,
Видя тебя, содрогаюсь: тамъ потерялъ я блаженство;
Тамъ, отказавшись отъ Бога, сталъ грѣшникъ. О, миръ непорочный,
Милый товарищъ мой въ свѣтлой долинѣ спокойствія, гдѣ ты?
Тщетно! одно лишь смятенье при видѣ небесныя славы

Мнѣ Судія отъ блаженства оставилъ—печальный остатокъ!
Ахъ! для чего я къ Нему не дерзну возгласить: мой Создатель!
Радостно бъ нѣжное имя Отца уступилъ непорочнымъ;
Пусть неизгнанные въ чистомъ восторгѣ: Отецъ!—восклицаютъ.
О, Судія непреклонный, преступникъ молить не дерзаетъ,
Чтобъ хоть единымъ Ты взоромъ его посѣтилъ въ сей пучинѣ.
Мрачныя, полныя ужаса мысли, и ты, безнадежность,
Грозный мучитель, свирѣпствуй!... Почто я живу? О, ничтожность!
Или тебя не узнать?... Проклинаю сей день ненавистный,
Зрѣвшій Создателя въ шествіи свѣтломъ съ предѣловъ востока,
Слышавшій слово Создателя: буди! слышавшій голосъ
Новыхъ безсмертныхъ, вѣщавшихъ: и братъ нашъ возлюбленный создапъ.
Вѣчность, почто родила ты сей день? Почто онъ былъ ясенъ,
Мрачностью не былъ той ночи подобенъ, которою Вѣчный,
Въ гнѣвѣ своемъ несказанномъ, себя облекаетъ? Почто онъ
Не былъ, проклятый Создателемъ, весь обнаженъ отъ созданій?...
Что говорю?... О, хулитель, кого предъ очами созданья
Ты порицаешь? Вы, солнцы, меня опалите! вы, звѣзды,
Гряньтесь ко мнѣ на главу, и укройте меня отъ престола
Вѣчныя правды и мщенья. О, Ты, Судія непреклонный,
Или надежды вѣчность Твоя для меня не скрываетъ?
О, Судія, Ты Создатель, Отецъ... что сказалъ я, безумецъ!
Мнѣ ль призывать Іегову, Его нарицать именами,
Страшными грѣшнику? Ихъ лишь даруетъ одинъ Примиритель.
Ахъ! улетимъ; ужъ воздвиглись Его всемогущіе громы
Страшно ударить въ меня... улетимъ... но куда?... гдѣ отрада?»
Быстро ударился онъ въ глубину безпредѣльныя бездны...

Громко кричалъ онъ: сожги, уничтожь меня, огнь разрушитель!
Крикъ въ безпредѣльномъ исчезъ... и огнь не притекъ разрушитель.
Смутный онъ снова помчался къ мірамъ, и приникъ утомленный
Къ новому пышно-блестящему солнцу. Оттолѣ на безды
Скорбно смотрѣлъ онъ. Тамъ звѣзды кипѣли, какъ свѣтлое море;
Вдругъ налетѣла на солнце заблудшая въ безднѣ планета;
Часъ ей насталъ разрушенья... она ужъ дымилась и рдѣла...
Къ ней полетѣлъ Аббадона, разрушиться вкупѣ надѣясь...
Дымомъ она разлетѣлась, но ахъ!... не погибъ Аббадона!

1814 г.

ЭОЛОВА АРФА.

БАЛЛАДА.

Владыка Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ за́мкѣ могучій Ордалъ;
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатыя за́мокъ съ холма возвышалъ;
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,
И стлался кудрявый
Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ холмамъ.

Спокойствіе сѣней
Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ нарушалъ,
Рогатыхъ еленей
И вепрей, и ланей могучій Ордалъ
Съ отважными псами
Гонялъ по холмамъ;
И долы съ холмами,
Шумя, отвѣчали зовущимъ рогамъ.

Въ жилище Ордала
Веселость изъ ближнихъ и дальнихъ краёвъ

Гостей собирала;
И убраны были чертоги пировъ
Еленей рогами;
И въ память отцамъ
Висѣли рядами
Ихъ шлемы, кольчуги, щиты по стѣнамъ.

И въ дружныхъ бесѣдахъ
Любилъ за бокаломъ разсказы Ордалъ
О древнихъ побѣдахъ,
И взоры на брони отцевъ устремлялъ:
Чеканны ихъ латы
Въ глубокихъ рубцахъ;
Мечи ихъ зубчаты;
Щиты ихъ и шлемы избиты въ бояхъ.

Младая Минвана
Красой озаряла родительскій домъ;
Какъ зыби тумана,
Зарею златимы надъ свѣжимъ холмомъ,
Такъ кудри густыя
Съ главы молодой
На перси младыя,
Віяся, бѣжали струей золотой.

Пріятнѣй денницы
Задумчивый пламень во взорахъ сіялъ:

Сквозь темны рѣсницы
Онъ сладкое въ душу смятенье вливалъ;
Потока журчанье—
Пріятность рѣчей;
Какъ роза, дыханье;
Душа же прекраснѣй и прелестей въ ней.

Гремѣла красою
Минвана и въ ближнихъ, и въ дальнихъ краяхъ;
Въ Морвену толпою
Стекалися витязи, славны въ бояхъ;
И дщерью гордился
Предъ ними отецъ...
Но втайнѣ дѣлился
Душою съ Минваной Арминій-пѣвецъ.

Младой и прекрасный,
Какъ свѣжая роза—утѣха долинъ,
Пѣвецъ сладкогласный...
Но родомъ не знатный, не княжескій сынъ:
Минвана забыла
О санѣ своемъ,
И сердцемъ любила,
Невинная, сердце невинное въ немъ.—

На темные своды
Багрянымъ щитомъ покатилась луна;

И озера воды
Струистымъ сіяньемъ покрыла она;
Отъ зáмка, отъ сѣней
Дубравъ по брегамъ,
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ водамъ.

На холмѣ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ кустовъ,
Подъ дубомъ вѣтвистымъ—
Свидѣтелемъ тайныхъ свиданья часовъ—
Минвана младая
Сидѣла одна,
Пѣвца ожидая,
И въ страхѣ таила дыханье она.

И съ арфою стройной
Ко древу къ Минванѣ приходитъ пѣвецъ.
Все было спокойно,
Какъ тихая радость ихъ юныхъ сердецъ:
Прохлада и нѣга,
Мерцанье луны,
И ропотъ у брега
Дробимыя съ легкимъ плесканьемъ волны.

И долго, безмолвны,
Пѣвецъ и Минвана съ унылой душой

Смотрѣли на волны,
Златимыя тихо блестящей луной.
«Какъ быстрыя воды
Потокъ свой ліютъ—
Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несутъ.»

— Что жъ сердце уныло?
Пусть воды ліются, пусть годы бѣгутъ;
О, вѣрный! о, милый!
Съ любовію годы и жизнь унесутъ.—
«Минвана, Минвана,
Я бѣдный пѣвецъ;
Ты жъ царскаго сана,
И предками славенъ твой гордый отецъ.»

— Что въ славѣ и санѣ?
Любовь — мой высокій, мой царскій вѣнецъ.
О, милый, Минванѣ
Всѣхъ витязей краше смиренный пѣвецъ.
Зачѣмъ же уныло
На радость глядѣть?
Все близко, чтó мило;
Оставимъ годамъ за годами летѣть.—

«Минутная сладость
Веселаго *вмѣстѣ*, помедли, постой:

Кто скажетъ, что радость
На вѣкъ не умчится съ грядущей зарей!
Проглянетъ денница—
Блаженству конецъ;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бѣдный пѣвецъ.»

— Пускай возвратится
Веселое утро, сіяніе дня;
Зарей озарится
Тотъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ для меня.
Лишь царскимъ уборомъ
Я буду съ толпой;
А мыслію, взоромъ
И сердцемъ, и жизнью, о, милый—съ тобой!—

«Прости, ужъ блѣднѣетъ
Разсвѣтомъ далекій, Минвана, востокъ;
Ужъ утренній вѣетъ
Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣтерокъ.»
— О нѣтъ! то зарница
Блеститъ въ облакахъ;
Не скоро денница;
И тихъ вѣтерокъ на кудрявыхъ холмахъ.—

«Ужъ въ зàмкѣ проснулись;
Мнѣ слышался шорохъ и звукъ голосовъ.»

— О нѣтъ! встрепенулись
Дремавшія пташки на вѣтвяхъ кустовъ.—
«Заря ужъ багряна.»
— О, милый, постой. —
«Минвана, Минвана,
Почто жъ замираетъ такъ сердце тоской?»

И арфу унылой
Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ вѣтвей:
«Будь, арфа, для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней;
И сладкіе звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь.

«Когда же мой юный,
Убитый печалію цвѣтъ опадетъ,
О, вѣрныя струны,
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ!
Какъ прежде, взыграетъ
Веселіе въ васъ,
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ.

«И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,

Что легкою тѣнью,
Все вѣрный, летаетъ твой другъ надъ тобой;
Что прежнія муки:
Превратности страхъ,
Томленье разлуки,
Всѣ—съ трепетной жизнью онъ бросилъ во прахъ.

«Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не разсталась съ душой;
Что робко любившій
Безъ робости любитъ, и болѣе твой.
А ты, дубъ вѣтвистый,
Ее осѣняй;
И, вѣтеръ душистый,
На грудь молодую дышать прилетай.»

Умолкъ—и съ прелестной
Задумчивыхъ долго очей не сводилъ...
Какъ бы неизвѣстный
Въ немъ голосъ: *на вѣки прости!* говорилъ.
Горячей рукою
Ей руку пожалъ,
И, тихой стопою
Отъ ней удаляся, какъ призракъ, пропалъ...

Луна возсіяла...
Минвана у древа... но гдѣ же пѣвецъ?

Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастью конецъ;
Молва о свиданьѣ
Достигла отца...
И мчитъ ужъ въ изгнанье
Ладья черезъ море младаго пѣвца.

И поздно, и рано
Подъ древомъ свиданья Минвана грустить.
Уныло съ Минваной
Одинъ лишь нагорный потокъ говоритъ;
Все пусто; день ясный
Взойдетъ и зайдетъ—
Пѣвецъ сладкогласный
Минваны подъ древомъ свиданья не ждетъ.

Прохладою дышетъ
Тамъ вѣтеръ вечерній и въ листьяхъ шумитъ,
И вѣтви колышетъ,
И арфу лобзаетъ... но арфа молчитъ.—
Творенія радость,
Настала весна—
И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земля убрана.

И яркимъ сіяньемъ
Холмы осыпалъ вечерѣющій день:

На землю съ молчаньемъ
Сходила ночная, росистая тѣнь;
Ужъ синіе своды
Блистали въ звѣздахъ;
Сравнялися воды,
И вѣтеръ улегся на спящихъ листахъ.

Сидѣла уныло
Минвана у древа... душой вдалекѣ...
И тихо все было...
Вдругъ... къ пламенной что-то коснулось щекѣ;
И что-то шатнуло
Безъ вѣтра листы;
И что-то прильнуло
Къ струнамъ, невидимо слетѣвъ съ высоты...

И вдругъ... изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звонъ;
И тише дыханья
Играющей въ листьяхъ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смутилось:
То друга привѣтъ!
Свершилось, свершилось!...
Земля опустѣла, и милаго нѣтъ.

Отъ тяжкія муки
Минвана упала безъ чувства на прахъ,

И жалобнѣй звуки
Надъ ней застенали въ смятенныхъ струнахъ.
Когда жъ возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и надъ нею была тишина.

Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечеръ, ходила на холмъ,
И, звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ—
И мнились ей звуки,
Какъ будто летящій отъ родины гласъ.

«О. милыя струны,
Играйте, играйте... мой часъ не далёкъ;
Ужъ клонится юный
Главой недоцвѣтшей ко праху цвѣтокъ.
И странникъ унылый
Заутра придетъ,
И спроситъ: гдѣ милый
Цвѣтокъ мой?... и болѣ цвѣтка не найдетъ».

И нѣтъ ужъ Минваны...
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей

Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей—
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни...
И дубъ шевелится,—и струны звучатъ.

1814 г.

ГОЛОСЪ СЪ ТОГО СВѢТА.

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла...
О, другъ, я все земное совершила;
Я на землѣ любила и жила.

Нашла ли ихъ? Сбылись ли ожиданья?...
Безъ страха вѣрь; обмана сердцу нѣтъ;
Сбылося все; я въ сторонѣ свиданья;
И знаю *здѣсь*, сколь *вашъ* прекрасенъ свѣтъ.

Другъ, на *землѣ* великое не тщетно;
Будь твердъ, а *здѣсь* тебѣ не измѣнятъ;
О, милый, *здѣсь* не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ!

Не унывай: минувшее съ тобою;
Незрима я, но въ мірѣ мы одномъ;
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою;
Сверши *одинъ* — начатое *вдвоемъ*.

1815 г.

МЩЕНІЕ.

БАЛЛАДА.

Измѣной слуга Паладина убилъ:
Убійцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.

Свершилось убійство ночною порой —
И трупъ поглощенъ былъ глубокой рѣкой.

И шпоры, и латы убійца надѣлъ,
И въ нихъ на коня Паладинова сѣлъ.

И мостъ на конѣ проскакать онъ спѣшитъ:
Но конь поднялся на дыбы и храпитъ.

Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые бока:
Конь бѣшеный сбросилъ въ рѣку сѣдока.

Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается силъ;
Но панцырь тяжелый его утопилъ.

1816 г.

ТРИ ПѢСНИ.

БАЛЛАДА.

Споетъ ли мнѣ пѣсню веселую скальдъ?
Спросилъ, озираясь, могучій Освальдъ.
И скальдъ выступаетъ на царскую рѣчь,
Подъ мышкою арфа, на поясѣ мечъ.

«Три пѣсни я знаю: въ одной—старина!
«Тобою, могучій, забыта она;
«Ты самъ ее въ лѣсѣ дремучемъ сложилъ;
«Та пѣсня: *отца моего ты убилъ.*

«Есть пѣсня другая: ужасна она,
«И мною подъ бурей ночной сложена;
«Пою ее ранней и поздней порой;
«И пѣсня та: *бейся, убійца, со мной!»*

Онъ въ сторону арфу, и мечъ наголо;
И бѣшенство грозныя лица зажгло;
Запрыгали искры по звонкимъ мечамъ,
И рухнулъ Освальдъ — голова пополамъ.

«Раздайся жъ, послѣдняя пѣсня моя;
«Ту пѣсню и утромъ, и вечеромъ я
«Гремѣть не устану предъ дѣвой любви;
«Та пѣсня: *убійца поверженъ въ крови!*»

1816 г.

ОВОЯНЫЙ КИСЕЛЬ.

Дѣти, овсяный кисель на столѣ: читайте молитву;
Смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не соваться;
Кушайте: всякой намъ даръ совершенъ и даяніе благо;
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!
Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ.
Вотъ Господь-Богъ сказалъ: поди домой, не заботься;
Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, расцвѣтетъ и созрѣетъ.
Слушайте-жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и смирно
Спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго онъ, долго
Спитъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ, и не пьетъ и не пикнетъ, доколѣ
Въ рыхлую землю его не положатъ и въ ней не согрѣютъ.
Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло подъ землею;
Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ,
Сокъ изъ роднаго зерна, и растетъ, и невидимо зрѣетъ;
Вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешокъ пробуравилъ;
Роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ.
Что же? . . . Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ... „Какъ бы провѣдать,
«Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ творится?»... Тайкомъ, боязливо

Выглянулъ онъ изъ земли... Ахъ! Царь мой небесный, какъ любо!
Смотришь—Господь-Богъ Ангела шлетъ къ нему съ неба:
«Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй.»
Пьетъ онъ... ахъ! какъ же малюточкѣ сладко, свѣжо и свободно.
Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось,
На горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной,
Свѣтлой дорогѣ; прилежно работая, смотритъ на землю,
Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,
Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли.
«Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!»
Въ чемъ же его рукодѣлье? Точить облачко дождевое.
Смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло.
Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ—онъ обсохнулъ.
«Нѣтъ (говоритъ онъ), теперь ужъ подъ землю меня не заманятъ.
«Что мнѣ въ потемкахъ? здѣсь я останусь; пусть будетъ, что будетъ!»
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!
Ждетъ и малюточку тяжкое время: темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце;
Снѣгъ и метель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ.
Ахъ! мой бѣдный зародышекъ, какъ же онъ зябнетъ! какъ ноетъ!
Что съ нимъ будетъ? земля заперлась и негдѣ взять пищи.
«Гдѣ же (онъ думаетъ) красное солнышко? Что не выходитъ?
«Или боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?
«Ахъ! зачѣмъ покидалъ я родимое зернушко? дома
«Было мнѣ лучше; сидѣть бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею.»
Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и вамъ доведется

Вчужѣ, межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая
Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой
печали:
«Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть у родимой за печкой»....
Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ; веселѣе
Будетъ и вамъ, какъ былиночкѣ. Слушайте: въ ясный
день майскій
Свѣжесть повѣяла... солнышко яркое на горы вышло,
Смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ нимъ? и крошку
цѣлуетъ.
Вотъ онъ ожилъ опять, и себя отъ веселья не помнитъ.
Мало по малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
Вишня въ саду зацвѣла, зеленѣетъ и слива, и въ полѣ
Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница, и просо;
Наша былиночка думаетъ: «я назади не останусь!»
Кстати ль! листки распустила... кто такъ прекрасно соткалъ ихъ?
Вотъ стебелекъ показался... кто изъ жилочки въ жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колосъ...
Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ
Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шелковыхъ нитяхъ?
Ангелы! кто же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ
По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной летаютъ.
Вотъ ужъ и цвѣтомъ нашъ нѣжный, зыбучій колосикъ осыпанъ;
Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчальномъ.
Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка
Шепчетъ, качая въ раздумьи головкой: я знаю, что будетъ.
Смотришь: слетаются мошки, жучки молодую поздравить;

Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: *многія лѣта!*
Въ сумерки жъ, только что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ,
Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ посвѣтить ей въ потемкахъ.
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!
Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно скосили;
Собраны вишни; въ саду ни одной не осталося сливки;
Вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо:
Ужъ и на жниво сбирать босикомъ ребятишки сходились
Колосъ оброненный; имъ помогла тихомолкомъ и мышка.
Что-то былиночка дѣлаетъ? О! ужъ давно пополнѣла;
Много, много въ ней зернушекъ; гнется и думаетъ: «полно;
«Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оставаться
«Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?»
Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука, и Дуняша,
Ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы;
Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ молотили
Съ трехъ часовъ по утру до пяти пополудни на ригѣ;
Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ;
Началъ жерновъ молоть, и зернушки стали мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
Полный горшечекъ; сварила кисель, чтобъ дѣтушкамъ кушать.
Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо!

1816 г.

ГРАФЪ ГАБСБУРГСКІЙ.

БАЛЛАДА.

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
    Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ
Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ
    Въ сіяньи вѣнца и въ порфирѣ.
Тамъ кушанья рейнскій пфальцграфъ разносилъ;
Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ;
    И семь избирателей, чиномъ
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
    Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,
    Ликующимъ полный народомъ;
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
    Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена;

Судья надъ землею былъ снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могущимъ во власть безъ покрова.

И кесарь, наполнивъ бокалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
«Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной;
«Все царскій мой духъ восхищаетъ...
«Но гдѣ жъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
«Придетъ ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ
«Игрой и благимъ поученьемъ?
«Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
«Ставъ кесаремъ, брошу ль обычай святой
«Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?»

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣтый таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ.
«Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ,
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святого есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ...
О чемъ же властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?»—

— Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой
(Пѣвцу отвѣчаетъ властитель);
Онъ высшую силу призналъ надъ собой;
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумитъ;
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зараждаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ.—

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
«На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ,
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самдругъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ;
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ;
И слѣдомъ священникъ съ дарами.

«И набожный графъ, умиленный душой,
Колѣни свои преклоняетъ,
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ тѣмъ, что живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,

Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь дары отдаетъ;
И обувь снимаетъ, и смѣло идетъ
Съ священною ношею—въ воду.

«Куда?» изумившійся Графъ вопросилъ.
— Въ село; умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ,
И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ—
Его разбросало водою;
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою.—

И пастырю витязь коня уступилъ,
И подалъ ногѣ его стремя;
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя,
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
Священникъ же, требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
Является къ графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

«Дерзну ли помыслить я,—графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши —
Чтобъ конь мой ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, чье даянье
Всѣ блага земныя, и сила, и честь,
Кому не помедлю на жертву принесть
И силу, и честь, и дыханье.»

— Да будетъ же Вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почтитъ Онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь Онъ почтенъ былъ тобою;
Гельвеція славой сіяетъ твоей;
И шесть расцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будутъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
Да славятся въ роды и роды.—

Задумавшись, голову кесарь склонилъ:
Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ—
И таинство словъ объяснилось:
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой;
И слезы свои, отъ толпы золотой,

Порфирой закрылъ въ умиленьи...
Все смолкло, на кесаря очи поднявъ,
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

1818 г.

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГЪ.

БАЛЛАДА.

«Сладко мнѣ твоей сестрою,
«Милый рыцарь, быть;
«Но любовію иною
«Не могу любить:
«При разлукѣ, при свиданьи
«Сердце въ тишинѣ,—
«И любви твоей страданье
«Непонятно мнѣ.»

Онъ глядитъ съ нѣмой печалью,—
Участь рѣшена;
Руку сжалъ ей; крѣпкой сталью
Грудь обложена;
Звонкій рогъ созвалъ дружину;
Всѣ ужъ на коняхъ;
И помчались въ Палестину!
Крестъ на раменахъ.

Ужъ въ толпѣ враговъ сверкаютъ
Грозно шлемы ихъ;
Ужъ отвагой изумляютъ
Чуждыхъ и своихъ.
Тогенбургъ лишь выйдетъ къ бою:
Сарацинъ бѣжитъ...
Но душа въ немъ все тоскою
Прежнею болитъ.

Годъ прошелъ безъ утоленья...
Нѣтъ ужъ силъ страдать;
Не найти ему забвенья—
И покинулъ рать.
Зритъ корабль—шумятъ вѣтрилы,
Бьетъ въ корму волна—
Сѣлъ и поплылъ въ край тотъ милый,
Гдѣ цвѣтетъ она.

Но стучится къ ней напрасно
Въ двери пилигримъ;
Ахъ, онѣ съ молвой ужасной
Отперлись предъ нимъ:
«Узы вѣчнаго обѣта
«Приняла она;
«И погибшая для свѣта,
«Богу отдана.»

Пышны праотцевъ палаты
Бросить онъ спѣшитъ;
Навсегда покинулъ латы;
Конь навѣкъ забытъ;
Власяной покрытъ одеждой,
Инокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Неукрашенный надеждой
Онъ оставилъ свѣтъ.

И въ убогой кельи скрылся
Близъ долины той,
Гдѣ межъ темныхъ липъ свѣтился
Монастырь святой:
Тамъ—сіяло ль утро ясно,
Вечеръ ли темнѣлъ,—
Въ ожиданьи, съ мукой страстной,
Онъ одинъ сидѣлъ.

И душѣ его унылой
Счастье тамъ одно:
Дожидаться, чтобъ у милой
Стукнуло окно,
Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангелъ тишины.

И дождавшися, на ложе
Простирался онъ;
И надежда: *завтра тоже!*
Услаждала сонъ.
Время годы уводило...
Для него жъ одно:
Ждать, какъ ждалъ онъ, чтобъ у милой
Стукнуло окно;

Чтобъ прекрасная явилась;
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицемъ склонилась,
Ангелъ тишины.
Разъ—туманно утро было—
Мертвъ онъ тамъ сидѣлъ,
Блѣденъ ликомъ, и уныло
На окно глядѣлъ.

1818 г.

УТѢШЕНІЕ ВЪ СЛЕЗАХЪ.

Скажи, что такъ задумчивъ ты?
　　Все весело вокругъ;
Въ твоихъ глазахъ печали слѣдъ;
　　Ты вѣрно плакалъ, другъ?

«О чемъ грущу, то въ сердце мнѣ
　　«Запало глубоко;
«А слезы... слезы въ сладость намъ;
　　«Отъ нихъ душѣ легко.»

Къ тебѣ ласкаются друзья,
　　Ихъ ласки не дичись;
И что̀ бы ни утратилъ ты,
　　Утратой подѣлись.

«Какъ вамъ счастливцамъ то понять,
　　«Что́ понялъ я тоской?
«О чемъ... но нѣтъ! оно мое,
　　«Хотя и не со мной.»

Не унывай же, ободрись;
Еще ты въ цвѣтѣ лѣтъ;
Ищи—найдешь; отважнымъ, другъ,
Несбыточнаго нѣтъ.

«Увы! напрасныя слова!
«Найдешь,—сказать легко;
«Мнѣ до него, какъ до звѣзды
«Небесной, далеко.»

На что-жъ искать далекихъ звѣздъ?
Для неба ихъ краса;
Любуйся ими въ ясну ночь,
Не мысля въ небеса.

«Ахъ! я любуюсь въ ясный день;
«Нѣтъ силъ и глазъ отвесть;
«А ночью... ночью плакать мнѣ,
«Покуда слезы есть.»

1818 г.

КЪ МѢСЯЦУ.

Снова лѣсъ и долъ покрылъ
Блескъ туманный твой:
Онъ мнѣ душу растворилъ
Сладкой тишиной.

Ты блеснулъ... и просвѣтлѣлъ
Тихо темный лугъ:
Такъ улыбкой нашъ удѣлъ
Озаряетъ другъ.

Скорбь и радость давнихъ лѣтъ
Отозвались мнѣ,
И минувшаго привѣтъ
Слышу въ тишинѣ.

Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь ужъ отцвѣла;
Такъ надежды пронеслись;
Такъ любовь ушла.

Ахъ! то было и моимъ,
    Чѣмъ такъ сладко жить;
То, чего, разставшись съ нимъ,
    Вѣчно не забыть.

Лейся, лейся, мой ручей,
    И журчанье струй
Съ одинокою моей
    Лирой согласуй.

Счастливъ, кто отъ хлада лѣтъ
    Сердце охранилъ,
Кто безъ ненависти свѣтъ
    Бросилъ и забылъ,

Кто дѣлитъ съ душой родной,
    Втайнѣ отъ людей,
То, что́ презрѣно толпой,
    Или чуждо ей.

1818 г.

ВѢРНОСТЬ ДО ГРОБА.

Младой Рогеръ свой острый мечъ беретъ;
За вѣру, честь и родину сразиться!
Готовъ онъ въ бой... но къ милой онъ идетъ:
Въ послѣдній разъ съ прекрасною проститься.
«Не плачь: надъ нами щитъ Творца;
«Еще насъ небо не забыло;
«Я буду вѣренъ до конца
«Свободѣ, мужеству и милой.»

Сказалъ, свой шлемъ надвинулъ, поскакалъ;
Дружина съ нимъ; кипятъ сердца ихъ боемъ;
И скоро строй неустрашимыхъ сталъ
Передъ враговъ необозримымъ строемъ.
«Сей видъ не страшенъ для бойца;
«И смерть ли небо мнѣ сулило,—
«Останусь вѣренъ до конца
«Свободѣ, мужеству и милой.»

И на врага взоръ мести бросивъ, онъ
Влетѣлъ въ ряды, какъ пламень-истребитель;

И вспыхнулъ бой, и врагъ ужъ истребленъ;
Но... побѣдивъ, сраженъ и побѣдитель.
Онъ почесть браннаго вѣнца
Пріялъ съ безвременной могилой,
И былъ онъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

Но гдѣ же ты, пѣвецъ великихъ дѣлъ?
Иль пѣснь твоя твоей судьбою стала?...
Его ужъ нѣтъ; онъ въ край тотъ улетѣлъ,
Куда давно мечта его летала.
Онъ палъ въ бою,—и гласъ пѣвца
Безсмертно дѣло освятило;
И онъ былъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

1818 г.

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

БАЛЛАДА.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

— Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?—
Родимый, Лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой.
—О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.—

«Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
«Веселаго много въ моей сторонѣ:
«Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
«Изъ золота слиты чертоги мои.»

Родимый, Лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.

—О, нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.—

«Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубровѣ моей
«Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
«При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
«Играя, летая, тебя усыплять.»

Родимый, Лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей.
— О, нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ;
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.—

«Дитя, я плѣнился твоей красотой:
«Неволей иль волей, а будешь ты мой.»
Родимый, Лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать.

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

1818 г.

ЛИСТОКЪ.

Отъ дружной вѣтки отлученный,
Скажи, листокъ уединенный,
Куда летишь?... «Не знаю самъ;
«Гроза разбила дубъ родимый;
«Съ тѣхъ поръ, по доламъ, по горамъ,
«По волѣ случая носимый,
«Стремлюсь, куда велитъ мнѣ рокъ,
«Куда на свѣтѣ *все* стремится,
«Куда и листъ лавровый мчится,
«И легкій розовый листокъ.»

1818 г.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно;
Лучъ погашаетъ за лучомъ,
И, алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.
Пора ему и отдохнуть;
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь.
Вездѣ жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.
Буди заснувшіе цвѣты,
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.
Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли

Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй,
  И вишнямъ дай румяный цвѣтъ.
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.
  А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.
  А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копна собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.
  И такъ совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полу-потухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ...
Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ!
Сейчасъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.
Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину;
Того и жди, что заблеститъ;
Давно за горкой онъ сидитъ.
Но что жъ такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно.
И вотъ онъ всходитъ; въ долъ глядитъ,
И блѣдно зелень серебритъ.
И ночь ужъ на небо взошла,
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни;
И все замолкнуло въ тѣни;
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ... пора ко сну и намъ.

1818 г.

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ПРОЛОГЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Іоанна д'Аркъ, Орлеанская дѣва, крестьянка изъ Домрэми́, близъ Вокулёра.

Алина, **Луиза** — ея сестры.

Тибо д'Аркъ, ихъ отецъ.

Раймондъ, **Этьенъ**, **Арманъ** — молодые крестьяне, ихъ женихи.

Бертрандъ, крестьянинъ, возвратившійся съ вѣстями изъ Вокулёра.

Дѣйствіе происходитъ въ 1430 году.

Сельское мѣсто; впереди на правой сторонѣ часовня и въ ней образъ Богоматери; на лѣвой сторонѣ, высокій, вѣтвистый дубъ.

ТИБО.

Такъ, добрые сосѣди, нынче мы
Еще французы, граждане, свободно
Святой землей отцевъ своихъ владѣемъ;
А завтра... какъ узнать? чьи мы? что наше?
Во всѣхъ мѣстахъ пришелецъ торжествуетъ;
Вездѣ враговъ знамена; ихъ конями
Истоптаны отеческія нивы;
Парижъ врата ихъ войскамъ отворилъ,
И древняя корона Дагоберта
Досталася въ добычу иноземцу;
Внукъ королей безъ трона, безъ пріюта,
Скитается въ своей землѣ, какъ странникъ;
Знатнѣйшій пэръ, ближайшій изъ родныхъ,
Противъ него съ врагами въ заговорѣ;
Родная мать ему готовитъ гибель;
Деревни, города пылаютъ; тихо
Еще у насъ въ долинахъ... но дойдетъ—
Дойдетъ и къ намъ гроза опустошенья.
И такъ, друзья, пока еще есть воля,
Я дочерей хочу пристроить съ Богомъ;
Для женщины противъ временъ опасныхъ

Необходимъ заботливый защитникъ;
А съ кѣмъ любовь, тому въ бѣдахъ легко.
Этьенъ, тебѣ понравилась Алина;
У насъ поля сосѣдственно граничатъ,
Сердца же заодно... такой союзъ
Угоденъ Богу. Ты, Арманъ, ни слова;
А ты глаза, Луиза, опустила...
Друзья, друзья, вы встрѣтились сердцами—
Не мнѣ васъ разлучать. Къ чему богатство?
Кто въ наши дни богатъ? Теперь все наше
До перваго врага или пожара;
Теперь одинъ спасительный пріютъ:
Грудь вѣрная испытаннаго мужа.

ЛУИЗА.

Арманъ!

АРМАНЪ, подавая ей руку.

Твой навсегда.

ЛУИЗА.

А ты, сестра?

ТИБО.

На каждую дамъ тридцать десятинъ,
И огородъ, и дворъ, и стадо,—Богъ
Благословилъ меня, благословитъ
И васъ.

АЛИНА.

Утѣшь отца, сестра Іоанна,
Пусть въ этотъ день устроится три счастья.

ТИБО.

Подите; завтра мы сыграемъ свадьбу,
И пиръ на всю деревню; приготовьте,
Чтó надобно.

Алина, Луиза, Арманъ и Этьенъ уходятъ.

Твои, Жаннета, сестры
Выходятъ замужъ, ихъ судьба счастлива,
При старости онѣ мое веселье;
Одна лишь ты мнѣ горе и печаль.

РАЙМОНДЪ.

Сосѣдъ, на что Жаннету огорчать?

ТИБО, указывая на Раймонда.

Вотъ юноша прекрасный, честный; съ нимъ
Никто у насъ въ деревнѣ не сравнится;
Тебѣ онъ отдалъ душу; три весны,
Какъ онъ, задумчивый, съ желаньемъ тихимъ,
Съ безропотнымъ, покорнымъ постоянствомъ
Вздыхаетъ по тебѣ; а ты молчишь,
Ты холодно сама въ себѣ таишься;
И ни одинъ изъ нашихъ поселянъ
Улыбкою твоею не утѣшенъ.
Смотрю: ты въ полнотѣ прекрасной жизни;
Пора надеждъ, весна твоя пришла;
Цвѣтешь... но я напрасно ожидаю,
Чтобы любовь въ душѣ твоей созрѣла;
Прискорбно это мнѣ. Боюсь, но вижу,
Что надъ тобой ошиблася природа;

Я не люблю души холодной, черствой,
Безчувственной въ порѣ прекрасной чувства.

РАЙМОНДЪ.

Не принуждай ее, мой честный Аркъ.
Любовь моей Іоанны есть прекрасный,
Небесный плодъ: прекрасное свободно,
Оно медлительно и тайно зрѣетъ.
Теперь ея веселье жить въ горахъ;
Къ намъ въ хижины, жилища суеты,
Съ вершины ихъ она сходить боится.
Нерѣдко я съ благоговѣньемъ тихимъ
Изъ дола вслѣдъ за ней смотрю, когда
Она одна, въ величіи, надъ стадомъ
Стоитъ и взоръ склоняетъ въ размышленьи
На мелкія обители земныя.
Я вижу въ ней тогда знаменованье
Чего-то высшаго, и часто мнится,
Что изъ другихъ временъ пришла она.

ТИВО.

А это мнѣ противно! для чего
Чуждаться ей своихъ сестеръ веселыхъ?
Всегда встаетъ до раннихъ пѣтуховъ,
Чтобы бродить по высотамъ пустыннымъ;
И въ страшный часъ — въ который человѣкъ
Довѣрчивѣй тѣснится къ человѣку —
Украдкою, какъ птица, другъ развалинъ,
Въ туманное жилище привидѣній,
Въ ночную тьму бѣжитъ, чтобъ горный вѣтеръ

Подслушивать на темномъ перекресткѣ.
Зачѣмъ она всегда на *этомъ* мѣстѣ?
Зачѣмъ *сюда* гонять ей стадо? Часто
Видалъ я, какъ она часъ цѣлый въ думѣ
Подъ этимъ деревомъ друидовъ, гдѣ
Боится быть счастливое созданье,
Сидитъ недвижима... а здѣсь не пусто;
Здѣсь водится недобрый съ давнихъ лѣтъ;
У стариковъ ужасныя преданья
Сохранены объ этомъ старомъ дубѣ;
И часто шумъ какихъ-то голосовъ
Намъ слышится въ его печальныхъ вѣтвяхъ.
Меня вела дорога мимо дуба,
Однажды мнѣ случилось запоздать,
И вдругъ, мнѣ видится: подъ нимъ сидитъ
Туманное, а что?... не знаю! тихо
Изсохшею рукой приподняло
Широкую одежду, и меня
Какъ будто бы манило... сотворивъ
Молитву, я бѣжалъ скорѣе прочь.

РАЙМОНДЪ—указывая на образъ въ часовнѣ.

Не вѣрю я; не козни сатаны,
А чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы
Ее всегда приводитъ въ это мѣсто.

ТИВО.

Нѣтъ, нѣтъ! и сны, и страшныя видѣнья
Меня, мой другъ, тревожатъ не напрасно:
Три ночи я все вижу, будто въ Реймсѣ

Она сидитъ на королевскомъ тронѣ;
Семь яркихъ звѣздъ вѣнцемъ на головѣ;
Въ ея рукѣ какой-то чудный скипетръ,
И изъ него три бѣлыя лилеи,
И я — ея отецъ — и обѣ сестры,
И герцоги, и графы, и прелаты,
И самъ король предъ нею на колѣняхъ...
Моей ли хижинѣ такая слава?
Нѣтъ, это не къ добру; то знакъ паденья;
Иносказательно мнѣ этотъ сонъ
Ея души изобразилъ надменность;
Убожества она стыдится; Богъ
Ей даровалъ богатство красоты,
Ее щедрѣй всѣхъ нашихъ поселянокъ
Благословилъ чудесными дарами...
И гордость грѣшная зашла къ ней въ душу;
А гордостью и ангелы погибли,
И ею врагъ въ свои насъ ловитъ сѣти.

РАЙМОНДЪ.

Но кто жъ скромнѣй, кто непорочнѣй въ нравахъ
Твоей смиренной Іоанны? Старшимъ
Сестрамъ она съ веселымъ сердцемъ служитъ;
Въ селѣ у насъ она всѣхъ выше... правда,
Но гдѣ найдешь работницу прилежнѣй?
Бывалъ ли ей и низкій трудъ противенъ?
Ты видишь, подъ ея рукой чудесно
Твои стада и жатвы процвѣтаютъ;

На все, къ чему она коснется, сходитъ
Непостижимое благословенье.

ТИБО.

Непостижимое... такъ, правда! ужасъ
Объемлетъ при такомъ благословеньи.
Ни слова; я молчу; молчать мнѣ должно...
Мнѣ ль вызывать на судъ свое дитя?
Могу лишь остеречь; могу молиться;
Но остеречь—мой долгъ... Оставь сей дубъ;
Не будь одна; не рой кореньевъ въ полночь;
Не составляй изъ сока ихъ питья,
И не черти́ въ пескѣ волшебныхъ знаковъ.
Намъ въ области духовъ легко проникнуть;
Насъ ждутъ они и молча стерегутъ,
И, тихо внемля, въ буряхъ вылетаютъ.
Не будь одна: въ пустынѣ искуситель
Передъ самимъ Создателемъ явился.

БЕРТРАНДЪ входитъ со шлемомъ въ рукахъ.

РАЙМОНДЪ.

Молчи, идетъ Бертрандъ; онъ возвратился
Изъ города. Но что несетъ онъ?

БЕРТРАНДЪ.

Вы
Дивитесь, что съ такимъ добромъ я къ вамъ
Являюсь?

ТИБО.

Подлинно; откуда взялъ

Ты этотъ шлемъ? На что знакъ бѣдъ и смерти
Принесъ ты къ намъ въ жилище тишины?

Іоанна, которая до сихъ поръ не принимала никакого участія въ томъ, что вокругъ нея происходило, становится внимательнѣе и подходитъ ближе.

БЕРТРАНДЪ.

И самъ едва могу я объяснить,
Какъ мнѣ достался онъ. Я покупалъ
Желѣзныя издѣлья въ Вокулёрѣ;
На площади толпилась тьма народа
Вкругъ бѣглецовъ, лишь только прибѣжавшихъ
Съ недоброю изъ Орлеана вѣстью;
Весь городъ былъ въ волненьи; сквозь толпу
Съ усиліемъ я продирался... вдругъ
Цыганка смуглая со мной столкнулась;
Въ рукахъ у ней былъ этотъ шлемъ; она,
Пронзительно въ глаза мнѣ посмотрѣвъ,
Сказала: ты, я знаю, ищешь шлема,
Вотъ шлемъ, не дорогъ онъ, возьми.—На что?
Я отвѣчалъ ей, къ латникамъ пойди;
Я земледѣлецъ, мнѣ нѣтъ нужды въ шлемѣ.—
Но я никакъ не могъ отговориться;
Возьми, возьми! она одно твердила,
Теперь для головы стальная кровля
Пріютнѣе всѣхъ каменныхъ палатъ.
И такъ изъ улицы одной въ другую
Она за мной гналася съ этимъ шлемомъ.
Я посмотрѣлъ: онъ былъ красивъ и свѣтелъ;

Былъ рыцарской достоинъ головы;
Я взялъ его, чтобъ ближе разглядѣть;
Но между тѣмъ, какъ я стоялъ въ сомнѣньи,
Она изъ глазъ моихъ, какъ сонъ, пропала:
Ее толпой народа унесло...
И этотъ шлемъ въ моихъ рукахъ остался.

ІОАННА—ухватясь за него поспѣшно.

Отдай мнѣ шлемъ.

БЕРТРАНДЪ.

На что? Такой нарядъ
Не дѣвичьей назначенъ головѣ.

ІОАННА—вырывая шлемъ.

Отдай, онъ мой, и мнѣ принадлежитъ.

ТИБО.

Іоанна, что съ тобой?

РАЙМОНДЪ.

Оставь ее;
Въ ней мужествомъ наполнена душа,
И ей уборъ воинственный приличенъ.
Ты помнишь самъ, какъ прошлою весной
Она въ горахъ здѣсь волка одолѣла,
Ужаснаго для стадъ и пастуховъ.
Одна, одна, душою львица, дѣва
Чудовище сразила, и ягненка
Исторгнула изъ челюстей кровавыхъ.
Чью бъ голову сей шлемъ ни украшалъ,
Но ей приличнѣй онъ.

ТИБО.

Бертрандъ, какая
Бѣда еще случилась? Что сказали
Бѣжавшіе изъ Орлеана?

БЕРТРАНДЪ.

Боже,
Помилуй короля и нашъ народъ!
Мы въ двухъ большихъ сраженіяхъ разбиты;
Враги въ срединѣ Франціи; все взято
До самыхъ береговъ Луары; войски
Со всѣхъ сторонъ сошлись подъ Орлеанъ,
И страшная осада началася.

ТИБО.

Какъ! сѣверъ весь уже опустошенъ,
А хищникамъ все мало; къ югу мчатся
Съ войной...

БЕРТРАНДЪ.

Безчисленный снарядъ осадный
Со всѣхъ сторонъ придвинутъ къ Орлеану.
Какъ лѣтомъ пчелъ волнующійся рой,
Слетаяся, жужжитъ кругомъ улья,
Какъ саранча, на нивы темной тучей
Обрушившись, кипитъ необозримо:
Такъ Орлеанъ безчисленно народы
Осыпали, въ одно столпившись войско;
Отъ множества племенъ разноязычныхъ
Наполненъ станъ глухимъ, невнятнымъ шумомъ;
И всѣхъ своихъ землевластитель герцогъ

Бургундскій въ строй съ пришельцами поставилъ:
Изъ Литтиха, изъ Генего, изъ Гента.
Богатаго и бархатомъ и шелкомъ,
Изъ мирнаго Брабанта, изъ Намура,
Изъ городовъ Зеландіи приморскихъ,
Блистающихъ опрятностью веселой.
Отъ пажитей голландскихъ, отъ Утрехта,
Отъ сѣверныхъ Фрисландіи предѣловъ,
Подъ знамена могучаго Бургунда
Сошлись полки разрушить Орлеанъ.

ТИБО.

О, горестный, погибельный раздоръ;
На Францію оружіе французовъ!

БЕРТРАНДЪ.

И бронею покрывшись, Изабелла,
Мать короля, князей баварскихъ племя,
Примчалась въ станъ враговъ, и разжигаетъ
Ихъ хитрыми словами на погибель
Того, кто жизнь пріялъ у ней подъ сердцемъ.

ТИБО.

Срази ее проклятіемъ Господь!
Богоотступница, погибнешь ты,
Какъ нѣкогда Іезавель погибла.

БЕРТРАНДЪ.

Заботливо осадой управляетъ
Рушитель стѣнъ, ужасный Салисбури;
Съ нимъ Ліонель, боецъ съ душой звѣриной;
И вождь Тальботъ, одинъ судьбу сраженій

Свершающій убійственнымъ мечемъ;
Они клялись, въ отвагѣ дерзновенной,
Всѣхъ нашихъ дѣвъ предать на посрамленье,
Сразить мечемъ, кто встрѣтится съ мечемъ.
Придвинуты къ стѣнамъ четыре башни,
И, городомъ владычествуя грозно,
Съ ихъ высоты убійства жаднымъ окомъ,
Невидимый, считаетъ Салисбури
На улицахъ поспѣшныхъ пѣшеходовъ.
Ужъ много бомбъ упало въ городъ; церкви
Въ развалинахъ, и самъ великолѣпный
Храмъ Богоматери грозитъ паденьемъ.
Безчисленны подкопы подъ стѣнами;
Весь Орлеанъ стоитъ теперь надъ бездной,
И робко ждетъ, что вдругъ подъ нимъ она,
Гремящая, разверзнется и вспыхнетъ.

Іоанна слушаетъ съ великимъ, безпрестанно усиливающимся вниманіемъ, и наконецъ надѣваетъ на голову шлемъ.

ТИБО.

Но гдѣ Сантраль? Что сдѣлалось съ Ла Гиромъ?
Гдѣ Дюнуа, отечества надежда?
Съ побѣдою впередъ стремится врагъ—
А мы объ нихъ не знаемъ и не слышимъ.
И что король? Уже ль онъ равнодушенъ
Къ потерѣ городовъ, къ бѣдамъ народа?

БЕРТРАНДЪ.

Король теперь съ дворомъ своимъ въ Шинонѣ;
Людей взять негдѣ, всѣ полки разбиты.

Что смѣлый вождь? Что рыцарей отважность,
Когда нѣтъ силъ, когда все войско въ страхѣ?
Насъ Богъ казнитъ; ниспосланный Имъ ужасъ
Къ безстрашнѣйшимъ запалъ глубоко въ душу;
Все скрылося; всѣ вызовы напрасны;
Какъ робкія бѣгутъ къ заградамъ овцы,
Послышавши ужасный волчій вой;
Такъ, древней чести измѣнивъ, французы
Спѣшатъ искать защиты въ крѣпкихъ за́мкахъ.
Едва одинъ нашелся храбрый рыцарь:
Онъ слабый полкъ собралъ и къ королю
Съ шестнадцатью знаменами идетъ.

ІОАННА—поспѣшно.

Кто этотъ рыцарь?

БЕРТРАНДЪ.

Бодрикуръ; но трудно
Отъ поисковъ врага ему укрыться:
Двѣ арміи преслѣдуютъ его.

ІОАННА.

Но гдѣ же онъ? Скажи скорѣй, что слышно?

БЕРТРАНДЪ.

На переходъ одинъ отъ Вокулёра
Стоитъ онъ лагеремъ.

ТИБО.

Молчи, Іоанна;
Ты говоришь о томъ, чего не смыслишь.

БЕРТРАНДЪ.

Увѣрившись, что врагъ неодолимъ,
И помощи отъ короля не чая—

Чтобы спастись отъ ига иноземцевъ,
И сохранить себя законной власти—
Рѣшилися граждане Вокулёра
Могучему Бургунду покориться,
Но съ тѣмъ, чтобъ онъ ихъ принялъ договоръ:
Чтобъ возвратилъ насъ древнему престолу,
Какъ скоро миръ опять межъ ними будетъ.

ІОАННА—вдохновенно.

Съ кѣмъ договоръ? Ни слова о покорствѣ!
Спаситель живъ; грядетъ, грядетъ Онъ въ силѣ!...
Могучій врагъ падетъ подъ Орлеаномъ:
Исполнилось! для жатвы онъ созрѣлъ!...
Своимъ серпомъ вооружилась дѣва;
Пожнетъ она кичливыя надежды;
Сорветъ съ небесъ продерзостную славу,
Взнесенную безумцами къ звѣздамъ...
Не трепетать! впередъ! не пожелтѣетъ
Еще на нивѣ класъ, и кругъ луны
На небесахъ еще не совершится—
А ни одинъ уже британскій конь
Не будетъ пить изъ чистыхъ водъ Луары.

БЕРТРАНДЪ.

Ахъ, въ наши дни чудесъ ужъ не бываетъ!

ІОАННА.

Есть чудеса!... Взовьется голубица,
И налетитъ съ отважностью орла
На ястребовъ, терзающихъ отчизну;
И низразитъ она сего Бургунда,

Цареотступника, сего Тальбота,
Сторукаго громителя небесъ,
Съ ругателемъ святыни Салисбури;
И побѣгутъ толпы островитянъ,
Затрепетавъ какъ агнцы, передъ нею...
Господь съ ней будетъ! Богъ всесильный брани
Пошлетъ свое дрожащее созданье:
Творецъ земли себя въ смиренной дѣвѣ
Явитъ землѣ... *зане Онъ Всемогущій!*

ТИБО.

Какой въ ней духъ пророчитъ?

РАЙМОНДЪ.

Этотъ шлемъ
Воинственно воспламенилъ въ ней душу;
Взгляните на нее: глаза какъ звѣзды,
И все лицо ея преобразилось.

ІОАННА.

Какъ! древнему престолу пасть? Странѣ,
Избранной славою, подъ вѣчнымъ солнцемъ
Прекраснѣйшей, счастливому Эдему,
Странѣ, Творцу любезной, какъ зѣница
Его очей, рабою быть пришельца?...
Здѣсь рухнула невѣрныхъ сила; здѣсь
Былъ первый крестъ, спасенья знакъ воздвигнутъ;
Здѣсь прахъ лежитъ святого Людовика;
Іерусалимъ отсюда завоеванъ...

ВЕРТРАНДЪ.

Вы слышите?... Откуда вдругъ открылся

Такой ей свѣтъ?... О! дочерью чудесной,
Сосѣдъ, тебя Господь благословилъ.

ІОАННА.

Намъ не имѣть властителей законныхъ,
Воспитанныхъ единымъ съ нами небомъ?
Для насъ король нашъ долженъ умереть,
Неумирающій, защитникъ плуга,
Хранитель стадъ, плодотворитель нивъ,
Невольникамъ дарующій свободу,
Скликающій предъ тронъ свой наши грады,
Покровъ безсилія, гроза злодѣйства,
Безъ зависти возвышенный надъ міромъ,
И человѣкъ, и ангелъ утѣшенья
На вражеской землѣ?.. Престолъ законныхъ
Властителей и въ пышности своей
Для слабаго пріютъ; при немъ на стражѣ
И Власть, и Милость; стать предъ нимъ боится
Виновный; предъ него съ надеждой правый
Идетъ въ лице судьи смотрѣть безъ страха...
Но царь-пришлецъ, чужой страны питомецъ,
Предъ кѣмъ отцевъ священный прахъ не скрытъ
У насъ въ землѣ, земли не взлюбитъ нашей.
Кто нашимъ юношамъ товарищъ не былъ,
Кому языкъ нашъ въ душу не бѣжитъ,
Тотъ будетъ ли для насъ отецъ въ коронѣ?

ТИБО.

Да защититъ Всевышній короля
И Францію! Намъ, мирнымъ поселянамъ,

Мечъ незнакомъ: намъ браннаго коня
Не укротить; мы будемъ ждать смиренно,
Кого намъ дастъ владыкою побѣда!
Сраженія успѣхъ есть божій судъ.
Король нашъ тотъ, кто былъ мѵропомазанъ
Въ священномъ Реймсѣ, кто пріялъ державу
Надъ древними гробами Сенъ-Дени...
Друзья, пора къ работѣ; помни, каждый,
Ближайшій долгъ свой; пусть князья земные
Земную власть по жеребью берутъ!
А намъ смотрѣть въ тиши на разрушенье:
Покорной намъ земли оно не тронетъ;
Пускай пожжетъ селенья наши пламень,
Пускай коні́ притопчутъ наши нивы —
Съ младой весной взойдетъ младая жатва,
А низкія легко возстанутъ кровли.

Всѣ, кромѣ Іоанны, уходятъ.

ІОАННА—долго стоитъ въ задумчивости.

Простите вы, холмы, поля родные;
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости;
Съ Іоанной вамъ ужъ болѣ не видаться,
Навѣкъ она вамъ говоритъ: прости!
Друзья-луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать;
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечный,
Иду отъ васъ, и не приду къ вамъ вѣчно.

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вамъ оградой...
Безъ пастыря бродить вы суждены;
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавыя войны.
Такъ вышнее назначило избранье;
Меня стремитъ не суетныхъ желанье.

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ пророку нисходилъ,
Кто на царя воздвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣпилъ —
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя, —
Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
«Иди о Мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!

«Надѣть должна ты латы боевыя,
«Въ желѣзо грудь младую заковать;
«Страшись надеждъ, не знай любви земныя,
«Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
«Не быть тебѣ душой семьи родныя;
«Цвѣтущаго младенца не ласкать...
«Но въ битвахъ Я главу твою прославлю;
«Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.

«Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
«И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ —
«Возьмешь мою ты орифламму въ длани,
«И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ;
«Поставишь ихъ надменной власти грани,
«Преобратишь во плачъ побѣдный гласъ,
«Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,
«И Карла въ Реймсъ введешь принять корону.»

Мнѣ обѣщалъ Небесный извѣщенье,
Исполнилось.... и шлемъ сей посланъ *Имъ*.
Какъ бранный огнь его прикосновенье,
Съ нимъ мужество, какъ божій херувимъ...
Въ кипящій бой несетъ души стремленье;
Какъ буря, пылъ ея неукротимъ...
Се битвы кличъ! полки съ полками стали!
Взвились кони, и трубы зазвучали!

Уходитъ.

1821 г.

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

ПОВѢСТЬ.

Замокъ Шильонъ—въ которомъ съ 1530 по 1537 заключенъ былъ знаменитый Бониваръ, женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патріотизма—находится между Кларановъ и Вильнёвомъ у самыхъ восточныхъ береговъ озера (Лемана). Изъ оконъ его видны, съ одной стороны, устье Роны, долина, ведущая къ Сенъ-Морицу и Мартиньи, снѣжныя Валлезскія горы и высокіе утесы Мельери; а съ другой—Монтрё, Шателаръ, Кларанъ, Веве, множество деревень и зàмковъ; предъ нимъ разстилается необъятная равнина водъ, ограниченная въ отдаленіи низкими, голубыми берегами, на которыхъ, какъ свѣтлыя точки, сіяютъ Лозанна, Моржъ и Ролль; а позади его падаетъ съ холма шумный потокъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ озеромъ, котораго глубина въ этомъ мѣстѣ простирается до 800 французскихъ футовъ. Можно подумать, что онъ выходитъ изъ воды, ибо совсѣмъ не видно утеса, служащаго ему основаніемъ: гдѣ кончается поверхность озера, тамъ начинаются крѣпкія стѣны зàмка. Темница, въ которой страдалъ несчастный Бониваръ, до половины выдолблена въ гранитномъ утесѣ: своды ея, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую, необтесанную скалу. На одной изъ колоннъ виситъ еще то кольцо, къ которому была прикрѣплена цѣпь Бониварова; а на полу, у подошвы той же колонны, замѣтна впадина, вытоптанная ногами несчастнаго узника, который столько времени принужденъ былъ ходить на цѣпи своей все по одному мѣсту. Не подалеку отъ устья Роны, вливающейся въ Женевское озеро, недалеко

отъ Вильнёва, находится небольшой островокъ, единственный на всемъ пространствѣ Лемана: онъ непримѣтенъ, когда плывешь по озеру, но его можно легко различить изъ оконъ зàмка.

I.

Взгляните на меня: я сѣдъ;
Но не отъ хилости и лѣтъ;
Не страхъ незапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ сѣдину.
Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой;
Но не труды, не хладъ, не зной—
Тюрьма разрушила меня.
Лишенный сладостнаго дня,
Дыша безъ воздуха, въ цѣпяхъ,
Я медленно дряхлѣлъ и чахъ,
И жизнь казалась безъ конца.
Удѣлъ несчастнаго отца:
За вѣру смерть и стыдъ цѣпей,
Удѣломъ сталъ и сыновей.
Насъ было шесть—пяти ужъ нѣтъ.
Отецъ, страдалецъ съ юныхъ лѣтъ,
Погибшій старцемъ на кострѣ;
Два брата, падшіе во прѣ,
Отдавъ на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.

Три заживо схоронены
На днѣ тюремной глубины.
И двухъ сожрала глубина;
Лишь я, развалина одна,
Себѣ на горе уцѣлѣлъ,
Чтобъ ихъ оплакивать удѣлъ.

II.

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ;
Тамъ въ подземельѣ семь колоннъ
Покрыты влажнымъ мохомъ лѣтъ.
На нихъ печальный брежжетъ свѣтъ:
Лучъ, ненарокомъ съ вышины
Упавшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу,
И на сыромъ тюрьмы полу
Онъ свѣтитъ тускло одинокъ,
Какъ надъ болотомъ огонекъ,
Во мракѣ вѣющій ночномъ.
Колонна каждая съ кольцомъ;
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ;
И тѣхъ цѣпей желѣзо—ядъ;
Мнѣ въ члены вгрызлося оно;
Не будетъ въ вѣкъ истреблено
Клеймо, надавленное имъ.
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ толь давнихъ лѣтъ

Глядѣть на радующій свѣтъ;
И къ волѣ я душей остылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
Убитъ неволей предо мной,
И рядомъ съ мертвымъ, я живой
Терзался на полу тюрьмы.

III.

Цѣпями тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены,
Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить;
Въ глаза другъ друга различить
Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ.
Онъ намъ лицо чужое далъ—
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была услада намъ въ одномъ:
Другъ другу голосъ подавать,
Другъ другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной пѣснею войны—
Но скоро то же и одно
Во мглѣ тюрьмы истощено:
Нашъ голосъ страшно одичалъ;
Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
Глухой тюремныя стѣны;
Онъ не былъ звукомъ старины,

Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ,
Могучимъ, вольнымъ и живымъ.
Мечта ль?... но голосѣ ихъ и мой
Всегда звучалъ мнѣ, какъ чужой.

IV.

Изъ насъ троихъ я старшій былъ;
Я жребій собственный забылъ,
Дыша заботою одной,
Чтобъ имъ не дать упасть душой.
Нашъ младшій братъ, любовь отца...
Увы! черты его лица,
И глазъ умильная краса,
Лазоревыхъ какъ небеса,
Напоминали нашу мать.
Онъ былъ мнѣ все, и увядать
При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ.
Прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ,
Который съ неба мнѣ свѣтилъ,
Въ которомъ я на волѣ жилъ.
Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ:
Умомъ младенчески-игривъ,
Безпечно-веселъ самъ съ собой...
Но передъ горестью чужой
Изъ голубыхъ его очей
Бѣжали слезы какъ ручей.

V.

Другой былъ столь же чистъ душой;
Но духъ имѣлъ онъ боевой:
Могущъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ,
И въ первый рядъ на смерть готовъ...
Но безъ терпѣнья для оковъ.
И онъ отъ звука ихъ завялъ.
Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
Какъ медленно въ печали гасъ
Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ.
Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ—
И гробъ тюрьма ему была:
Неволи сила не снесла.

VI.

Шильонъ Леманомъ окруженъ,
И водъ его со всѣхъ сторонъ
Неизмѣрима глубина;
Въ двойную волны и стѣна
Тюрьму совокупились тамъ;
Печальный сводъ, который намъ
Могилой заживо служилъ,
Изрытъ въ скалѣ подводной былъ;
И день, и ночь была слышна

Въ него біющая волна,
И шумъ надъ нашей головой
Струй, отшибаемыхъ стѣной.
Случалось—бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызговъ дождь насъ окроплялъ;
Случалось—вихорь бушевалъ
И содрогалася скала;
И съ жадностью душа ждала,
Что рухнетъ и задавитъ насъ:
Свободой былъ бы смертный часъ.

VII.

Середній братъ нашъ—я сказалъ—
Душой скорбѣлъ и увядалъ.
Унылъ, угрюмъ, ожесточенъ,
Отъ пищи отказался онъ:
Ѣда тюремная жестка;
Но для могучаго стрѣлка
Нужду переносить легко.
Намъ козъ альпійскихъ молоко
Смѣнила смрадная вода;
А хлѣбъ нашъ былъ, какой всегда—
Съ тѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы—
Слезами смачивать должны
Невольники въ своихъ цѣпяхъ.
Не отъ нужды скорбѣлъ и чахъ

Мой братъ: равно завялъ бы онъ,
Когда-бъ и нѣгой окруженъ
Безъ воли былъ... Зачѣмъ молчать?
Онъ умеръ... я-жъ ему подать
Руки не могъ въ послѣдній часъ,
Не могъ закрыть потухшихъ глазъ;
Вотще я цѣпи грызъ и рвалъ,—
Со мною рядомъ умиралъ
И умеръ братъ мой, одинокъ;
Я близко былъ и былъ далекъ.
Я слышать могъ, какъ онъ дышалъ,
Какъ онъ дышать переставалъ,
Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ,
И какъ ужасно вдругъ затихъ
Во глубинѣ тюремной мглы...
Они, снявъ съ трупа кандалы,
Его безъ гроба погребли
Въ холодномъ лонѣ той земли,
На коей онъ невольникъ былъ.
Вотще я ихъ въ слезахъ молилъ,
Чтобъ брату тамъ могилу дать,
Гдѣ могъ бы дневный лучъ сіять;
То мысль безумная была,
Но душу мнѣ она зажгла:
Чтобъ воленъ былъ хоть въ гробѣ онъ:
«Въ темницѣ (мнилъ я) мертвыхъ сонъ
Не тихъ»... Но былъ въ отвѣтъ слезамъ
Холодный смѣхъ; и братъ мой тамъ,

Въ сырой землѣ тюрьмы, зарытъ,
И въ головахъ его виситъ
Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей,
Убійцъ достойный мавзолей.

VIII.

Но онъ—нашъ милый, лучшій цвѣтъ,
Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
Сокровище семьи родной,
Онъ—образъ матери душой
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Онъ—для кого я жизнь щадилъ:
Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть...
Увы! онъ долго могъ сносить
Съ младенческою тишиной,
Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой;
Не я ему — онъ для меня
Подпорой былъ... Вдругъ, день отъ дня,
Сталъ упадать, ослабѣвалъ,
Грустилъ, молчалъ и молча вялъ.
О, Боже! Боже! страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка... Я видалъ,
Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ;
Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ

Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
Съ надеждой гибнущей своей;
Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
Съ богохуленьемъ на устахъ,
Пока ихъ смерть не заперла:
Но *тамъ* былъ страхъ—*здѣсь* скорбь была,
Болѣзнь глубокая души.
Смиреннымъ ангеломъ, въ тиши,
Онъ гасъ, столь кротко-молчаливъ,
Столь безнадежно-терпѣливъ,
Столь грустно-томенъ, нѣжно-тихъ,
Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
И обо мнѣ... Увы! онъ гасъ,
Какъ радуга, плѣняя насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ;
Ни вздоха скорби на устахъ,
Ни ропота на жребій свой;
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ,
О лучшихъ будущаго дняхъ,
Объ упованьи... но, объятъ
Сей тратой, горшею изъ тратъ,
Я былъ въ свирѣпомъ забытьи:
Вотще, кончаясь, онъ свои
Терзанья смертныя скрывалъ...
Вдругъ рѣже, трепетнѣе сталъ
Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ...

Молчаньемъ страшнымъ пробужденъ,
Я вслушиваюсь... тишина!
Кричу, какъ бѣшеный... стѣна
Откликнулась... и умеръ гулъ!
Я цѣпь отчаянно рванулъ
И вырвалъ... къ брату... брата нѣтъ!
Онъ на столбѣ — какъ вешній цвѣтъ
Убитый хладомъ — предо мной
Висѣлъ съ поникшей головой.
Я руку тихую поднялъ;
Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты;
И, мнилось, были отняты
Всѣ силы у души моей;
Все страшно вдругъ сперлося въ ней;
Я дико по тюрьмѣ бродилъ —
Но въ ней покой ужасный былъ;
Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой
Какой-то холодъ гробовой;
И взоръ на мертваго вперивъ,
Я зналъ лишь смутно, что я живъ.
О! сколько муки въ знаньи томъ,
Когда мы тутъ же узнаемъ,
Что милому уже не быть.
И мигъ сей могъ я пережить!
Не знаю — вѣра-ль то была,
Иль хладность къ жизни жизнь спасла?

IX.

Но что̀ потомъ сбылось со мной,
Не помню... свѣтъ казался тьмой,
Тьма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпенѣніи стоялъ,
Безъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я.
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ:
Все въ мутную слилося тѣнь;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей:
То было — тьма безъ темноты;
То было — бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ Промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть — какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой.

X.

Вдругъ лучъ внезапный посѣтилъ
Мой умъ... то голосъ птички былъ.
Онъ умолкалъ; онъ снова пѣлъ;
И мнилось, съ неба онъ летѣлъ;
И былъ утѣшно-сладокъ онъ.
Имъ очарованъ, оживлёнъ,
Заслушавшись, забылся я;
Но не надолго... мысль моя
Стезей привычною пошла;
И я очнулся... и была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Какъ прежде блѣдною струей
Прокрадывался лучъ дневной
Въ стѣнную скважину ко мнѣ...
Но тамъ же, въ свѣтѣ, на стѣнѣ,
И мой пѣвецъ воздушный былъ;
Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озаренъ былъ яснымъ днемъ;
Онъ пѣлъ привѣтно надо мной...
Какъ много было въ пѣснѣ той:
И все то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ;
Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ

О братѣ, и покинутъ былъ;
И онъ съ любовью навѣстилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ;
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто-жъ онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
Свободный ли небесъ жилецъ?
Или, недавно изъ цѣпей,
По случаю къ тюрьмѣ моей,
Играя въ небѣ, залетѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ?
Скажу-ль?... Мнѣ думалось порой,
Что у меня былъ не земной,
А райскій гость; что братній духъ
Порадовать мой взоръ и слухъ
Примчался птичкою съ небесъ...
Но утѣшитель вдругъ исчезъ;
Онъ улетѣлъ въ сіянье дня...
Нѣтъ, нѣтъ, то не былъ братъ... меня
Покинуть такъ не могъ бы онъ,
Чтобъ я, съ нимъ дважды разлученъ,
Остался вдвое одинокъ,
Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ.

XI.

Вдругъ новое въ судьбѣ моей:
Къ душѣ тюремныхъ сторожей

Какъ будто жалость путь нашла;
Дотолѣ ихъ душа была
Безчувственнѣй желѣзъ моихъ;
И что́ разжалобило ихъ,
Что́ милость вымолило мнѣ,
Не знаю... но опять къ стѣнѣ
Уже прикованъ не былъ я;
Оборванная цѣпь моя
На шеѣ билася моей;
И по тюрьмѣ я вмѣстѣ съ ней
Вдоль стѣнъ, кругомъ столбовъ бродилъ,
Не смѣя братнихъ лишь могилъ
Дотронуться моей ногой,
Чтобы послѣднія земной
Святыни тамъ не оскорбить.

XII.

И мнѣ оковами прорыть
Ступени удалось въ стѣнѣ;
Но воля не входила мнѣ
И въ мысли... я былъ сирота,
Міръ сталъ чужой мнѣ, жизнь пуста;
Съ тюрьмой я жизнь сдружилъ мою:
Въ тюрьмѣ я всю свою семью,
Все, что́ знавалъ, все, что́ любилъ,
Невозвратимо схоронилъ,
И въ области веселой дня

Никто ужъ не жилъ для меня;
Безъ мѣста на пиру земномъ,
Я былъ бы лишній гость на немъ,
Какъ облако, при ясномъ днѣ
Потерянное въ вышинѣ,
И въ радостныхъ его лучахъ
Ненужное на небесахъ...
Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ,
На красоту знакомыхъ горъ,
На ихъ утесы, ихъ лѣса,
На близкія къ нимъ небеса.

XIII.

Я ихъ увидѣлъ — и онѣ
Всѣ были тѣ-жъ: на вышинѣ
Вѣковъ созданіе — снѣга,
Подъ ними Альпы и луга,
И бездна озера у ногъ.
И Роны блещущій потокъ
Между зеленыхъ береговъ;
И слышенъ былъ мнѣ шумъ ручьевъ,
Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ;
И по лазоревымъ водамъ
Сверкали ясны облака;
И быстрый парусъ челнока
Между небесъ и водъ летѣлъ;
И хижины веселыхъ селъ,

И кровы свѣтлыхъ городовъ
Сквозь паръ мелькали вдоль бреговъ...
И я примѣтилъ островокъ:
Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
Цвѣли три дерева на немъ;
И горный воздухъ вѣялъ тамъ
По муравѣ и по цвѣтамъ,
И воды были тамъ живѣй,
И обвивалися нѣжнѣй
Кругомъ родныхъ бреговъ онѣ.
И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
Челнокъ съ пловцами приставалъ,
Гостилъ у брега, отплывалъ,
И, при свободномъ вѣтеркѣ
Летя, скрывался вдалекѣ;
И въ облакахъ орелъ игралъ,
И никогда я не видалъ
Его столь быстрымъ — то къ окну
Спускался онъ, то въ вышину
Взлеталъ — за нимъ душа рвалась;
И слезы новыя изъ глазъ
Пошли, и новая печаль
Мнѣ сжала грудь... мнѣ стало жаль
Моихъ покинутыхъ цѣпей.
Когда-жъ на дно тюрьмы моей
Опять сойти я долженъ былъ, —
Меня, казалось, обхватилъ

Холодный гробъ; казалось, вновь
Моя послѣдняя любовь,
Мой милый братъ передо мной
Былъ взятъ несытою землей;
Но какъ ни тяжко ныла грудь —
Чтобъ отъ страданья отдохнуть,
Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ.

XIV.

День приходилъ — день уходилъ —
Шли годы — я ихъ не считалъ;
Я, мнилось, память потерялъ
О перемѣнахъ на земли.
И люди наконецъ пришли
Мнѣ волю бѣдную отдать.
За что и какъ? О томъ узнать
И не помыслилъ я. Давно
Считать привыкъ я за одно:
Безъ цѣпи-ль я, въ цѣпи-ль я былъ,
Я безнадежность полюбилъ;
И имъ я холодно внималъ,
И равнодушно цѣпь скидалъ,
И подземелье стало вдругъ
Мнѣ милой кровлей... тамъ же другъ,
Все однодомецъ было мой:
Паукъ темничный надо мной
Тамъ мирно ткалъ въ моемъ окнѣ;

За рѣзвой мышью при лунѣ
Я тамъ подсматривать любилъ;
Я къ цѣпи руку пріучилъ;
И... столь себѣ невѣрны мы!...
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ —
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ.

1821 г.

ЗАМОКЪ СМАЛЬГОЛЬМЪ.

БАЛЛАДА.

До разсвѣта поднявшись, коня осѣдлалъ
Знаменитый Смальгольмскій баронъ;
И безъ отдыха гналъ, межъ утесовъ и скалъ,
Онъ коня, торопясь въ Бротерстонъ.

Не съ могучимъ Боклю совокупно спѣшилъ
На военное дѣло баронъ;
Не въ кровавомъ бою перевѣдаться мнилъ
За Шотландію съ Англіей онъ;

Но въ желѣзной бронѣ онъ сидитъ на конѣ;
Наточилъ онъ свой мечъ боевой;
И покрытъ онъ щитомъ; и топоръ за сѣдломъ
Укрѣпленъ двадцати-фунтовой.

Черезъ три дни домой возвратился баронъ,
Отуманенъ и блѣденъ лицомъ;

Черезъ силу и конь, опѣненъ, запыленъ,
Подъ тяжелымъ ступалъ сѣдокомъ.

Анкрамморскія битвы баронъ не видалъ,
Гдѣ потоками кровь ихъ лилась,
Гдѣ на Эверса грозно Боклю напиралъ,
Гдѣ за родину бился Дугласъ:

Но желѣзный шеломъ былъ изсѣченъ на немъ,
Былъ изрубленъ и панцырь, и щитъ,
Былъ недавнею кровью топоръ за сѣдломъ,
Но не англійской кровью покрытъ.

Соскочивъ у часовни съ коня за стѣной,
Притаяся въ кустахъ, онъ стоялъ;
И три раза онъ свиснулъ — и пажъ молодой,
На условленный свистъ прибѣжалъ.

— Подойди, мой малютка, мой пажъ молодой,
И присядь на колѣна мои:
Ты младенецъ, но ты откровененъ душой,
И слова непритворны твои.

Я въ отлучкѣ былъ три дни, мой пажъ молодой;
Мнѣ теперь ты всю правду скажи:
Что замѣтилъ? Что было съ твоей госпожой?
И кто былъ у твоей госпожи?

—«Госпожа по ночамъ къ отдаленнымъ скаламъ,
Гдѣ маякъ, приходила тайкомъ:
(Вѣдь огни по горамъ зажжены, чтобъ врагамъ
Не прокрасться во мракѣ ночномъ).

И на первую ночь непогода была,
И безъ умолку филинъ кричалъ;
И она въ непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скалъ.

Тихомолкомъ подкрался я къ ней въ темнотѣ;
И сидѣла одна — я узрѣлъ;
Не стоялъ часовой на пустой высотѣ;
Одиноко маякъ пламенѣлъ.

На другую же ночь — я за ней по слѣдамъ
На вершину опять побѣжалъ —
О, Творецъ! у огня одинокаго тамъ
Мнѣ невѣдомый рыцарь стоялъ.

Подпершися мечемъ, онъ стоялъ предъ огнемъ,
И бесѣдовалъ долго онъ съ ней;
Но подъ шумнымъ дождемъ, но при вѣтрѣ ночномъ,
Я разслушать не могъ ихъ рѣчей.

И послѣдняя ночь безненастна была,
И порывистый вѣтеръ молчалъ;

И къ маяку она на свиданье пошла;
У маяка ужъ рыцарь стоялъ.

И сказала (я слышалъ): — «въ полуночный часъ,
«Передъ свѣтлымъ Ивановымъ днемъ,
«Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для насъ;
«Онъ теперь на свиданьи иномъ;

«Онъ съ могучимъ Боклю ополчился теперь;
«Онъ въ сраженьи забылъ про меня —
«И тайкомъ отопру я для милаго дверь
«Наканунѣ Иванова дня.»

— Я не властенъ придти, я не долженъ придти,
Я не смѣю придти (былъ отвѣтъ);
Предъ Ивановымъ днемъ одинокимъ путемъ
Я пойду... мнѣ товарища нѣтъ.

—«О, сомнѣніе прочь! Безмятежная ночь
«Предъ великимъ Ивановымъ днемъ
«И тиха и темна, и свиданьямъ она
«Благосклонна въ молчаньи своемъ.

«Я собакъ привяжу, часовыхъ уложу,
«Я крыльцо пересыплю травой,
«И въ пріютѣ моемъ, предъ Ивановымъ днемъ,
«Безопасенъ ты будешь со мной.»

—Пусть собака молчитъ, часовой не трубитъ,
И трава не слышна подъ ногой;
Но священникъ есть тамъ; онъ не спитъ по ночамъ:
Онъ приходъ мой узнаетъ ночной.

—«Онъ уйдетъ къ той порѣ: въ монастырь на горѣ
«Панихиду онъ позванъ служить:
«Кто-то былъ умерщвленъ; по душѣ его онъ
«Будетъ три дни поминки творить.»

Онъ нахмурясь глядѣлъ, онъ какъ мертвый блѣднѣлъ,
Онъ ужасенъ стоялъ при огнѣ.
—Пусть о томъ, кто убитъ, онъ поминки творитъ:
То, быть можетъ, поминки по мнѣ.

Но полуночный часъ благосклоненъ для насъ:
Я приду подъ защитою мглы.—
Онъ сказалъ... и она... я смотрю... ужъ одна
У маяка пустынной скалы.»

И Смальгольмскій баронъ, пораженъ, раздраженъ,
И кипѣлъ, и горѣлъ, и сверкалъ.
—Но скажи, наконецъ, кто ночной сей пришлецъ?
Онъ, клянусь небесами, пропалъ!

— «Показалося мнѣ при блестящемъ огнѣ:
Былъ шеломъ съ соколинымъ перомъ,

И палашъ боевой на цѣпи золотой,
Три звѣзды на щитѣ голубомъ.»

—Нѣтъ, мой пажъ молодой, ты обманутъ мечтой;
Сей полуночный, мрачный пришлецъ
Былъ не властенъ придти: онъ убитъ на пути;
Онъ въ могилу зарытъ, онъ мертвецъ.

— «Нѣтъ! не чудилось мнѣ; я стоялъ при огнѣ,
И увидѣлъ, услышалъ я самъ,
Какъ его обняла, какъ его назвала:
То былъ рыцарь Ричардъ Кольдингамъ.»

И Смальгольмскій баронъ, изумленъ, пораженъ,
И хладѣлъ, и блѣднѣлъ, и дрожалъ.
—Нѣтъ! въ могилѣ покой; онъ лежитъ подъ землей,
Ты неправду мнѣ, пажъ мой, сказалъ.

Гдѣ бѣжитъ и шумитъ межъ утесами Твидъ,
Гдѣ подъемлется мрачный Эльдонъ,
Ужъ три ночи, какъ тамъ твой Ричардъ Кольдингамъ
Потаеннымъ врагомъ умерщвленъ.

Нѣтъ! сверканье огня ослѣпило твой взглядъ;
Оглушенъ былъ ты бурей ночной;
Ужъ три ночи, три дня, какъ поминки творятъ
Чернецы за его упокой.—

Онъ идетъ въ ворота, онъ уже на крыльцѣ,
Онъ взошелъ по крутымъ ступенямъ
На площадку, и видитъ: съ печалью въ лицѣ
Одиноко-унылая тамъ

Молодая жена—и тиха, и блѣдна,
И въ мечтаніи грустномъ глядитъ
На поля, небеса, на Мертонски лѣса,
На прозрачно бѣгущую Твидъ.

—Я съ тобою опять, молодая жена.
—«Въ добрый часъ, благородный баронъ.
Что разскажешь ты мнѣ? Рѣшена ли война?
Поразилъ ли Боклю, иль сраженъ?»

—Англичанинъ разбитъ; англичанинъ бѣжитъ
Съ Анкрамморскихъ кровавыхъ полей;
И Боклю наблюдать мнѣ маякъ мой велитъ,
И беречься недобрыхъ гостей.—

При отвѣтѣ такомъ измѣнилась лицомъ,
И ни слова... ни слова и онъ;
И пошла въ свой покой съ наклоненной главой,
И за нею суровый баронъ.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Онъ вздыхалъ, онъ съ собой говорилъ:

«Не пробудится онъ; не подымется онъ;
«Мертвецы не встаютъ изъ могилъ.»

Ужъ заря занялась; былъ таинственный часъ
Межъ разсвѣтомъ и утренней тьмой;
И глубокимъ онъ сномъ предъ Ивановымъ днемъ
Вдругъ заснулъ близъ жены молодой.

Не спалося лишь ей, не смыкала очей...
И бродящимъ, открытымъ очамъ,
При лампадномъ огнѣ, въ шишакѣ и бронѣ
Вдругъ явился Ричардъ Кольдингамъ.

—Воротись, удалися, она говоритъ.—
«Я къ свиданью тобой приглашонъ;
«Мнѣ извѣстно, кто здѣсь, неожиданный, спитъ:
«Не страшись, не услышитъ насъ онъ.

«Я во мракѣ ночномъ потаеннымъ врагомъ
«На дорогѣ измѣной убитъ;
«Ужъ три ночи, три дня, какъ монахи меня
«Поминаютъ—и трупъ мой зарытъ.

«Онъ съ тобой, онъ съ тобой, сей убійца ночной!
«И ужасный теперь ему сонъ!
«И надолго во мглѣ на пустынной скалѣ,
«Гдѣ маякъ, я бродить осужденъ;

«Гдѣ видалися мы подъ защитою тьмы,
«Тамъ скитаюсь теперь мертвецомъ:
«И сюда съ высоты не сошелъ бы... но ты
«Заклинала Ивановымъ днемъ.»

Содрогнулась она и, смятенья полна,
Вопросила:—но что же съ тобой?
Дай одинъ мнѣ отвѣтъ—ты спасенъ ли иль нѣтъ?...
Онъ печально потрясъ головой.

«Выкупается кровью пролитая кровь—
«То убійцѣ скажи моему.
«Беззаконную небо караетъ любовь—
«Ты сама будь свидѣтель тому.»

Онъ тяжелою шуйцей коснулся стола;
Ей десницею руку пожалъ—
И десница какъ острое пламя была,
И по членамъ огонь пробѣжалъ.

И печать роковая въ столѣ вожжена:
Отразилися пальцы на немъ;
На рукѣ жъ—но таинственно руку она
Закрывала съ тѣхъ поръ полотномъ.

Есть монахиня въ древнихъ Драйбургскихъ стѣнахъ,
И грустна и на свѣтъ не глядитъ;

Есть въ Мельрозской обители мрачный монахъ:
И дичится людей и молчитъ.

Сей монахъ молчаливый и мрачный—кто онъ?
Та монахиня—кто же она?
То убійца, суровый Смальгольмскій баронъ;
То его молодая жена.

1822 г.

МОРЕ.

ЭЛЕГІЯ.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо; ты дышешь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Чтó движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?...
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя —

Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезаетъ, и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной — скрываешь смятенье
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

1822 г.

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

БАЛЛАДА.

Палъ Пріамовъ градъ священный;
Грудой пепла сталъ Пергамъ;
И побѣдой насыщенны,
Къ острогрудымъ кораблямъ
Собрались Эллены — тризну
Въ честь минувшаго свершить,
И въ желанную отчизну,
Къ берегамъ Эллады плыть.

Пойте, пойте гимнъ согласный:
Корабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.

Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ:
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ,

И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великій,
Невозвратный Иліонъ.

Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ болѣ не видать:
Будемъ въ рабствѣ увядать...
О, сколь мертвые счастливы!

И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Калхасъ заклалъ:
Грады зиждущей Палладѣ
И губящей (онъ воззвалъ),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ,
И носящему Горгону
Богу смертныхъ и боговъ!

Судъ оконченъ; споръ рѣшился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила Судьба:
Градъ великій сокрушился.

Царь народовъ, сынъ Атрея
Обозрѣлъ полковъ число:
Вслѣдъ за нимъ на брегъ Сигея
Много, много ихъ пришло...

И незапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали...
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ:

Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!

И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтаремъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей
(Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).

Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ.

И стоящій близъ Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительный измѣны!
Ею самъ измѣнникъ палъ;

И погибъ виной Парида
Отягченный Иліонъ...
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.

Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.

Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Оилеевъ сынъ сказалъ)
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!...
Нѣтъ великаго Патрокла;
Живъ презрительный Терситъ.

Смертный, царь Зевесъ Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втунѣ.

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Подставлявшій твердо грудь,

Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ...
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.

Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ отнялъ;
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва,

О, Ахиллъ! о, мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами —
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли.

Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ:
(Діомедъ провозгласилъ)
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;

Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ — честь побѣды!
Охранявшему — любовь!

Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ,
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіялъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье;
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.

Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные — въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.

Вспомни матерь Ніобею:
Чтó извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!

Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ недаромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ.
Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ...

Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящій въ гробѣ, мирно спи,
Жизнью пользуйся, живущій.

1822 г.

ПОЛИКРАТОВЪ ПЕРСТЕНЬ.

БАЛЛАДА.

На кровлѣ онъ стоялъ высоко,
И на Самосъ богатый око
Съ весельемъ гордымъ преклонялъ:
«Сколь щедро взысканъ я богами!
«Сколь счастливъ я между царями!»
Царю Египта онъ сказалъ.

— Тебѣ благопріятны боги:
Они къ твоимъ врагамъ лишь строги,
И всѣхъ ихъ предали тебѣ;
Но живъ одинъ, опасный мститель;
Пока онъ дышетъ... побѣдитель,
Не довѣряй своей судьбѣ. —

Еще не кончилъ онъ отвѣта,
Какъ изъ союзнаго Милета
Явился присланный гонецъ:
«Побѣдой ты украшенъ новой;

Да обовьетъ опять лавровый
Главу властителя вѣнецъ;

Твой врагъ постигнутъ строгой местью;
Меня послалъ къ вамъ съ этой вѣстью
Нашъ полководецъ Полидоръ.»
Рука гонца сосудъ держала:
Въ сосудѣ голова лежала;
Врага узналъ въ ней царскій взоръ.

И гость воскликнулъ съ содроганьемъ:
— Страшись! Судьба очарованьемъ
Тебя къ погибели влечётъ.
Невѣрныя морскія волны
Обломковъ корабельныхъ полны:
Еще не въ пристани твой флотъ. —

Еще слова его звучали...
А клики брегъ ужъ оглашали,
Народъ на пристани кипѣлъ;
И въ пристань, царь морей крылатый,
Дарами дальнихъ странъ богатый,
Флотъ торжествующій влетѣлъ.

И гость, увидя то, блѣднѣетъ.
— Тебѣ Фортуна благодѣетъ...
Но ты не вѣрь, здѣсь хитрый ковъ,
Здѣсь тайная погибель скрыта:

Разбойники морскіе Крита
Отъ здѣшнихъ близко береговъ. —

И только выронилъ онъ слово
Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой:
Побѣда, царь! Судьбѣ хвала!
Мы торжествуемъ надъ врагами:
Флотъ Критскій истребленъ богами;
Его ихъ буря пожрала.

Испуганъ гость нежданной вѣстью...
— Ты счастливъ; но судьбины лестью
Такое счастье мнится мнѣ:
Здѣсь вѣчны блага не бывали,
И никогда намъ безъ печали
Не доставалися онѣ.

И мнѣ все въ жизни улыбалось;
Неизмѣняемо, казалось,
Я силой вышней былъ хранимъ:
Всѣ блага прочилъ я для сына...
Его, его взяла судьбина;
Я долгъ мой сыномъ заплатилъ.

Чтобъ вѣрной избѣжать напасти,
Моли невидимыя власти
Подлить печали въ твой фіалъ.
Судьба и въ милостяхъ мздоимецъ:

Какой, какой ея любимецъ
Свой вѣкъ не бѣдственно кончалъ?

Когда-жъ въ несчастьи рокъ откажетъ,
Исполни то, что́ другъ твой скажетъ:
Ты призови несчастье самъ.
Твои сокровища несмѣтны:
Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ завѣтный,
Отдай любимое богамъ. —

Онъ гостю внемлетъ съ содроганьемъ:
«Моимъ избраннымъ достояньемъ
«Донынѣ этотъ перстень былъ;
«Но я готовъ властямъ незримымъ
«Добромъ пожертвовать любимымъ»...
И перстень въ море онъ пустилъ.

На утро, только лучъ денницы
Озолотилъ верхи столицы,
Къ царю является рыбарь:
Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебѣ принесъ въ подарокъ, царь!

Царь изъявилъ благоволенье...
Вдругъ царскій поваръ въ изступленьи
Съ нежданной вѣстію бѣжитъ:
Найденъ твой перстень драгоцѣнный,

Огромной рыбой поглощенный,
Онъ въ ней ножемъ моимъ открытъ.

Тутъ гость, какъ пораженный громомъ,
Сказалъ: бѣда надъ этимъ домомъ!
Нельзя мнѣ другомъ быть твоимъ;
На смерть ты обреченъ судьбою;
Бѣгу, чтобъ здѣсь не пасть съ тобою...
Сказалъ — и разлучился съ нимъ.

1829 г.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

БАЛЛАДА.

Снова геній жизни вѣетъ,
Возвратилася весна;
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ,
Ледъ разрушила волна;
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,
И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ;
Все цвѣтетъ — лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ;
Прозерпины, Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ.

Я вездѣ ее искала,
Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи;
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ея подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ;

А подземной тьмы Эреба
Лучъ его пронзить не могъ;
Тѣ брега недостижимы,
И богамъ ихъ страшенъ видъ.....
Тамъ она! неумолимый
Ею властвуетъ Аидъ.

Кто-жъ мое во міракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходитъ челнъ Харона,
Но лишь тѣни онъ беретъ.
Жизнь подземнаго страшится;
Недоступенъ адъ и тихъ;
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится,
Стиксъ не видывалъ живыхъ;
Тьма дорогъ туда низводитъ;
Ни одной оттуда нѣтъ;
И отшедшій не приходитъ
Никогда опять на свѣтъ.

Сколь завидна мнѣ, печальной,
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальный
Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Чтó усладою утратъ?
Насъ безрадостно-блаженныхъ
Парки строгія щадятъ....

Парки, Парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать;
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать.

Въ тотъ предѣлъ — гдѣ утѣшенью
И веселію чужда,
Дочь живетъ — свободной тѣнью
Полетѣла-бъ я тогда;
Близъ супруга, на престолѣ
Мнѣ предстала бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ бы взоръ склонился,
И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами-бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ.

Тщетный призракъ! стонъ напрасный!
Все однимъ путемъ небесъ
Ходитъ Геліосъ прекрасный;
Все на вѣкъ рѣшилъ Зевесъ;
Жизнью горнею доволенъ,
Ненавидя адску ночь,
Онъ и самъ отдать неволенъ
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколь Аида
Не освѣтитъ Аполлонъ,

Или радугой Ирида
Не сойдетъ на Ахеронъ!

Нѣтъ ли жъ мнѣ чего отъ милой,
Въ сладкопамятный завѣтъ:
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?....
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
Намъ святые боги дали
Усладительный языкъ.

Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея
Губитъ нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ желтѣя,
И лѣса обнажены:
Изъ руки Вертумна щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу,
И, его въ земное нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери ввѣряю
Тайный даръ моей руки,
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.

Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна:
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень Стиксовой струей.

Ими тàинственно слита
Область тьмы съ страною дня,
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьи
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается призванье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ:
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

О! привѣтствую васъ, чада
Расцвѣтающихъ полей;

Вы тоски моей услада,
Образъ дочери моей;
Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой,
И съ Аврориным сіяньемъ
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей.

1829 г.

КУБОКЪ.

БАЛЛАДА.

«Кто, рыцарь ли знатный иль латникъ простой,
«Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
«Бросаю мой кубокъ туда золотой:
«Кто сыщетъ во тьмѣ глубины
«Мой кубокъ, и съ нимъ возвратится безвредно,
«Тому онъ и будетъ наградой побѣдной.»

Такъ царь возгласилъ, и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы,
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
«Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
«Кто сыщетъ мой кубокъ, и съ нимъ возвратится?»

Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ;
Молчанье — на вызовъ отвѣтъ;

Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
  За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
«Отыщется-ль смѣлый на подвигъ опасный?»

И всѣ безотвѣтны.... Вдругъ пажъ молодой
  Смиренно и дерзко впередъ;
Онъ снялъ епанчу, и снялъ поясъ онъ свой;
  Ихъ молча на землю кладетъ....
И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?

И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
  И взоръ устремилъ въ глубину....
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
  Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
  Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
  Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ....
Не море-ль изъ моря извергнуться хочетъ?

И вдругъ, успокоясь, волненье легло;
  И грозно изъ пѣны сѣдой

Разинулось черною щелью жерло;
И вóды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева;
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ —
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила.

Надъ бездной утихло.... въ ней глухо шумитъ....
И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
«Красавецъ отважный, прости!»
Все тише и тише на днѣ ея воетъ....
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.

«Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
«Сказавъ: *кто вѣнецъ возвратитъ*,
«*Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!*
«Меня твой престолъ не прельститъ.
«Того, чтó скрываетъ та бездна нѣмая,
«Ничья здѣсь душа не разскажетъ живая.

«Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
«Глотала ея глубина:

«Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
«Съ ея неприступнаго дна»....
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалекой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ...
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ ... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной....
Мелькнула рука и плечо изъ волны....
И борется, споритъ съ волной....
И видя — весь берегъ потрясся отъ клича —
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ....
И каждый съ весельемъ, «онъ живъ! повторялъ:
«Чудеснѣе подвига нѣтъ!
«Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной,
«Спасъ душу живую красавецъ отважный».

Онъ на берегъ вышелъ, онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;

И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочери царь приказалъ:
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда;
И въ сладость была для него та награда.

«Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной, таинственной мглѣ....
И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.

«Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда....
И вдругъ мнѣ на встрѣчу потокъ;
Изъ трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлекъ
Меня въ глубину съ непонятною силой....
И страшно меня тамъ кружило и било.

«Но Богу молитву тогда я принесъ,
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ, на вѣтви коралла;
Въ бездонное влага его не умчала.

«И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;

Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказанныя чуды.

«Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваяся клубъ:
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей—однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіена морская.

«И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
Отъ взора людей далеко;
Одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко,
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмого.

«И я содрогался... вдругъ слышу: ползетъ
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ...
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!
То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ,
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ».

Чудесенъ разсказъ показался царю:
«Мой кубокъ возьми золотой;

«Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
«Въ которомъ алмазъ дорогой,
«Когда ты на подвигъ отважишься снова,
«И тайны всѣ дна перескажешь морского».

То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
—Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младого.

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты:
«И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
«Когда съ нимъ воротишься ты;
«И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
«Заступница, будетъ твоею женою».

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ *она;*
Онъ видитъ: въ *ней* жалость и страхъ...
Тогда неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель—онъ кинулся въ волны...

Утихнула бездна... и снова шумитъ...
И пѣною снова полна...

И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ...
И бьетъ за волною волна...
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно:
А юноши нѣтъ, и не будетъ ужъ вѣчно.

1829 г.

ОПЯЩАЯ ЦАРЕВНА.

СКАЗКА.

Жилъ былъ добрый царь Матвѣй;
Жилъ съ царицею своей
Онъ въ согласьи много лѣтъ;
А дѣтей все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Разъ царица на лугу,
На зеленомъ берегу
Ручейка, была одна;
Горько плакала она.
Вдругъ, глядитъ, ползетъ къ ней ракъ;
Онъ сказалъ царицѣ такъ:
—Мнѣ тебя, царица, жаль;
Но забудь свою печаль;
Понесешь ты въ эту ночь:
У тебя родится дочь.
«Благодарствуй, добрый ракъ;
«Не ждала тебя никакъ...»
Но ужъ ракъ уползъ въ ручей,
Не слыхавъ ея рѣчей.

Онъ конечно былъ пророкъ;
Что сказалъ, сбылося въ срокъ;
Дочь царица родила.
Дочь прекрасна такъ была,
Что ни въ сказкѣ разсказать,
Ни перомъ не описать.
Вотъ царемъ Матвѣемъ пиръ
Знатный данъ на цѣлый міръ;
И на пиръ веселый тотъ
Царь одиннадцать зоветъ
Чародѣекъ молодыхъ;
Было жъ всѣхъ двѣнадцать ихъ;
Но двѣнадцатой одной,
Хромоногой, старой, злой,
Царь на праздникъ не позвалъ.
Отчего жъ такъ оплошалъ
Нашъ разумный царь Матвѣй?
Было то обидно ей.
Такъ, но есть причина тутъ:
У царя двѣнадцать блюдъ
Драгоцѣнныхъ, золотыхъ,
Было въ царскихъ кладовыхъ;
Приготовили обѣдъ;
А двѣнадцатаго нѣтъ!
(Кѣмъ украдено оно,
Знать объ этомъ не дано).
«Что жъ тутъ дѣлать?» царь сказалъ,
«Такъ и быть!» И не послалъ

Онъ на пиръ старухи звать.
Собралися пировать
Гостьи, званныя царемъ;
Пили, ѣли, а потомъ,
Хлѣбосольнаго царя
За пріемъ благодаря,
Стали дочь его дарить:
«Будешь въ золотѣ ходить;
«Будешь чудо красоты;
«Будешь всѣмъ на радость ты
«Благонравна и тиха;
«Дамъ красавца жениха
«Я тебѣ, мое дитя;
«Жизнь твоя пройдетъ, шутя,
«Межъ знакомыхъ и родныхъ...»
Словомъ, десять молодыхъ
Чародѣекъ, одаривъ
Такъ дитя наперерывъ,
Удалились; въ свой чередъ
И послѣдняя идетъ;
Но еще она сказать
Не успѣла слова — глядь!
А незваная стоитъ
Надъ царевной и ворчитъ:
«На пиру я не была,
«Но подарокъ принесла:
«На шестнадцатомъ году
«Повстрѣчаешь ты бѣду;

«Въ этомъ возрастѣ своемъ
«Руку ты веретеномъ
«Оцарапаешь, мой свѣтъ,
«И умрешь во цвѣтѣ лѣтъ!»
Проворчавши такъ, тотчасъ
Вѣдьма скрылася изъ глазъ;
Но оставшаяся тамъ
Рѣчь домолвила: «Не дамъ
«Безъ пути ругаться ей
«Надъ царевною моей;
«Будетъ то не смерть, а сонъ;
«Триста лѣтъ продлится онъ;
«Срокъ назначенный пройдетъ,
«И царевна оживетъ;
«Будетъ долго въ свѣтѣ жить;
«Будутъ внуки веселить
«Вмѣстѣ съ нею мать, отца,
«До земного ихъ конца».
Скрылась гостья. Царь грустить;
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ:
Какъ отъ смерти дочь спасти?
И бѣду чтобъ отвести,
Онъ даетъ такой указъ:
«Запрещается отъ насъ
«Въ нашемъ царствѣ сѣять ленъ,
«Прясть, сучить, чтобъ веретенъ
«Духу не было въ домахъ:
«Чтобъ скорѣй, какъ можно, пряхъ

«Всѣхъ изъ царства выслать вонъ.»
Царь, издавъ такой законъ,
Началъ пить и ѣсть, и спать,
Началъ жить да поживать,
Какъ дотолѣ, безъ заботъ.
Дни проходятъ; дочь растётъ;
Расцвѣла, какъ майскій цвѣтъ;
Вотъ ужъ ей пятнадцать лѣтъ...
Что-то, что-то будетъ съ ней!
Разъ съ царицею своей
Царь отправился гулять;
Но съ собой царевну взять
Не случилось имъ; она
Вдругъ соскучилась одна
Въ душной горницѣ сидѣть,
И на свѣтъ въ окно глядѣть.
Дай, сказала наконецъ,
Осмотрю я нашъ дворецъ.
По дворцу она пошла:
Пышныхъ комнатъ нѣтъ числа;
Всѣмъ любуется она;
Вотъ, глядитъ, отворена
Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
Вьется лѣстница винтомъ
Вкругъ столба; по ступенямъ
Всходитъ вверхъ, и видитъ тамъ:
Старушоночка сидитъ;
Гребень подъ носомъ торчитъ;

Старушоночка прядетъ
И за пряжею поетъ:
«Веретенцо, не лѣнись;
«Пряжа тонкая, не рвись;
«Скоро будетъ въ добрый часъ
«Гостья жданная у насъ».
Гостья жданная вошла;
Пряха, молча, подала
Въ руки ей веретено;
Та взяла и вмигъ оно
Укололо руку ей....
Все исчезло изъ очей;
На нее находитъ сонъ;
Вмѣстѣ съ ней объемлетъ онъ
Весь огромный царскій домъ;
Все утихнуло кругомъ.
Возвращаясь во дворецъ,
На крыльцѣ ея отецъ
Пошатнулся и зѣвнулъ,
И съ царицею заснулъ;
Свита вся за ними спитъ;
Стража царская стоитъ
Подъ ружьемъ въ глубокомъ снѣ,
И на спящемъ спитъ конѣ
Передъ ней хорунжій самъ;
Неподвижно по стѣнамъ
Мухи сонныя сидятъ;
У воротъ собаки спятъ;

Въ стойлахъ, головы склонивъ,
Пышны гривы опустивъ,
Кони корму не ѣдятъ,
Кони сномъ глубокимъ спятъ;
Поваръ спитъ передъ огнемъ;
И огонь, объятый сномъ,
Не пылаетъ, не горитъ,
Соннымъ пламенемъ стоитъ;
И не тронется надъ нимъ,
Свившись клубомъ, сонный дымъ;
И окрестность со дворцомъ
Вся объята мертвымъ сномъ;
И покрылъ окрестность боръ;
Изъ терновника заборъ
Дикій боръ тотъ окружилъ;
Онъ на вѣкъ загородилъ
Къ дому царскому пути:
Долго, долго не найти
Никому туда слѣда;
И приблизиться—бѣда!
Птица тамъ не пролетитъ,
Близко звѣрь не пробѣжитъ,
Даже облако небесъ
На дремучій, темный лѣсъ
Не навѣетъ вѣтерокъ.
Вотъ ужъ полный вѣкъ протёкъ;
Словно не жилъ царь Матвѣй —
Такъ изъ памяти людей

Онъ изгладился давно;
Знали только то одно,
Что средь бора домъ стоитъ,
Что царевна въ домѣ спитъ,
Что проспать ей триста лѣтъ,
Что теперь къ ней слѣду нѣтъ.
Много было смѣльчаковъ
(По сказанью стариковъ),
Въ лѣсъ брались они сходить,
Чтобъ царевну разбудить;
Даже бились объ закладъ,
И ходили — но назадъ
Не пришелъ никто. Съ тѣхъ поръ
Въ неприступный, страшный боръ,
Ни старикъ, ни молодой,
За царевной ни ногой.
Время-жъ все текло, текло;
Вотъ и триста лѣтъ прошло.
Что-жъ случилося? Въ одинъ
День весенній, царскій сынъ,
Забавляясь ловлей, тамъ
По долинамъ, по полямъ,
Съ свитой ловчихъ разъѣзжалъ.
Вотъ отъ свиты онъ отсталъ,
И у бора вдругъ одинъ
Очутился царскій сынъ.
Боръ, онъ видитъ, теменъ, дикъ.
Съ нимъ встрѣчается старикъ.

Съ старикомъ онъ въ разговоръ:
«Разскажи про этотъ боръ
«Мнѣ, старинушка честной?»
Покачавши головой,
Все старикъ тутъ разсказалъ,
Чтó отъ дѣдовъ онъ слыхалъ
О чудесномъ борѣ томъ:
Какъ богатый царскій домъ
Въ немъ давнымъ давно стоитъ,
Какъ царевна въ домѣ спитъ,
Какъ ея чудесенъ сонъ,
Какъ три вѣка длится онъ,
Какъ во снѣ царевна ждетъ,
Что спаситель къ ней придетъ;
Какъ опасны въ лѣсъ пути,
Какъ пыталася дойти
До царевны молодежь,
Какъ со всякимъ то жъ да то жъ
Приключалось: попадалъ
Въ лѣсъ, да тамъ и погибалъ.
Былъ дѣтина удалой
Царскій сынъ; отъ сказки той
Вспыхнулъ онъ, какъ отъ огня:
Шпоры втиснулъ онъ въ коня;
Прянулъ конь отъ острыхъ шпоръ,
И стрѣлой помчался въ боръ,
И въ одно мгновенье тамъ.
Что-жъ явилося очамъ

Сына царскаго? — Заборъ,
Ограждавшій темный боръ,
Не терновникъ ужъ густой,
Но кустарникъ молодой;
Блещутъ розы по кустамъ;
Передъ витяземъ онъ самъ
Разступился, какъ живой;
Въ лѣсъ въѣзжаетъ витязь мой;
Все свѣжо, красно предъ нимъ;
По цвѣточкамъ молодымъ
Пляшутъ, блещутъ мотыльки;
Свѣтлой змѣйкой ручейки
Вьются, пѣнятся, журчатъ;
Птицы прыгаютъ, шумятъ
Въ густотѣ вѣтвей живыхъ;
Лѣсъ душистъ, прохладенъ, тихъ,
И ничто не страшно въ немъ.
Ѣдетъ гладкимъ онъ путемъ
Часъ, другой; вотъ наконецъ
Передъ нимъ стоитъ дворецъ,
Зданье — чудо старины;
Ворота отворены;
Въ ворота въѣзжаетъ онъ;
На дворѣ встрѣчаетъ онъ
Тьму людей, и каждый спитъ:
Тотъ, какъ вкопанный, сидитъ;
Тотъ, не двигаясь, идетъ;
Тотъ стоитъ, раскрывши ротъ,

Сномъ пресѣкся разговоръ,
И въ устахъ молчитъ съ тѣхъ поръ
Недоконченная рѣчь;
Тотъ, вздремавъ, когда-то лечь
Собрался, но не успѣлъ:
Сонъ *волшебный* овладѣлъ
Прежде сна *простого* имъ;
И три вѣка недвижимъ,
Не стоитъ онъ, не лежитъ,
И упасть готовый, спитъ.
Изумленъ и пораженъ
Царскій сынъ. Проходитъ онъ
Между сонными къ дворцу;
Приближается къ крыльцу;
По широкимъ ступенямъ
Хочетъ вверхъ идти; но тамъ
На ступеняхъ царь лежитъ
И съ царицей вмѣстѣ спитъ.
Путь на верхъ загороженъ.
Какъ же быть? подумалъ онъ,
Гдѣ пробраться во дворецъ?
Но рѣшился наконецъ,
И, молитву сотворя,
Онъ шагнулъ черезъ царя.
Весь дворецъ обходитъ онъ;
Пышно все, повсюду сонъ,
Гробовая тишина.
Вдругъ глядитъ: отворена

Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
Вьется лѣстница винтомъ
Вкругъ столба; по ступенямъ
Онъ взошелъ. И что́ же тамъ?
Вся душа его кипитъ,
Передъ нимъ царевна спитъ.
Какъ дитя лежитъ она,
Распылалася отъ сна;
Молодъ цвѣтъ ея ланитъ;
Межъ рѣсницами блеститъ
Пламя сонное очей;
Ночи темныя темнѣй,
Заплетенные косой
Кудри черной полосой
Обвились кругомъ чела;
Грудь, какъ свѣжій снѣгъ, бѣла;
На воздушный, тонкій станъ
Брошенъ легкій сарафанъ;
Губки алыя горятъ;
Руки бѣлыя лежатъ
На трепещущихъ грудяхъ;
Сжаты въ легкихъ сапожкахъ
Ножки, чудо красотой.
Видомъ прелести такой
Отуманенъ, распалёнъ,
Неподвижно смотритъ онъ;
Неподвижно спитъ она.
Что-жъ разрушитъ силу сна?

Вотъ, чтобъ душу насладить,
Чтобъ хоть мало утолить
Жадность пламенныхъ очей,
На колѣни ставши, къ ней
Онъ приблизился лицомъ:
Распалительнымъ огнемъ
Жарко рдѣющихъ ланитъ
И дыханьемъ устъ облитъ,
Онъ души не удержалъ
И ее поцѣловалъ.
Вмигъ проснулася она;
И за нею вмигъ отъ сна
Поднялося все кругомъ;
Царь, царица, царскій домъ;
Снова говоръ, крикъ, возня;
Все, какъ было; словно дня
Не прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ сонъ
Весь тотъ край былъ погруженъ.
Царь на лѣстницу идетъ;
Нагулявшися ведетъ
Онъ царицу въ ихъ покой;
Сзади свита вся толпой;
Стражи ружьями стучатъ;
Мухи стаями летятъ;
Приворотный лаетъ пёсъ;
На конюшнѣ свой овёсъ
Доѣдаетъ добрый конь;
Поваръ дуетъ на огонь,

И треща огонь горитъ,
И струею дымъ бѣжитъ;
Все бывалое: одинъ
Небывалый царскій сынъ.
Онъ съ царевной наконецъ
Сходитъ сверху; мать, отецъ
Принялись ихъ обнимать.
Чтó-жъ осталось досказать?
Свадьба, пиръ, и я тамъ былъ
И вино на свадьбѣ пилъ;
По усамъ вино бѣжало,
Въ ротъ же капли не попало.

1831 г.

ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕКЪ.

СКАЗКА.

[отрывокъ].

Слушайте: я разскажу вамъ, друзья, про мышей и лягушекъ.
Сказка ложь, а пѣсня быль, говорятъ намъ; по въ этой
Сказкѣ моей найдется и правда. Милости-жъ просимъ
Тѣхъ, кто охотникъ въ досужный часокъ пошутить, посмѣяться,
Сказки послушать; а тѣхъ, кто любитъ смотрѣть исподлобья,
Всякую шутку считая за грѣхъ, мы просимъ покорно
Къ намъ не ходить, и дома сидѣть, да высиживать скуку.
Было прекрасное майское утро. Квакунъ двадесятый,
Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,
Вышелъ изъ мокрой столицы своей, окруженный блестящей
Свитой придворныхъ. Въ припрыжку они взобрались на пригорокъ,
Сочной травою покрытый, и тамъ, на кочкѣ усѣвшись,
Царь приказалъ, изъ толпы его окружавшихъ почетныхъ
Стражей, вызвать бойцевъ, чтобъ его, царя, забавляли
Боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы; началося; ужъ много
Было лягушечьихъ мордъ царю въ угожденье разбито;
Царь хохоталъ; отъ смѣха придворная квакала свита
Въ слѣдъ за его величествомъ; солнце взошло ужъ на полдень.

Вдругъ изъ кустовъ молодецъ въ прекрасной бѣленькой шубкѣ,
Съ тоненькимъ хвостикомъ, острымъ, какъ стрѣлка, на тоненькихъ ножкахъ,
Выскочилъ; слѣдомъ за нимъ четыре такихъ же, но въ шубахъ
Дымнаго цвѣта. Рысцой они подбѣжали къ болоту.
Бѣлая шубка, носикъ въ болото уткнувъ, и поднявши
Правую ножку, началъ воду тянуть, и, казалось,
Былъ для него тотъ напитокъ пріятнѣе меда; головку
Часто онъ вверхъ подымалъ, и вода съ усастаго рыльца
Мелкимъ бисеромъ падала; вдоволь напившись и лапкой
Рыльце обтерши, сказалъ онъ: «какое раздолье студеной
Выпить воды, утомившись отъ зноя! Теперь понимаю
То, что чувствовалъ Дарій, когда онъ, въ бѣгствѣ изъ мутной
Лужи напившись, сказалъ: я не знаю вкуснѣе напитка!»
Эти слова одна изъ лягушекъ подслушала; тотчасъ
Скачетъ она съ донесеньемъ къ царю: изъ лѣса-де вышли
Пять какихъ-то звѣрковъ, съ усами турецкими, уши
Длинныя, хвостики острые, лапки какъ руки; въ осоку
Всѣ они побѣжали и царскую воду въ болотѣ
Пьютъ. А кто и откуда они, неизвѣстно.—Съ десяткомъ
Стражей Квакунъ посылаетъ хорунжаго Пышку провѣдать,
Кто незваные гости; когда непріятели, взять ихъ,
Если дадутся; когда же сосѣди, пришедшіе съ миромъ,
Дружески ихъ пригласить къ царю на бесѣду. Сошедши
Пышка съ холма и увидя гостей, въ минуту узналъ ихъ:
«Это мыши; неважное дѣло! Но мнѣ не случалось
Бѣлыхъ межъ ними видать, и это мнѣ чудно. Смотрите-жъ,
Спутникамъ тутъ онъ сказалъ, никого не обидѣть. Я съ ними

Самъ на словахъ объяснюся. Увидимъ, что̀ скажетъ мнѣ бѣлый.»
Бѣлый межъ тѣмъ съ удивленьемъ великимъ смотрѣлъ, приподнявши
Уши, на скачущихъ прямо къ нему съ пригорка лягушекъ;
Слуги его хотѣли бѣжать, но онъ удержалъ ихъ,
Выступилъ бодро впередъ и ждалъ скакуновъ; и какъ скоро
Пышка съ своими къ болоту приблизился: «здравствуй, почтенный
Воинъ, сказалъ онъ ему, прошу не взыскать, что безъ спросу
Вашей воды напился я; мы всѣ отъ охоты устали;
Въ это же время здѣсь никого не нашлось; благодарны
Очень мы вамъ за прекрасный напитокъ; и сами готовы
Равнымъ добромъ за ваше добро заплатить: благодарность
Есть добродѣтель возвышенныхъ душъ.» Удивленный такою
Умною рѣчью, отвѣтствовалъ Пышка: «милости просимъ
Къ намъ, благородные гости; нашъ царь, о прибытіи вашемъ
Свѣдавъ, весьма любопытенъ узнать: откуда вы родомъ,
Кто вы и ка̀къ васъ зовутъ? Я посланъ сюда пригласить васъ
Съ нимъ на бесѣду. Рады мы очень, что вамъ показалась
Наша по вкусу вода, а платы не требуемъ: воду
Создалъ Господь для всѣхъ на потребу, какъ воздухъ и солнце.»
Бѣлая шубка учтиво отвѣтствовалъ: «царская воля
Будетъ исполнена; радъ я къ его величеству съ вами
Вмѣстѣ пойти, но только сухимъ путемъ, не водою;
Плавать я не умѣю; я царскій сынъ и наслѣдникъ
Царства мышинаго.» Въ это мгновенье, спустившись съ пригорка,
Царь Квакунъ со свитой своей приближался. Царевичъ
Бѣлая шубка, увидя царя съ такою толпою,
Нѣсколько струсилъ; ибо не вѣдалъ, доброе-ль, злое-ль

Было у нихъ на умѣ. Квакунъ отличался зеленымъ
Платьемъ, глаза на выкатъ сверкали какъ звѣзды, и пузомъ
Громко онъ, прядая, шлепалъ. Царевичъ Бѣлая шубка,
Вспомнивши, кто онъ, робость свою побѣдилъ. Величаво
Онъ поклонился царю Квакуну. А царь, благосклонно
Лапку подавши ему, сказалъ: «любезному гостю
Очень мы рады; садись, отдохни; ты изъ дальняго, вѣрно,
Края, ибо до сихъ поръ тебя намъ видать не случалось.»
Бѣлая шубка, царю поклоняся опять, на зеленой
Травкѣ усѣлся съ нимъ рядомъ; а царь продолжалъ: «разскажи намъ,
Кто ты? кто твой отецъ? кто мать? и откуда пришелъ къ намъ?
Здѣсь мы тебя угостимъ дружелюбно, когда, не таяся,
Правду всю скажешь; я царь и много имѣю богатства;
Будетъ намъ сладко почтить дорогого гостя дарами.»
«Нѣтъ никакой мнѣ причины, отвѣтствовалъ Бѣлая шубка,
Царь-Государь, утаивать истину. Самъ я породы
Царской, весьма на землѣ знаменитой; отецъ мой изъ дома
Древнихъ воинственныхъ Бубликовъ, царь Долгохвостъ Иринарій
Третій; владѣетъ пятью чердаками, наслѣдіемъ славныхъ
Предковъ, но область свою онъ самъ расширилъ войнами:
Три подполья, одинъ амбаръ, и двѣ третя ветчинни
Онъ покорилъ, побѣдивши сосѣднихъ царей; а въ супруги
Взявши царевну Прасковью-Пискунью, Бѣлую шкурку,
Цѣлый овинъ получилъ онъ за нею въ приданое. Въ свѣтѣ
Нѣтъ подобнаго царства. Я сынъ царя Долгохвоста,
Петръ Долгохвостъ, по прозванію *Хватъ*. Былъ я воспитанъ
Въ нашемъ столичномъ подпольѣ премудрымъ Онуфріемъ крысой.

Мастеръ я рыться въ мукѣ, таскать орѣхи; вскребаюсь
Въ сыръ, и множество книгъ ужъ изгрызъ, любя просвѣщенье.
Хватомъ же прозванъ я вотъ за какое смѣлое дѣло:
Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышенятокъ
Бѣгало по полю въ запуски: я, какъ шальной, раззадорясь,
Вспрыгнулъ съ разбѣгу на льва, отдыхавшаго въ полѣ, и въ пышной
Гривѣ запутался; левъ проснулся и лапой огромной
Стиснулъ меня; я подумалъ, что буду раздавленъ какъ мошка.
Съ духомъ собравшись, я высунулъ носъ изъ-подъ лапы:
Левъ-Государь, ему я сказалъ, мнѣ и въ мысль не входило
Милость твою оскорбить; пощади, не губи; неровенъ часъ,
Самъ я тебѣ пригожуся. Левъ улыбнулся (конечно,
Онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ мнѣ: ты, вижу, забавникъ;
Льву услужить ты задумалъ — добро, мы посмотримъ, какую
Милость окажешь ты намъ? Ступай. Тогда онъ раздвинулъ
Лапу; а я давай Богъ ноги; но вотъ что́ случилось:
Дня не прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ
Нашихъ львинымъ рыканьемъ: смутилась, какъ будто отъ бури,
Вся сторона; я не струсилъ: выбѣжалъ въ поле, и что же
Въ полѣ увидѣлъ? Царь Левъ, запутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ,
Мечется, бьется, какъ бѣшеный; кровью глаза налилися;
Лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; и было
Все то напрасно; лишь болѣ себя онъ запутывалъ. Видишь,
Левъ-Государь, сказалъ я ему, что и я пригодился,
Будь спокоенъ: въ минуту тебя мы избавимъ. И тотчасъ
Созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать
Зубомъ; узлы перегрызли тенетъ, и левъ распутлялся.

Важно кивнувъ головою косматой и насъ допустивши
Къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ
Сильнымъ хвостомъ по бедрамъ и въ три прыжка очутился
Въ ближнемъ лѣсу, гдѣ мигъ и пропалъ. По этому дѣлу
Прозванъ я *Хватомъ*, и славу свою поддержать я стараюсь:
Страшнаго нѣтъ для меня ничего; я знаю, что смѣлымъ
Богъ владѣетъ. Но должно однако признаться, что всюду
Здѣсь мы встрѣчаемъ опасность; такъ Богъ ужъ землю устроилъ.
Все здѣсь воюетъ: съ травою Овца, съ Овцею голодный
Волкъ, Собака съ Волкомъ, съ Собакой Медвѣдь, а съ Медвѣдемъ
Левъ; Человѣкъ же и Льва, и Медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ.
Такъ и у насъ, отважныхъ Мышей, есть много опасныхъ
Сильныхъ гонителей: Совы, Ласточки, Кошки, а всѣхъ ихъ
Злѣе козни людскія. И тяжко подъ часъ намъ приходитъ.
Я однако спокоенъ; я помню, что мнѣ мой наставникъ
Мудрый, крыса Онуфрій, твердилъ: бѣды насъ смиренью
Учатъ. Съ вѣрой такою ничто не бѣда. Я доволенъ
Тѣмъ, что́ имѣю: счастію радъ, а въ несчастьи не хмурюсь.»
Царь Квакунъ со вниманіемъ слушалъ Петра Долгохвоста.
«Гость дорогой, сказалъ онъ ему, признаюсь откровенно:
Столь разумныя рѣчи меня въ изумленье приводятъ.
Мудрость такая въ такія цвѣтущія лѣта! Мнѣ сладко
Слушать тебя: и пріятность, и польза! Теперь опиши мнѣ
То, что́ случалось когда съ мышинымъ вашимъ народомъ,
Что́ отъ враговъ вы терпѣли, и съ кѣмъ когда воевали?»
«Долженъ я прежде о томъ разсказать, какія намъ козни
Строитъ нашъ хитрый, двуногій злодѣй, Человѣкъ. Онъ ужасно
Жаденъ; онъ хочетъ всю землю заграбить одинъ, и съ Мышами

Въ вѣчной враждѣ. Не исчислить всѣхъ выдумокъ хитрыхъ, какими
Наше онъ племя избыть замышляетъ. Вотъ, напримѣръ, онъ
Домикъ затѣялъ построить; два входа, широкій и узкій;
Узкій задѣланъ рѣшеткой, широкій съ подъемною дверью.
Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ подполье.
Намъ же съ дуру на мысли взбрело, что, поладить
Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостинницу. Жирный
Кусъ ветчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ; вотъ цѣлый десятокъ
Смѣлыхъ охотниковъ вызвались въ домикъ забраться, безъ платы
Въ немъ отобѣдать и вѣрныя вѣсти принесть намъ.
Входятъ они, но только-что начали дружно висящій
Кусъ ветчины тормошить, какъ подъемная дверь съ превеликимъ
Стукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопнула. Тутъ поразило
Страшное зрѣлище насъ; увидѣли мы, какъ злодѣи
Нашихъ героевъ таскали за хвостъ и въ воду бросали.
Всѣ они пали жертвой любви къ ветчинѣ и отчизнѣ.
Было нѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ
Множество вкусныхъ для насъ пирожковъ, и расклалъ ихъ,
Словно какъ добрый, по всѣмъ закоулкамъ; народъ нашъ
Очень довѣрчивъ и вѣтренъ; мы лакомки: бросилась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Объ этомъ
Вспомнить, морозъ подираетъ по кожѣ! Открылся въ подпольѣ
Моръ: отравой злодѣй угостилъ насъ. Какъ будто шальные
Съ пиру пришли удальцы: глаза на выкатъ, разинувъ
Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью
Бѣгали съ пискомъ они, родныхъ, друзей и знакомыхъ
Болѣ не зная въ лице; наконецъ, утомясь, обезсилѣвъ,
Всѣ попадали мертвые лапками вверхъ; запустѣла

Цѣлая область отъ этой бѣды; отъ ужаснаго смрада
Труповъ ушли мы въ другое подполье, и край нашъ родимый
Надолго былъ обезмышенъ. Но главное бѣдствіе наше
Нынѣ въ томъ, что губитель двуногій крѣпко сдружился
Намъ ко вреду съ сибирскимъ котомъ, Ѳедотомъ Мурлыкой.
Кошачій родъ давно враждуетъ съ мышинымъ. Но этотъ
Хитрый Котище Ѳедотъ Мурлыка для насъ наказанье
Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился. Глупымъ мышенкомъ
Былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но мать царица Прасковья
Съ крысой Онуфріемъ крѣпко накрѣпко мнѣ запретили
Норку мою покидать; но я не послушался, въ щелку
Выглянулъ: вижу камнемъ выстланный дворъ; освѣщало
Солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились;
Птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.
Выдти не смѣя, смотрю я изъ щелки и вижу на дальнемъ
Краѣ двора звѣрокъ усастый, сизая шкурка,
Розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя уши,
Тихо сидитъ и за птичками смотритъ; а хвостикъ, какъ змѣйка,
Такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой
Началъ усатое рыльце себѣ умывать. Облилося
Радостью сердце мое, и я ужь сбирался покинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло
Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то
Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая,
Черныя ноги свои подымалъ онъ и когти кривые
Съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ

Длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый;
Подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ и какъ будто
Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись,
По носу бился, а сзади какіе-то длинные крючья,
Разнаго цвѣта, торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха
Въ память придти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода
Словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши
Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной
Треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню.
Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною,
Такъ и ахнулъ. Тебя помиловалъ Богъ, онъ сказалъ мнѣ;
Свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати
Крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый
Сторожъ—пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка;
Намъ же мышамъ онъ приноситъ и пользу: когда закричитъ онъ,
Знаемъ мы всѣ, что проснулися наши враги; а пріятель,
Такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей,
Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало
Котъ Мурлыка: хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знакомствомъ
Къ этому плуту подъѣхалъ: тебя бъ онъ порядкомъ погладилъ
Бархатной лапкой своею: будь же впередъ осторожень.
Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ;
Каждый день отъ него у насъ недочетъ. Разскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнесся въ подпольѣ
Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье;
Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска —

Словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый
Съ радости такъ напился, что подрался съ царицей, и въ дракѣ
Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно.
Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ,
Вздумали мы кота погребать, и надгробное слово
Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный
Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ; такое прозванье
Дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ
Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ какъ маятникъ стукалъ.
Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и вправду
Котъ Мурлыка въ ветчиннѣ виситъ на бревнѣ, и повѣшенъ
За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка
Вытянутъ весь; и спина, и хвостъ, и переднія лапы
Словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ не моргая.
Всѣ запищали мы хоромъ: повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ
Котъ окаянный; довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ
Нынче и мы. И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобралися
Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать, но лапы
Сами держались, когтями вцѣпившись въ бревно, а веревки
Не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикоснулись
Наши ребята, какъ вдругъ распустилися когти, и на полъ
Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжались
Въ страхѣ, и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышетъ,
Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ да и только.
Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу
Начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу
Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ подразнитъ
Сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе,

Тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ.
Котъ ни съ мѣста, какъ пень. Берегитесь, тогда намъ сказала
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ, и на силу
Какъ-то она отъ него уплела), берегитесь: Мурлыка
Старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это
Знакъ недобрый; и шкурка цѣла у него. То услыша,
Громко мы всѣ засмѣялись. Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать,
Мышь Степанида сказала опять, а я не товарищъ
Вамъ. И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася
Съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные,
Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поуставши,
Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его, и поэтъ нашъ
Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ, на Мурлыкино пузо
Взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово,
Мы же при каждомъ стихѣ хохотать; и вотъ что прочелъ онъ:
«Жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка, котъ Сибирскій,
«Ростъ богатырскій, сизая шкурка, усы какъ у Турка;
«Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ,
«Радуйся наше подполье!»... Но только успѣлъ проповѣдникъ
Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся.
Мы бѣжать... Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцать изъ насъ осталось на мѣстѣ, а раненыхъ втрое
Болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ,
Тотъ безъ уха, другой съ отъѣденной мордой; иному
Хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались какъ тряпки; царицу Прасковью
Чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки;

Царь Иринарій спасся съ рубцемъ на носу; но премудрый
Крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою».

. . . .

1831 г.

СКАЗКА

О ЦАРѢ БЕРЕНДЕѢ, О СЫНѢ ЕГО ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ, О ХИТРОСТЯХЪ КОЩЕЯ БЕЗСМЕРТНАГО, И О ПРЕМУДРОСТИ МАРЬИ ЦАРЕВНЫ, КОЩЕЕВОЙ ДОЧЕРИ.

Жилъ былъ царь Берендей, *до колѣнъ борода.* Ужъ три года
Былъ онъ женатъ, и жилъ въ согласьи съ женою; но все имъ
Богъ дѣтей не давалъ, и было царю то прискорбно.
Нужда случилась царю осмотрѣть свое государство;
Онъ простился съ царицей, и восемь мѣсяцевъ ровно
Пробылъ въ отлучкѣ. Девятый былъ мѣсяцъ въ исходѣ, когда онъ,
Къ царской столицѣ своей подъѣзжая, на полѣ чистомъ
Въ знойный день отдохнуть разсудилъ; разбили палатку;
Душно стало царю подъ палаткой, и смерть захотѣлось
Выпить студеной воды. Но поле было безводно...
Какъ быть, что̀ дѣлать? А плохо приходитъ; вотъ онъ рѣшился
Самъ объѣхать все поле: авось попадется на счастье
Гдѣ-нибудь ключъ. Поѣхалъ и видитъ колодезь. Поспѣшно
Спрянувъ съ коня, заглянулъ онъ въ него: онъ полонъ водою
Вплоть до самыхъ краевъ; золотой на поверхности ковшикъ
Плаваетъ. Царь Берендей поспѣшно за ковшикъ—не тутъ-то

Было; ковшикъ прочь отъ руки. За янтарную ручку
Царь съ нетерпѣньемъ, то правой рукою, то лѣвой хватаетъ
Ковшикъ; но ручка, проворно виляя и вправо и влѣво,
Только-что дразнитъ царя, и никакъ не дается.
Что́ за причина? Вотъ онъ, выждавши время, чтобъ ковшикъ
Сталъ на мѣсто, хвать его разомъ справа и слѣва —
Какъ бы не такъ! Изъ рукъ ускользнувши, какъ рыбка,
нырнулъ онъ
Прямо на дно колодца, и снова потомъ на поверхность
Выплылъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Постой же!
(подумалъ
Царь Берендей) я напьюсь безъ тебя, и, недолго сбираясь,
Жадно прильнулъ онъ губами къ водѣ, и струю ключевую
Началъ тянуть, не заботясь о томъ, что въ водѣ утонула
Вся его борода. Напившися вдоволь, поднять онъ
Голову хочетъ... анъ нѣтъ, погоди! не пускаютъ; и кто-то
Царскую бороду держитъ. Упершись въ ограду колодца,
Силится онъ оторваться, трясетъ, вертитъ головою —
Держатъ его да и только. «Кто тамъ? пустите!» кричитъ онъ.
Нѣтъ отвѣта; лишь страшная смотритъ со дна образина:
Два огромные глаза горятъ, какъ два изумруда;
Ротъ разинутый чуднымъ смѣхомъ смѣется; два ряда
Крупныхъ жемчужинъ свѣтятся въ немъ, и языкъ, межъ зубами
Выставясь, дразнитъ царя; а въ бороду впутались крѣпко
Вмѣсто пальцевъ клешни. И вотъ наконецъ сиповатый
Голосъ сказалъ изъ воды: «не трудися, царь, понапрасну;
Я тебя не пущу. Если же хочешь на волю,
Дай мнѣ то, что́ есть у тебя, и чего ты не знаешь».

Царь подумалъ: чего-жъ я не знаю? Я, кажется, знаю
Все! И онъ отвѣчалъ образинѣ: изволь, я согласенъ.
«Ладно!» опять сиповатый послышался голосъ, «смотри же,
Слово сдержи, чтобъ себѣ не нажить ни попрёка, ни худа».
Съ этимъ словомъ исчезли клешни; образина пропала.
Честную выручивъ бороду, царь отряхнулся какъ гоголь,
Всѣхъ придворныхъ обрызгалъ, и всѣ царю поклонились.
Сѣвъ на коня, онъ поѣхалъ; и долго ли, мало ли ѣхалъ,
Только ужъ вотъ онъ близко столицы; на встрѣчу толпами
Сыплетъ народъ, и пушки палятъ, и на всѣхъ колокольняхъ
Звонъ. И царь подъѣзжаетъ къ своимъ златоверхимъ палатамъ—
Тамъ царица стоитъ на крыльцѣ и ждетъ, и съ царицей
Рядомъ первый министръ: на рукахъ онъ своихъ парчевую
Держитъ подушку; на ней же младенецъ, прекрасный, какъ свѣтлый
Мѣсяцъ, въ пеленкахъ копышется. Царь догадался и ахнулъ.
«Вотъ оно то, чего я не зналъ! Уморилъ ты, проклятый
Демонъ, меня»! Такъ онъ подумалъ и горько, горько заплакалъ.
Всѣ удивились, но слова никто не промолвилъ. Младенца
На руки взявши, царь Берендей любовался имъ долго,
Самъ его взнесъ на крыльцо, положилъ въ колыбельку, и, горе
Скрывъ про себя, по-прежнему царствовать началъ. О тайнѣ
Царской никто не узналъ; но всѣ примѣчали, что крѣпко
Царь былъ печаленъ — онъ все дожидался: вотъ придутъ за сыномъ.
Днемъ онъ покоя не зналъ, и сна не вѣдалъ онъ ночью.
Время однако текло, а никто не являлся. Царевичъ

Росъ не по днямъ — по часамъ; и сдѣлался чудо-красавецъ.
Вотъ наконецъ и царь Берендей о томъ, что́ случилось,
Вовсе забылъ... но другіе не такъ забывчивы были.
Разъ царевичъ, охотой въ лѣсу забавляясь, въ густую
Чащу заѣхалъ одинъ. Онъ смотритъ: все дико; поляна;
Черныя сосны кругомъ; на полянѣ дуплистая липа.
Вдругъ зашумѣло въ дуплѣ; онъ глядитъ: вылѣзаетъ оттуда
Чудный какой-то старикъ, съ бородою зеленой, глазами
Также зелеными. «Здравствуй, Иванъ царевичъ», сказалъ онъ,
«Долго тебя дожидалися мы, пора бы насъ вспомнить».
Кто ты? царевичъ спросилъ.—«Объ этомъ послѣ; теперь же
Вотъ что̀ ты сдѣлай: отцу своему, царю Берендею,
Мой поклонъ отнеси, да скажи отъ меня: не пора ли,
Царь Берендей, должокъ заплатить? Ужъ давно миновалось
Время. Онъ самъ остальное пойметъ. До свиданья.»—И съ этимъ
Словомъ исчезъ бородатый старикъ. Иванъ же царевичъ
Въ крѣпкой думѣ поѣхалъ обратно изъ темнаго лѣса.
Вотъ онъ къ отцу своему, царю Берендею, приходитъ.
«Батюшка царь-государь», говоритъ онъ: «со мною случилось
Чудо». И онъ разсказалъ о томъ, что́ видѣлъ и слышалъ.
Царь Берендей поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ: «Бѣда, мой сердечный
Другъ, Иванъ царевичъ!» воскликнулъ онъ, горько заплакавъ.
«Видно, пришло намъ разстаться!...» И страшную тайну о данной
Клятвѣ сыну открылъ онъ. «Не плачь, не крушися, родитель»,
Такъ отвѣчалъ Иванъ царевичъ: «бѣда не велика.
Дай мнѣ коня; я поѣду; а ты меня дожидайся;
Тайну держи про себя, чтобъ о ней здѣсь никто не провѣдалъ,

Даже сама государыня-матушка. Если-жъ назадъ я
Къ вамъ по прошествіи цѣлаго года не буду, тогда ужъ
Знайте, что нѣтъ на свѣтѣ меня.» Снарядили, какъ должно,
Въ путь Ивана царевича. Далъ ему царь золотыя
Латы, мечъ и коня вороного; царица съ мощами
Крестъ на шею надѣла ему; отпѣли молебенъ;
Нѣжно потомъ обнялися, поплакали... Съ Богомъ! Поѣхалъ
Въ путь Иванъ царевичъ. Что-то съ нимъ будетъ? Ужъ ѣдетъ
День онъ, другой и третій; въ исходѣ четвертаго — солнце
Только успѣло зайти — подъѣзжаетъ онъ къ озеру; гладко
Озеро то, какъ стекло: вода наравнѣ съ берегами:
Все въ окрестности пусто; румянымъ вечернимъ сіяньемъ
Воды покрытыя гаснутъ, и въ нихъ отразился зеленый
Берегъ и частый тростникъ—и все какъ будто бы дремлетъ;
Воздухъ не вѣетъ; тростинка не тронется; шороха въ струйкахъ
Свѣтлыхъ не слышно. Иванъ царевичъ смотритъ, и что́ же
Видитъ онъ? Тридцать хохлатыхъ, сѣренькихъ уточекъ подлѣ
Берега плаваютъ; рядомъ тридцать бѣлыхъ сорочекъ
Подлѣ воды на травкѣ лежатъ. Осторожно поодаль
Слѣзъ Иванъ царевичъ съ коня; высокой травою
Скрытый, подползъ, и одну изъ бѣлыхъ сорочекъ тихонько
Взялъ; потомъ угнѣздился въ кустѣ дожидаться, что́ будетъ.
Уточки плаваютъ, плещутся въ струйкахъ, играютъ, ныряютъ...
Вотъ наконецъ, поигравъ, понырявъ, поплескавшись, подплыли
Къ берегу; двадцать девять изъ нихъ, побѣжавъ съ перевалкой
Къ бѣлымъ сорочкамъ, о́земь ударились, всѣ обратились
Въ красныхъ дѣвицъ, нарядились, порхнули и разомъ исчезли.
Только тридцатая уточка, на берегъ выдти не смѣя,

Взадъ и впередъ одна одинешенька съ жалобнымъ крикомъ
Около берега бьется; съ робостью вытянувъ шейку,
Смотритъ туда и сюда, то вспорхнетъ, то снова присядетъ...
Жалко стало Ивану царевичу. Вотъ онъ выходитъ
Къ ней изъ-за кустика; глядь, а она ему человѣчьимъ
Голосомъ вслухъ говоритъ: «Иванъ царевичъ, отдай мнѣ
Платье мое, я сама тебѣ пригожуся». Онъ съ нею
Спорить не сталъ, положилъ на травку сорочку, и скромно
Прочь отошедши, сталъ за кустомъ. Вспорхнула на травку
Уточка. Что́ же вдругъ видитъ Иванъ царевичъ? Дѣвица
Въ бѣлой одеждѣ стоитъ передъ нимъ, молода и прекрасна
Такъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать, и, краснѣя,
Руку ему подаетъ, и, потупивъ стыдливыя очи,
Голосомъ звонкимъ, какъ струны, ему говоритъ: «благодарствуй,
Добрый Иванъ царевичъ, за то, что меня ты послушалъ;
Тѣмъ ты себѣ самому услужилъ, но и мною доволенъ
Будешь: я дочь Кощея безсмертнаго, Марья царевна;
Тридцать насъ у него дочерей молодыхъ. Подземельнымъ
Царствомъ владѣетъ Кощей. Онъ давно ужъ тебя поджидаетъ
Въ гости, и очень сердитъ; но ты не пекись, не заботься,
Сдѣлай лишь то, что я тебѣ присовѣтую. Слушай;
Только завидишь Кощея царя, упади на колѣни,
Прямо къ нему поползи; затопаетъ онъ — не пугайся;
Станетъ ругаться — не слушай; ползи да и только: что́ послѣ
Будетъ, увидишь; теперь пора намъ. — И Марья царевна
Въ землю ударила маленькой ножкой своей; разступилась
Тотчасъ земля, и они вмѣстѣ въ подземное царство спустились.
Видятъ дворецъ Кощея безсмертнаго; высѣченъ былъ онъ

Весь изъ карбункула камня, и ярче небеснаго солнца
Все подъ землей освѣщалъ. Иванъ царевичъ отважно
Входитъ: Кощей сидитъ на престолѣ въ свѣтлой коронѣ;
Блещутъ глаза какъ два изумруда; руки съ клешнями.
Только завидѣлъ его вдалекѣ, тотчасъ на колѣни
Сталъ Иванъ царевичъ. Кощей же затопалъ: сверкнуло
Страшно въ зеленыхъ глазахъ, и такъ закричалъ онъ, что своды
Царства подземнаго дрогнули. Слово Марьи царевны
Вспомня, поползъ на корачкахъ Иванъ царевичъ къ престолу;
Царь шумитъ, а царевичъ ползетъ да ползетъ. Напослѣдокъ
Стало царю и смѣшно: «добро ты, проказникъ», сказалъ онъ,
«Если тебѣ удалося меня разсмѣшить, то съ тобою
Ссоры теперь заводить я не стану. Милости просимъ
Къ намъ въ подземельное царство; но знай, за твое ослушанье
Долженъ ты намъ отслужить три службы; сочтемся мы завтра;
Нынѣ ужъ поздно; поди». Тутъ два придворныхъ проворно
Подъ руки взяли Ивана царевича очень учтиво,
Съ нимъ пошли въ покой, отведенный ему; отворили
Дверь, поклонились царевичу въ поясъ, ушли, и остался
Тамъ онъ одинъ. Беззаботно онъ легъ на постелю, и скоро
Сномъ глубокимъ заснулъ. На другой день рано по утру
Царь Кощей къ себѣ Ивана царевича кликнулъ:
«Ну, Иванъ царевичъ», сказалъ онъ, «теперь мы посмотримъ,
Что-то искусенъ ты дѣлать? Изволь, напримѣръ, намъ построить
Нынѣшней ночью дворецъ: чтобъ кровля была золотая,
Стѣны изъ мрамора, окна хрустальныя, вкругъ регулярный
Садъ, и въ саду пруды съ карасями. Если построишь
Этотъ дворецъ, то нашу царскую милость заслужишь;

Если же нѣтъ, то прошу не пенять..... головы не удержишь!»—
Ахъ ты, Кощей окаянный, Иванъ царевичъ подумалъ,
Вотъ что́ затѣялъ, смотри пожалуй! Съ тяжелой кручиной
Онъ возвратился къ себѣ, и сидитъ пригорюнясь; ужъ вечеръ;
Вотъ блестящая пчелка къ его подлетѣла окошку,
Бьется объ стекла—и слышитъ онъ голосъ: впусти! Отворилъ онъ
Дверку окошка, пчелка влетѣла и вдругъ обернулась
Марьей царевной.—Здравствуй, Иванъ царевичъ; о чемъ ты
Такъ призадумался?—«Нехотя будешь задумчивъ», сказалъ онъ,
«Батюшка твой до моей головы добирается».—Что́ же
Сдѣлать рѣшился ты?—«Что? Ничего. Пускай его сниметъ
Голову; двухъ смертей не видать, одной не минуешь».—
Нѣтъ, мой милый Иванъ царевичъ, не должно терять намъ
Бодрости. То ли бѣда? Бѣда впереди; не печалься;
Утро вечера, знаешь ты самъ, мудренѣе: ложися
Спать, а завтра поранѣе встань: ужъ дворецъ твой построенъ
Будетъ; ты жъ только ходи съ молоткомъ, да постукивай въ стѣну.
Такъ все и сдѣлалось. Утромъ ни свѣтъ, ни заря, изъ каморки
Вышелъ Иванъ царевичъ... глядитъ, а дворецъ ужъ построенъ,
Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей изумился;
Вѣрить не хочетъ глазамъ. «Да ты хитрецъ не нашутку»,
Такъ онъ сказалъ Ивану царевичу: «вижу, ты ловокъ
На руку; вотъ мы посмотримъ, также ли будешь догадливъ?
Тридцать есть у меня дочерей, прекрасныхъ царевенъ.
Завтра я всѣхъ ихъ рядомъ поставлю, и долженъ ты будешь
Три раза мимо пройти, и въ третій мнѣ разъ безъ ошибки
Младшую дочь мою, Марью царевну, узнать; не узнаешь —
Съ плечъ голова! Поди». Ужъ выдумалъ, чучела, мудрость,

Думалъ Иванъ царевичъ, сидя́ подъ окномъ. Не узнать мнѣ
Марью царевну... какая-жъ тутъ трудность?—А трудность такая
Молвила Марья царевна, пчелкой влетѣвши, что если
Я не вступлюся, то быть бѣдѣ неминуемой. Всѣхъ насъ
Тридцать сестеръ, и всѣ на одно мы лицо; и такое
Сходство межъ нами, что самъ отецъ нашъ только по платью
Можетъ насъ различать.—«Ну что же мнѣ дѣлать»?—А вотъ что
Буду я та, у которой на правой щекѣ ты замѣтишь
Мошку. Смотри же, будь остороженъ, вглядись хорошенько,
Сдѣлать ошибку легко. До свиданья.—И пчелка исчезла.
Вотъ на другой день опять Ивана царевича кличетъ
Царь Кощей. Царевны ужъ тутъ, и всѣ въ одинакомъ
Платьѣ рядомъ стоятъ, потупивъ глаза. «Ну, искусникъ»,
Молвилъ Кощей: «изволь-ка пройтиться три раза мимо
Этихъ красавицъ, да въ третій разъ потрудись указать намъ
Марью царевну». Пошелъ Иванъ царевичъ; глядитъ онъ
Въ оба глаза; ужъ подлинно сходство! И вотъ онъ проходитъ
Въ первый разъ—мошки нѣтъ; проходитъ въ другой разъ—
все мошки
Нѣтъ; проходитъ въ третій, и видитъ—крадется мошка,
Чуть замѣтно, по свѣжей щекѣ, а щека-то подъ нею
Такъ и горитъ; загорѣлось и въ немъ, и съ трепещущимъ сердцемъ:
«Вотъ она, Марья царевна!» сказалъ онъ Кощею, подавши
Руку красавицѣ съ мошкой.—Э! Э! да тутъ, примѣчаю,
Что-то нечисто, Кощей проворчалъ на царевича съ сердцемъ
Выпучивъ оба зеленые глаза. Правда, узналъ ты
Марью царевну: но какъ узналъ? Вотъ тутъ-то и хитрость;
Вѣрно съ грѣхомъ пополамъ. Погоди же, теперь доберуся

Я до тебя. Часа черезъ три ты опять къ намъ пожалуй;
Рады мы гостю, а ты намъ свою премудрость на дѣлѣ
Здѣсь покажи: зажгу я соломенку; ты же, покуда
Будетъ горѣть та соломенка, здѣсь, не трогаясь съ мѣста,
Сшей мнѣ пару сапогъ съ оторочкой; не диво; да только
Знай напередъ: не́ сошьешь—долой голова; до свиданья.—
Золъ возвратился къ себѣ Иванъ царевичъ, а пчелка
Марья царевна ужъ тамъ.—Отъ чего опять такъ задумчивъ,
Милый Иванъ царевичъ? спросила она. — «По неволѣ
Будешь задумчивъ», онъ ей отвѣчалъ. «Отецъ твой затѣялъ
Новую шутку: шей я ему сапоги съ оторочкой;
Развѣ какой я сапожникъ? Я царскій сынъ; я не хуже
Родомъ его. Кощей онъ безсмертный! видали мы много
Этихъ безсмертныхъ».—Иванъ царевичъ, да что же ты будешь
Дѣлать?—«Что́ мнѣ тутъ дѣлать? Шить сапоговъ я не стану.
Сниметъ онъ голову—чортъ съ нимъ, съ собакой! какая мнѣ нужда?»
— Нѣтъ, мой милый, вѣдь мы теперь женихъ и невѣста;
Я постараюсь избавить тебя; мы вмѣстѣ спасемся,
Или вмѣстѣ погибнемъ. Намъ должно бѣжать: ужъ другого
Способа нѣтъ.—Такъ сказавъ, на окошко Марья царевна
Плюнула; слюнки въ минуту примерзли къ стеклу; изъ каморки
Вышла она потомъ съ Иваномъ царевичемъ вмѣстѣ,
Двери ключомъ заперла, и ключъ далеко зашвырнула.
За руки взявшись потомъ, они поднялися, и мигомъ
Тамъ очутились, откуда сошли въ подземельное царство:
То же озеро, низкій берегъ, муравчатый, свѣжій
Лугъ, и видятъ: по лугу свѣжему бодро гуляетъ

Конь Ивана царевича. Только почуялъ могучій
Конь сѣдока своего, какъ заржалъ, заплясалъ и помчался
Прямо къ нему, и, примчавшись, какъ вкопанный въ землю,
Сталъ передъ нимъ. Иванъ царевичъ, не думая долго,
Сѣлъ на коня, царевна за нимъ, и пустились стрѣлою.
Царь Кощей въ назначенный часъ посылаетъ придворныхъ
Слугъ доложить Ивану царевичу, что́-де такъ долго
Мѣшкать изволите? Царь дожидается.—Слуги приходятъ:
Заперты двери. Стукъ! стукъ! И вотъ изъ-за двери имъ слюнки,
Словно какъ самъ Иванъ царевичъ, отвѣтствуютъ: *буду*.
Этотъ отвѣтъ придворные слуги относятъ къ Кощею;
Ждать-подождать, царевичъ нейдетъ; посылаетъ въ другой разъ
Тѣхъ-же пословъ разсерженный Кощей, и та же все пѣсня:
Буду; а нѣтъ никого. — Взбѣсился Кощей. «Насмѣха́ться
Что ли онъ вздумалъ? Бѣгите же; дверь разломать и въ минуту
За воротъ къ намъ притащить неучтивца!»—Бросились слуги....
Двери разломаны..... вотъ тебѣ разъ: никого тамъ, а слюнки
Такъ и хохочутъ. Кощей едва отъ злости не лопнулъ.
«Ахъ! онъ воръ окаянный! люди! люди! скорѣе
Всѣ въ погоню за нимъ!.... я всѣхъ перевѣшаю, если
Онъ убѣжитъ!».. Помчалась погоня..... «Мнѣ слышится топотъ,»
Шепчетъ Ивану царевичу Марья царевна, прижавшись
Жаркою грудью къ нему. Онъ слѣзаетъ съ коня, и припавши
Ухомъ къ землѣ, говоритъ ей: скачутъ и близко.—Такъ медлить
Нечего,—Марья царевна сказала, и въ ту же минуту
Сдѣлалась рѣчкой сама, Иванъ царевичъ желѣзнымъ
Мостикомъ, чернымъ ворономъ конь, а большая дорога
На три дороги разбилась за мостикомъ. Быстро погоня

Скачетъ по свѣжему слѣду; но къ рѣчкѣ примчавшися, стали
Въ пень Кощеевы слуги; слѣдъ до мостика видѣнъ;
Далѣ-жъ и слѣдъ пропадаетъ, и дѣлится на три дороги.
Нечего дѣлать, назадъ! Воротились разумники. Страшно
Царь Кощей разозлился, объ ихъ неудачѣ услышавъ.
«Черти! вѣдь мостикъ и рѣчка были они! догадаться
Можно бы вамъ, дуралеямъ! Назадъ! чтобъ былъ непремѣнно
Здѣсь онъ»!.. Опять помчалась погоня... «Мнѣ слышится топотъ,»
Шепчетъ опять Ивану царевичу Марья царевна.
Слѣзъ онъ съ сѣдла, и, припавши ухомъ къ землѣ, говоритъ ей:
Скачутъ и близко.—И въ ту же минуту Марья царевна
Вмѣстѣ съ Иваномъ царевичемъ, съ ними и конь ихъ, дремучимъ
Сдѣлались лѣсомъ; въ лѣсу томъ дорожекъ, тропинокъ числа нѣтъ;
По лѣсу-жъ, кажется, конь съ двумя сѣдоками несется.
Вотъ по свѣжему слѣду гонцы примчалися къ лѣсу;
Видятъ въ лѣсу скакуновъ, и пустились въ догонку за ними.
Лѣсъ же раскинулся вплоть до входа въ Кощеево царство.
Мчатся гонцы, а конь передъ ними скачетъ, да скачетъ;
Кажется, близко; ну только-бъ схватить; анъ нѣтъ, не дается;
Глядь! очутились они у входа въ Кощеево царство,
Въ самомъ томъ мѣстѣ, откуда пустились въ погоню; и скрылось
Все: ни коня, ни дремучаго лѣсу. Съ пустыми руками
Снова явились къ Кощею они. Какъ цѣпная собака,
Началъ метаться Кощей.—«Вотъ я-жъ его плута! коня мнѣ!
Самъ поѣду, увидимъ мы, какъ отъ меня отвертится!»
Снова Ивану царевичу Марья царевна тихонько
Шепчетъ: «мнѣ слышится топотъ»; и снова онъ ей отвѣчаетъ:
Скачутъ и близко.—Бѣда намъ! вѣдь это Кощей, мой родитель,

Самъ; но у первой церкви граница его государства;
Далѣе-жъ церкви скакать онъ никакъ не посмѣетъ. Подай мнѣ
Крестъ твой съ мощами.—Послушавшись Марьи царевны, снимаетъ
Съ шеи своей крестъ золотой Иванъ царевичъ, и въ руки
Ей подаетъ, и въ минуту она обратилася въ церковь,
Онъ въ монаха, а конь въ колокольню,—и въ ту же минуту
Съ свитою къ церкви Кощей прискакалъ.—Не видалъ ли проѣзжихъ,
Старецъ честной? онъ спросилъ у монаха. «Сей часъ проѣзжали
Здѣсь Иванъ царевичъ съ Марьей царевной; входили
Въ церковь они—святымъ помолились, да мнѣ приказали
Свѣчку поставить за здравье твое и тебѣ поклониться,
Если ко мнѣ ты заѣдешь».—Чтобъ шею сломить имъ проклятымъ!
Крикнулъ Кощей, и, коня повернувъ, какъ безумный, помчался
Съ свитой назадъ, а примчавшись домой, пересѣкъ безпощадно
Всѣхъ до единаго слугъ. Иванъ же царевичъ съ своею
Марьей царевной поѣхали далѣ, уже не боясь
Болѣ погони. Вотъ они ѣдутъ шажкомъ; ужъ склонялось
Солнце къ закату, и вдругъ въ вечернихъ лучахъ передъ ними
Городъ прекрасный. Ивану царевичу смерть захотѣлось
Въ этотъ городъ заѣхать. Иванъ царевичъ, сказала
Марья царевна, не ѣзди; не даромъ вѣщее сердце
Ноетъ во мнѣ: бѣда приключится.—«Чего ты боишься,
Марья царевна? Заѣдемъ туда на минуту; посмотримъ
Городъ, потомъ и назадъ.»—Заѣхать нетрудно; да трудно
Выѣхать будетъ. Но быть такъ! ступай, а я здѣсь останусь
Бѣлымъ камнемъ лежать у дороги; смотри же, мой милый,

Будь остороженъ: царь и царица и дочь ихъ царевна
Выдутъ на встрѣчу тебѣ, и съ ними прекрасный младенецъ
Будетъ; младенца того не цѣлуй: поцѣлуешь, забудешь
Тотчасъ меня; тогда и я не останусь на свѣтѣ,
Съ горя умру, и умру отъ тебя. Вотъ здѣсь у дороги
Буду тебя дожидаться я три дни; когда же на третій
День не придешь... но прости, поѣзжай.—И въ городъ поѣхалъ,
Съ нею простяся, Иванъ царевичъ одинъ. У дороги
Бѣлымъ камнемъ осталася Марья царевна. Проходитъ
День, проходитъ другой, напослѣдокъ проходитъ и третій—
Нѣтъ Ивана царевича. Бѣдная Марья царевна!
Онъ не исполнилъ ея наставленья: въ городѣ вышли
Встрѣтить его и царь, и царица, и дочь ихъ царевна;
Выбѣжалъ съ ними прекрасный младенецъ, мальчикъ-кудряшка,
Живчикъ, глазенки какъ ясныя звѣзды; и бросился прямо
Въ руки Ивану царевичу; онъ же его красотою
Такъ былъ плѣненъ, что, умъ потерявши, въ горячія щеки
Началъ его цѣловать; и въ эту минуту затмилась
Память его, и онъ позабылъ о Марьѣ царевнѣ.
Горе взяло ее. «Ты покинулъ меня, такъ и жить мнѣ
Не зачѣмъ болѣ». И въ то же мгновенье изъ бѣлаго камня
Марья царевна въ лазоревый цвѣтъ полевой превратилась.
Здѣсь у дороги останусь, авось мимоходомъ затопчетъ
Кто-нибудь въ землю меня, сказала она, и росинки
Слезъ на листкахъ голубыхъ заблистали. Дорогой въ то время
Шелъ старикъ; онъ цвѣтокъ голубой у дороги увидѣлъ;
Нѣжной его красотою плѣнясь, осторожно онъ вырылъ
Съ корнемъ его, и въ избушку свою перенесъ, и въ корытце

Тамъ посадилъ, и полилъ водой, и за милымъ цвѣточкомъ
Началъ ухаживать. Чтó же случилось? Съ той самой минуты
Все не по-старому стало въ избушкѣ; чудесное что-то
Начало дѣяться въ ней; проснется старикъ—а въ избушкѣ
Все ужъ, какъ надобно, прибрано. Нѣтъ нигдѣ ни пылинки,
Въ полдень придетъ онъ домой—а обѣдъ ужъ состряпанъ, и чистой
Скатертью столъ ужъ накрытъ: садися, и ѣшь на здоровье;
Онъ дивился, не зналъ, чтò подумать; ему напослѣдокъ
Стало и страшно, и онъ у одной ворожейки старушки
Началъ совѣта просить, чтó дѣлать. А вотъ чтó ты сдѣлай,
Такъ отвѣчала ему ворожейка: встань ты до первой
Ранней зари, пока пѣтухи не пропѣли, и въ оба
Глаза гляди: чтó начнетъ въ избушкѣ твоей шевелиться,
То ты вотъ этимъ платкомъ и накрой. Чтó будетъ, увидишь.
Цѣлую ночь напролетъ старикъ пролежалъ на постелѣ,
Глазъ не смыкая. Заря занялася, и стало въ избушкѣ
Видно, и видитъ онъ вдругъ, что цвѣтокъ голубой встрепенулся,
Съ тонкаго стебля спорхнулъ, и началъ летать по избушкѣ.
Все между тѣмъ по мѣстамъ становилось, повсюду сметалась
Пыль, и огонь разгорался въ печуркѣ. Проворно съ постели
Прянулъ старикъ, и накрылъ цвѣточекъ платкомъ, и явилась
Вдругъ предъ глазами его красавица Марья царевна.
—Чтó ты сдѣлалъ? сказала она: зачѣмъ возвратилъ ты
Жизнь мнѣ мою? Женихъ мой, Иванъ царевичъ прекрасный,
Бросилъ меня, и я имъ забыта.—«Иванъ твой царевичъ
Женится нынче. Ужъ свадебный пиръ приготовленъ, и гости
Съѣхались всѣ».—Заплакала горько Марья царевна;

Слезы потомъ отерла: потомъ, въ сарафанъ нарядившись,
Въ городъ крестьянкой пошла. Приходитъ на царскую кухню;
Бѣгаютъ тамъ повара въ колпакахъ и фартукахъ бѣлыхъ;
Шумъ, возня, стукотня. Вотъ Марья царевна, приближась
Къ старшему повару, съ видомъ умильнымъ, и сладкимъ, какъ флейта,
Голосомъ молвила: поваръ, голубчикъ, послушай, позволь мнѣ
Свадебный спечь пирогъ для Ивана царевича.—Поваръ,
Занятый дѣломъ, съ досады хотѣлъ отгрызнуться; но слово
Замерло вдругъ у него на губахъ, когда онъ увидѣлъ
Марью царевну; и ей отвѣчалъ онъ съ привѣтливымъ взглядомъ:
«Въ добрый часъ, дѣвица красавица; все, что́ угодно,
Дѣлай; Ивану царевичу самъ поднесу я пирогъ твой.»
Вотъ пирогъ испеченъ; а званые гости, какъ должно,
Всѣ ужъ сидятъ за столомъ и пируютъ. Услужливый поваръ
Важно огромный пирогъ на узорномъ серебряномъ блюдѣ
Ставитъ на столъ передъ самымъ Иваномъ царевичемъ; гости
Всѣ удивились, увидя пирогъ. Но лишь только верхушку
Срѣзалъ съ него Иванъ царевичъ—новое чудо!
Сизый голубь съ бѣлой голубкой порхнули оттуда.
Голубь по столу ходитъ; голубка за нимъ, и воркуетъ:
«Голубь, мой голубь, постой, не бѣги; обо мнѣ ты забудешь
Такъ, какъ Иванъ царевичъ забылъ о Марьѣ царевнѣ!»
Ахнулъ Иванъ царевичъ, то слово голубки услышавъ.
Онъ вскочилъ, какъ безумный, и кинулся въ дверь, а за дверью
Марья царевна стоитъ ужъ и ждетъ. У крыльца же
Конь вороной съ нетерпѣнья, осѣдланный, взнузданный, пляшетъ.
Нечего медлить; поѣхалъ Иванъ царевичъ съ своею

15*

Марьей царевной; ѣдутъ, да ѣдутъ, и вотъ пріѣзжаютъ
Въ царство царя Берендея они. И царь, и царица
Приняли ихъ съ весельемъ такимъ, что такого веселья
Видомъ не видано, слыхомъ не слыхано. Долго не стали
Думать, честнымъ пиркомъ, да за свадебку; съѣхались гости,
Свадьбу сыграли; я тамъ былъ, тамъ медъ я и пиво
Пилъ; по усамъ текло, да въ ротъ не попало. И все тутъ.

1831 г.

РУССКАЯ СЛАВА.

ОТРЫВОКЪ.

Святая Русь, славянъ могучій родъ,
Сколь велика, сильна твоя держава!
Какимъ путемъ пробился твой народъ!
Въ какихъ бояхъ твоя созрѣла слава!
Призвалъ варяга славянинъ;
Пошли гулять ихъ буйны рати;
Кругомъ руля полночныхъ братій
Взревѣлъ испуганный Эвксинъ......
Но вышелъ Святославовъ сынъ,
И поднялъ знамя благодати.

Была пора: губительный раздоръ
Вездѣ леталъ съ хоругвію кровавой;
За нимъ во слѣдъ бѣжали гладъ и моръ;
Разбой, грабежъ и мщенье были славой;
Отъ русскихъ—русскихъ кровь текла;
Губилъ половчанинъ безъ страха;

Лежали грады кучей праха,
И Русь бѣдою поросла......
Но Русь въ бѣдѣ крѣпка была
Душой великой Мономаха.

Была пора: татаринъ злой шагнулъ
Черезъ рубежъ хранительныя Волги;
Погибло все; народъ, терпя, согнулъ
Главу подъ стыдъ мучительный и долгій!
Безчестнымъ Русь давя ярмомъ,
Баскакъ носился въ край изъ края;
Катилась въ прахъ глава святая
Князей подъ ханскимъ топоромъ....
Но встала Русь передъ врагомъ,
И битва грянула Донская!

Была пора: коварный, вражій ляхъ
На русскій тронъ накликалъ самозванца;
Заграбилъ все; и Русь, въ его цѣпяхъ,
Въ цари позвать дерзнула чужестранца;
Зачахла русская земля;
Ей ляхъ напомнилъ плѣнъ татарскій;
И брошенъ былъ вѣнецъ нашъ царскій
Къ ногамъ презрѣннымъ короля......
Но крикнулъ Мининъ, и съ Кремля
Ихъ опрокинулъ князь Пожарскій.

Была пора: привелъ къ намъ рати шведъ;
Предъ горстью ихъ бѣжали мы толпами;
Жестка далась наука намъ побѣдъ;
Купили ихъ мы нашими костями;
То трудная была пора:
Пришлецъ и бунтовщикъ лукавый
Хвалились вырвать знамя славы
Изъ рукъ могучаго Петра......
Но дало русское ура
Отвѣтъ имъ съ пушками Полтавы.

Была пора: Екатерининъ вѣкъ.
Въ немъ ожила вся древней Руси слава,
Тѣ дни, когда громилъ Царьградъ Олегъ,
И вылъ Дунай подъ лодкой Святослава.
Рымникъ, Чесма, Кагульскій бой!
Орлы во градѣ Леонида,
Возобновленная Таврида,
День Измаила роковой!
И въ Прагѣ, кровью залитой,
Москвы отмщенная обида!

Была пора: была святая брань;
Отъ Запада узрѣли мы Батыя;
Народовъ тьмы прорвали нашу грань;
Пришлось поля отстаивать родныя;
Дошли къ намъ царскія слова,
И стала Русь стѣною трона;

Была то злая оборона:
Дрались за жизнь и за права....
Но загорѣлася Москва,
И нѣтъ слѣдовъ Наполеона!...

1831 г.

НЕОЖИДАННОЕ СВИДАНІЕ.

БЫЛЬ.

Лѣтъ за семьдесятъ, въ Швеціи, въ городѣ горномъ Фаллунѣ,
Утромъ однимъ молодой рудокопъ, на свиданьи съ своею
Скромной, милой невѣстою, такъ ей сказалъ: «черезъ мѣсяцъ
(Мѣсяцъ не дологъ) мы будемъ мужъ и жена; и надъ нами
Благословеніе Божіе будетъ».—«И въ нашей убогой
Хижинѣ радость и миръ поселятся», сказала невѣста.
Но когда возгласилъ во второй разъ священникъ въ приходской
Церкви: *кто законное браку препятствіе знаетъ,*
Пусть объявитъ о немъ,—тогда съ запрещеньемъ явилась
Смерть. Наканунѣ брачнаго дня, идя въ рудокопню,
Въ черномъ платьѣ своемъ (рудокопъ никогда не снимаетъ
Чернаго платья), женихъ постучался въ окошко невѣсты,
Съ радостнымъ чувствомъ сказалъ онъ ей: *доброе утро!* но
добрый
Вечеръ! онъ ужъ ей не сказалъ, и назадъ не пришелъ онъ
Къ ней ни въ тотъ день, ни на другой, ни на третій, ни послѣ ...
Рано по утру одѣлась она въ вѣнчальное платье,
Долго ждала своего жениха, и когда не пришелъ онъ,

Платье вѣнчальное снявши, она заплакала горько,
Плакала долго о немъ, и его никогда не забыла.
Вотъ въ Португаліи весь Лиссабонъ уничтоженъ былъ страшнымъ
Землетрясеньемъ; война семилѣтняя кончилась; умеръ
Францъ императоръ; былъ іезуитскій орденъ разрушенъ;
Польша исчезла; скончалась Марія Терезія; умеръ
Фридрихъ Великій; Америка стала свободна; въ могилу
Легъ императоръ Іосифъ Второй; революціи пламя
Вспыхнуло: добрый король Людовикъ, возведенный на плаху,
Умеръ святымъ; на русскомъ престолѣ не стало Великой
Екатерины; и много троновъ упало; и новый
Сильный воздвигся, и всѣ перевысилъ, и рухнулъ;
И на далекой скалѣ океана изгнанниковъ умеръ
Наполеонъ. А поля, какъ всегда, покрывалися жатвой,
Пашни сочной травою, холмы золотымъ виноградомъ;
Пахарь сѣялъ и жалъ, и мельникъ мололъ, и глубоко
Въ нѣдра земли проницалъ съ фонаремъ рудокопъ, открывая
Жилы металловъ. И вотъ случилось, что близко Фаллуна,
Новый ходъ проложивъ, рудокопы въ давнишнемъ обвалѣ
Вырыли трупъ неизвѣстнаго юноши: былъ онъ не тронутъ
Тлѣньемъ, былъ свѣжъ и румянъ; казалось, что умеръ
Съ часъ не болѣ, иль только прилегъ отдохнуть и забылся
Сномъ. Когда же на свѣтъ онъ изъ темной земныя утробы
Вынесенъ былъ—отецъ, и мать, и друзья и родные
Мертвы ужъ были давно; не нашлось никого, кто бъ о спящемъ
Юношѣ зналъ, кто бы помнилъ, когда съ нимъ случилось несчастье.
Мертвый товарищъ умершаго племени, чуждый живому,

Онъ сиротою лежалъ на землѣ, посреди равнодушныхъ
Зрителей, всѣмъ незнакомый, дотолѣ, пока не явилась
Тутъ невѣста того рудокопа, который однажды
Утромъ, за день до свадьбы своей, пошелъ на работу
Въ рудникъ, и болѣ назадъ не пришелъ. Подпираясь клюкою,
Трепетнымъ шагомъ туда прибрела сѣдая старушка;
Смотритъ на тѣло, и вмигъ узнаетъ жениха. И съ живою
Радостью болѣ, чѣмъ съ грустью, она предстоявшимъ сказа́ла:
«Это мой бывшій женихъ, о которомъ такъ долго, такъ долго
Плакала я, и съ которымъ Господь еще передъ смертью
Далъ мнѣ увидѣться. За день до свадьбы, пошелъ онъ работать
Въ землю, но тамъ и остался».—У всѣхъ разогрѣлося сердце
Нѣжнымъ чувствомъ при видѣ бывшей невѣсты, увядшей,
Дряхлой, надъ бывшимъ ея женихомъ, сохранившимъ всю прелесть
Младости свѣжей. Но онъ не проснулся на голосъ знакомый;
Онъ не открылъ ни очей для узнанья, ни устъ для привѣта.
Въ день же, когда на кладбище его понесли, съ умиленьемъ
Друга давнишнія младости въ землю она проводила;
Тихо смотрѣла, какъ гробъ засыпали; когда же исчезъ онъ,
Свѣжей могилѣ она поклонилась, пошла, и сказала:
«Что́ однажды земля отдала, то отдастъ и въ другой разъ!»

1832 г.

УНДИНА.

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ.

Бывали дни восторженныхъ видѣній;
Моя душа поэзіей цвѣла;
Ко мнѣ леталъ съ вѣстями чудный геній;
Природа вся мнѣ пѣснію была.

Оно прошло, то время золотое;
Съ природы снятъ магическій вѣнецъ;
Свѣтъ узнанный свое лицо земное
Разоблачилъ, и призракамъ конецъ.

Но о мечтѣ, какъ о весенней птичкѣ,
Пѣвавшей мнѣ, съ усладой помню я;
И прелести явленьемъ по привычкѣ
Любуется, какъ встарь, душа моя.

Здѣсь есть *одна*—жива какъ вдохновенье,
Какъ ясная надежда молода—

На душу мнѣ ея одно явленье
Поэзію наводитъ завсегда....

Передъ пустой когда-то колыбелью
Задумчиво-безмолвенъ я стоялъ.
«Кто обреченъ святому новоселью
«Тобой въ жильцы?» судьбу я вопрошалъ.

И съ первою блеснувшей мнѣ денницей
Ужъ милый гость въ той колыбели былъ;
Онъ въ ней лежалъ подъ царской багряницей,
Прекрасенъ, тихъ, какъ божій ангелъ милъ.

Года прошли, и мой расцвѣлъ младенецъ,
Прекрасенъ, тихъ, какъ божій ангелъ милъ;
И мнится мнѣ, что неба уроженецъ
Утѣхой въ немъ на землю присланъ былъ.

Его-то я порою здѣсь встрѣчаю,
Какъ чистую поэзію мою;
Имъ иногда я душу воскрешаю,
При немъ подъ часъ, забывшись,—и пою.

ГЛАВА I.

О томъ, какъ рыцарь пріѣхалъ въ хижину рыбака.

Лѣтъ за пятьсотъ и поболѣ случилось, что въ ясный весенній
Вечеръ сидѣлъ передъ дверью избушки своей престарѣлый,
Честный рыбакъ, и починивалъ сѣть. Сторона та, въ которой
Жилъ онъ, было прекрасное мѣсто. Лугъ, гдѣ стояла
Хижина, длинной косою входилъ въ широкое лоно
Моря: можно было подумать, что берегъ душистый
Въ свѣтлолазурныя, чуднопрозрачныя воды съ любовью
Нѣжной тѣснился, что море, влажной, трепещущей грудью
Нѣжно прижавшись къ нему и его обнимая, плѣнялось
Свѣжестью шелковой зелени, блескомъ цвѣтовъ и прохладой
Темныхъ сѣней древесныхъ. Правда, въ краю томъ немного
Было людей: рыбакъ съ женою—и только; дремучій
Лѣсъ отдѣлялъ полуостровъ отъ твердой земли. И ужасенъ
Былъ тотъ лѣсъ своей темнотой неприступной; и слухи
Страшные были объ немъ въ народѣ; тамъ было нечисто:
Злые духи гнѣздилися въ немъ и пугали прохожихъ
Такъ, что не смѣли и близко къ нему подходить. Но смиренный,
Старый рыбакъ не боялся враждебныхъ духовъ; на продажу
Рыбу носилъ онъ въ городъ, лежавшій за лѣсомъ; полонъ
Набожныхъ мыслей, входилъ онъ въ его глубину, и ни разу
Тамъ ничего онъ не встрѣтилъ, хранимый небесною силой.
Сидя безпечно въ тотъ вечеръ за неводомъ, вдругъ онъ услышалъ

Шумъ въ лѣсу, какъ будто бы топотъ коня и желѣзной
Брони звукъ; онъ слушаетъ: шумъ приближается; робость
Имъ овладѣла, и все, что́ до тѣхъ поръ въ ненастныя ночи
Снилось ему о таинственномъ лѣсѣ, представилось разомъ
Мыслямъ его; особливо-жъ одинъ великанскаго роста,
Бѣлый, всегда головою странно кивающій. Въ темный
Лѣсъ онъ со страхомъ глядитъ, и ему показалось, что въ самомъ
Дѣлѣ сквозь черныя вѣтви смотритъ кивающій призракъ.
Вспомнивъ однако, что все никакой еще не случилось
Съ нимъ бѣды ни въ лѣсу, ни въ избушкѣ, въ которой такъ долго
Жилъ онъ съ женою вдвоемъ, что нечистый надъ ними не властенъ,
Онъ ободрился, прочелъ молитву, и сдѣлалось скоро
Даже ему и смѣшно, когда онъ увидѣлъ, какую
Шутку съ нимъ глупая робость сыграла: кивающій образъ
Былъ не что иное, какъ быстрый ручей, изъ средины
Лѣса бѣгущій и съ пѣной впадающій въ озеро; шумъ же,
Слышанный имъ, былъ отъ рыцаря: шагомъ на бѣломъ,
Бодромъ конѣ изъ чащи лѣсной онъ ѣхалъ и прямо
Къ хижинѣ ихъ приближался. Мантіей алаго цвѣта
Былъ покрытъ его фіолетовый, золотомъ шитый,
Стройный колетъ; на бархатномъ черномъ беретѣ вилися
Бѣлыя перья; висѣлъ у бедра на цѣпи драгоцѣнной
Мечъ съ золотой рукоятью искусной работы; а бѣлый
Рыцаревъ конь былъ статенъ, силенъ и живъ; онъ, копытомъ
Легкимъ едва къ луговой муравѣ прикасаясь, воздушной
Поступью шелъ, и, сгибая красивую шею, какъ лебедь,
Грызъ узду, облитую пѣной. Старикъ, пораженный
Видомъ статнаго рыцаря, неводъ покинулъ, и, снявши

Шляпу, смотрѣлъ на него съ привѣтной улыбкой. Приблизясь,
Рыцарь сказалъ: могу-ль я съ конемъ найти здѣсь на эту
Ночь убѣжище?—Милости просимъ, гость благородный!
Лучшимъ стойломъ будетъ коню твоему нашъ зеленый
Лугъ, подъ кровлей вѣтвистыхъ деревъ; а вкусную пищу
Самъ онъ найдетъ у себя подъ ногами; тебѣ-жъ мы охотно
Уголъ очистимъ въ нашемъ убогомъ жилищѣ, и ужинъ
Скудный съ тобою раздѣлимъ. Рыцарь, кивнувъ головою,
Спрыгнулъ съ коня, его разнуздалъ и по свѣжему лугу
Бѣгать пустилъ; потомъ сказалъ рыбаку: ты охотно,
Добрый старикъ, принимаешь меня, но когда-бъ и не столько
Былъ ты сговорчивъ, то все бы со мной не раздѣлался нынче:
Море, вижу я, здѣсь передъ нами, и далѣ дороги
Нѣтъ никакой; а вечеромъ поздно въ этотъ проклятый
Лѣсъ возвращаться,—избави Боже!... Не станемъ объ этомъ
Слишкомъ много теперь говорить, сказалъ, озираясь,
Старый рыбакъ, и въ хижину ввелъ усталаго гостя.
Тамъ, передъ яркимъ огнемъ, горѣвшимъ въ каминѣ и въ чистой
Горницѣ трепетный блескъ разливавшимъ, на стулѣ широкомъ
Съ спинкой рѣзною, сидѣла жена рыбака пожилая.
Гостя увидѣвъ, старушка встала, ему поклонилась
Чинно, и сѣла опять, ему отдать не подумавъ
Мѣсто свое. Рыбакъ, засмѣявшись, сказалъ: благородный
Рыцарь, прошу не взыскать, что хозяйка моя свой покойный
Стулъ для себя сберегла: у насъ такой ужъ обычай;
Лучшее мѣсто всегда старикамъ уступается.—Что ты,
Дѣдушка! съ кроткой усмѣшкой сказала хозяйка: вѣдь гость
нашъ

Вѣрно такой же Христовъ человѣкъ, какъ и мы, и придетъ ли,
Самъ ты скажи, молодому на умъ, чтобъ ему уступали
Старые люди лучшее мѣсто? Садися, мой добрый
Рыцарь, на эту скамейку—она продолжала—да только
Тише сиди, не ворочайся, ножка одна ненадежна.
Рыцарь взялъ осторожно скамейку, придвинулъ къ камину,
Сѣлъ, и сердцу его такъ стало пріютно, какъ будто-бъ
Былъ онъ у милыхъ родныхъ, возвратяся изъ чужи въ отчизну.
Стали они разговаривать. Рыцарь развѣдать о страшномъ
Лѣсѣ хотѣлъ, но рыбакъ ночною порою боялся
Рѣчь о немъ заводить; за то о своей одинокой
Жизни и промыслѣ трудномъ своемъ разсказывалъ много.
Съ жадностью слушали мужъ и жена, когда говорилъ имъ
Рыцарь о томъ, какъ въ разныхъ земляхъ онъ бывалъ, какъ отцовскій
Зàмокъ его у истоковъ Дуная стоитъ, какъ прекрасна
Та сторона; онъ прибавилъ: меня называютъ Гульбрандомъ,
Имя же замка Рингштетенъ.—Такъ говоря, не однажды
Рыцарь слышалъ какой-то шорохъ и плескъ за окошкомъ,
Точно какъ будто водой кто опрыскивалъ стекла снаружи.
Всякій разъ съ досадой нахмуривалъ брови, послышавъ плесканье,
Старый рыбакъ; но когда же какъ ливнемъ вдругъ обдало стекла,
Такъ, что окно зазвенѣло, и въ горницу брызги влетѣли,
Съ сердцемъ вскочилъ онъ, и крикнулъ въ окошко съ угрозой: Ундина!
Полно проказничать; стыдно; въ хижинѣ гости. При этомъ
Словѣ стало тамъ тихо, лишь изрѣдка слышенъ былъ легкій

Шопотъ, какъ будто бы кто потихоньку смѣялся. Почтенный
Гость, не взыщи, сказалъ рыбакъ, возвратившись на мѣсто:
Можетъ быть, шалостей много еще ты увидишь, но злого
Умысла нѣтъ у нея. То наша дочка Ундина,
Только не дочка родная, а найденышъ; сущій младенецъ,
Все проказитъ, а будетъ ей лѣтъ ужъ восьмнадцать; но сердце
Самое доброе въ ней. Покачавъ головою, старушка
Молвила: такъ говорить ты волёнъ; когда ты усталый
Съ ловли приходишь домой, то тебѣ на досугѣ забавны
Эти проказы: но, съ утра до вечера дома глазъ на глазъ
Съ нею пробывъ, отъ нея не добиться путнаго слова—
Дѣло иное; тутъ и святой потеряетъ терпѣнье.
Полно, старуха, рыбакъ отвѣчалъ: ты бьешься съ Ундиной,
Я съ причудливымъ моремъ: развѣ нечасто мой неводъ
Портитъ оно и плотины мои размываетъ, а все мнѣ
Любо съ нимъ; то же и ты, хоть порою и охнешь, однако
Все Ундиночку любишь. Не такъ ли?—Что правда, то правда;
Вóвсе ее разлюбить ужъ нельзя, кивнувъ головою,
Кротко сказала старушка. Вдругъ растворилася настежъ
Дверь; и въ нее бѣлокурая, легкая станомъ, съ веселымъ
Смѣхомъ впорхнула Ундина, какъ что-то воздушное.—Гдѣ же
Гости, отецъ? Зачѣмъ ты меня обманулъ? Но, увидя
Рыцаря, вдругъ замолчала она, и глаза голубые,
Вспыхнувъ звѣздами подъ сумракомъ черныхъ рѣсницъ, устремились
Быстро на гостя, а онъ, изумленный чуднымъ явленьемъ,
Былъ, какъ вкопанный, жадно смотрѣлъ на нее, и боялся
Взоръ отвести; онъ думалъ, что видитъ сонъ, и вглядѣться

Въ образъ прекрасный спѣшилъ, пока онъ не скрылся. Ундина
Долго смотрѣла, пурпурныя губки раскрывъ, какъ младенецъ,
Вдругъ, встрепенувшись рѣзвою птичкой, она подбѣжала
Къ рыцарю, стала предъ нимъ на колѣни, и цѣпью блестящей,
Къ коей привѣшенъ былъ мечъ, играя, сказала: прекрасный,
Милый гость, какою судьбой очутился ты въ нашей
Хижинѣ? Долго ты по свѣту долженъ былъ странствовать прежде,
Нежели къ намъ дорогу найти? Скажи, черезъ лѣсъ нашъ
Какъ ты проѣхалъ?—Но онъ отвѣчать не успѣлъ; на Ундину
Крикнула съ сердцемъ старушка: оставь въ покоѣ, Ундина,
Гостя; встань и возьмись за работу. Ундина, ни слова
Ей не сказавши въ отвѣтъ, схватила скамейку, и, сѣвши
Подлѣ Гульбранда съ своимъ рукодѣльемъ, тихонько шепнула:
Вотъ гдѣ я буду работать. Старикъ, притворясь, что не видитъ
Новой проказы ея, хотѣлъ продолжать; но Ундина
Рѣчь перебила его: у тебя я спросила, мой милый
Гость, откуда пріѣхалъ ты къ намъ? Дождусь ли отвѣта?—
Изъ лѣсу прямо пріѣхалъ я, прелесть моя.—Разскажи же,
Какъ ты въ лѣсу очутился, и что́ въ немъ чуднаго видѣлъ?
Трепетъ почувствовалъ рыцарь, вспомнивъ о лѣсѣ; невольно
Онъ обратилъ глаза на окошко, въ которое кто-то
Бѣлый, ему показалось, глядѣлъ; но было въ окошкѣ
Пусто, за стеклами ночь густая чернѣла. Собравшись
Съ духомъ, разсказъ онъ готовъ былъ начать; но старикъ торопливо
Молвилъ ему: недоброе время теперь намъ о лѣсѣ
Рѣчь заводить; разскажешь намъ завтра. Услышавши это,
Съ мѣста вскочила Ундина, и глазки ея засверкали.

Ныньче, не завтра онъ долженъ разсказывать! ныньче, теперь же!
Вскрикнула съ сердцемъ она, и, бровки угрюмо нахмуривъ,
Топнула маленькой ножкою объ полъ; и въ эту минуту
Такъ забавна, мила и прелестна была, что въ Гульбрандѣ
Вспыхнуло сердце, и онъ еще болѣ плѣнился смѣшною,
Дѣтской ея запальчивостью, нежели рѣзвостью прежней.
Но рыбакъ, разсердясь не на шутку, причудницу началъ
Крѣпко журить за ея упрямство и дерзкую вольность
Съ гостемъ. Старушка пристала къ нему. Тутъ Ундина сказала:
Если браниться хотите со мной, а того не хотите
Сдѣлать, о чемъ я прошу, такъ прощайте-жъ; одни оставайтесь
Въ вашей скучной, дымной лачужкѣ. Съ сими словами
Прыгнула въ двери она, и въ минуту во мракѣ пропала.

ГЛАВА II.

О томъ, какъ Ундина въ первый разъ явилась въ хижинѣ рыбака.

Рыцарь вскочилъ, за нимъ и рыбакъ, и бросились оба
Въ дверь, чтобъ ее удержать, но напрасно: Ундина такъ быстро
Скрылась, что даже было нельзя догадаться, въ какую
Сторону вздумалось ей побѣжать. Испуганнымъ взоромъ
Рыцарь спросилъ рыбака: что́ дѣлать?—Ужъ это не въ первый
Разъ, рыбакъ проворчалъ: такими побѣгами часто
Насъ забавляетъ она, теперь опять мнѣ придется
Цѣлую ночь напролетъ безъ сна проворочаться съ боку

На бокъ на жесткой постелѣ моей: вѣдь мало-ль что́ можетъ
Встрѣтиться ночью!—Зачѣмъ же медлить? Пойдемъ поскорѣе
Сами за нею.—Трудъ безполезный; ты видишь, какая
Тьма на дворѣ: куда мы пойдемъ? И кто угадаетъ,
Гдѣ она спряталась?—Будемъ, по крайней мѣрѣ, прибавилъ
Рыцарь, хоть кликать ее. И кричать онъ началъ: Ундина!
Гдѣ ты, Ундина?—Старикъ покачалъ головою. Какъ хочешь,
Рыцарь, кричи, она не откликнется намъ, а ужъ вѣрно
Гдѣ-нибудь близко сидитъ; еще ты не знаешь, какая
Это упрямица.—Такъ говоря, старикъ съ безпокойствомъ
Въ темную ночь глядѣлъ, и не могъ утерпѣть, чтобъ туда же
Вслѣдъ за Гульбрандомъ не крикнуть: Ундиночка! милая, гдѣ ты?
Правду однако онъ предсказалъ: никакой тамъ Ундины
Не было. Долго кричавъ по-напрасну, они наконецъ возвратились
Оба въ хижину; тамъ ужъ было темно, и старушка,
Менѣе мужа о томъ, что̀ съ Ундиной случится, заботясь,
Спать улеглась, и въ каминѣ огонь, догорѣвши, потухнулъ;
Только немногіе уголья тлѣли, и синее пламя,
Изрѣдка вспыхнувъ, трепещущій свѣтъ разливало и гасло.
Снова разведши огонь, рыбакъ наполнилъ большую
Кружку виномъ, и поставилъ ее передъ гостемъ.—Мы оба,
Рыцарь, едва ли заснемъ; такъ не лучше ли будетъ, когда мы,
Вмѣсто того, чтобъ въ безсонницѣ жесткой рогожей
Грѣшное тѣло тереть, посидимъ у огня, и за доброй
Кружкой вина о томъ и другомъ побесѣдуемъ? Какъ ты
Думаешь, добрый мой гость?—Гульбрандъ согласился охотно.
Сѣсть принудивъ его на почетномъ оставленномъ стулѣ,
Честный старикъ помѣстился съ нимъ рядомъ, и вотъ дружелюбно

Стали они разговаривать; только при каждомъ малѣйшемъ
Шорохѣ—стукнетъ ли что̀ въ окошко, и даже нерѣдко
Просто безъ всякаго стука и шороха—вдругъ умолкали
Оба, и, палецъ поднявши, глаза неподвижно уставивъ
Въ двери, слушали; каждый шепталъ: идетъ! и не тутъ-то
Было; не шелъ никто; и, вздохнувши, они начинали
Снова свой разговоръ.—Разскажи мнѣ, сказалъ напослѣдокъ
Рыцарь, какъ вамъ случилось найти Ундину?—А вотъ какъ
Это случилось, рыбакъ отвѣчалъ: тому ужъ двѣнадцать
Будетъ лѣтъ, какъ я съ товаромъ моимъ черезъ этотъ
Лѣсъ былъ долженъ отправиться въ городъ; жену я оставилъ
Дома, какъ то бывало всегда, а въ то время и нужно
Было ей дома остаться. Зачѣмъ, ты спросишь? Господь намъ
Въ позднія наши лѣта даровалъ прекрасную дочку;
Какъ же было покинуть ее? Товаръ мой продавши,
Я возвращался домой, и, солгать не хочу, не случилось
Мнѣ ничего, какъ и прежде, въ лѣсу недобраго встрѣтить;
Богъ мнѣ сопутствовалъ всякій разъ, когда черезъ этотъ
Страшный лѣсъ мнѣ идти удавалось; а съ Нимъ и опасный
Путь не опасенъ. При этомъ словѣ старикъ съ умиленнымъ
Видомъ шапочку снялъ съ головы, и, руки сложивши,
Въ набожныхъ мысляхъ минуты на двѣ умолкнулъ; потомъ онъ
Шапочку снова надѣлъ, и такъ продолжалъ: я съ веселымъ
Сердцемъ домой возвращался, а до̀ма ждало несчастье:
Вся въ слезахъ навстрѣчу ко мнѣ жена прибѣжала.
Царь небесный! что̀ случилось? я воскликнулъ. Гдѣ наша
Дочка!—Она у Того, чье имя ты въ эту минуту,
Бѣдный мой мужъ, призываешь, жена отвѣчала. И, молча,

Горько заплакавъ, пошелъ я за нею въ хижину; тѣла
Милой малютки моей я глазами искалъ тамъ, но тѣла
Не было. Вотъ какъ это случилось: съ нашимъ младенцемъ
Подлѣ воды на травѣ жена спокойно сидѣла;
Съ нимъ въ беззаботномъ весельи играла она; вдругъ малютка
Сильно къ водѣ протянулась, какъ будто чудесное что-то
Въ свѣтлыхъ примѣтя струяхъ; и видитъ жена, что нашъ милый
Ангелъ смѣется, рученками что-то хватая; но въ этотъ
Мигъ какъ будто какой невидимой силой швырнуло
Въ волны дитя, и въ ихъ глубинѣ бѣдняжка пропала.
Долго я тѣло искалъ, но напрасно: нигдѣ и примѣты
Не было. Вотъ мы, на старости, двѣ сироты въ безотрадномъ
Горѣ сидѣли въ тотъ вечеръ вдвоемъ у огня и молчали:
Еслибъ и можно было отъ слезъ говорить, то не стало-бъ
Духу; и такъ мы оба молчали, глаза устремивши
Въ тусклый огонь; какъ вдругъ въ дверяхъ послышался легкій
Шорохъ; онѣ растворились—и что́ же мы видимъ? Чудной
Прелести дѣвочка, лѣтъ шести, въ богатомъ уборѣ,
Намъ улыбаясь, какъ ангелъ, стоитъ на порогѣ. Сначала
Мы въ изумленьи не знали, живой ли то былъ человѣчекъ,
Или обманчивый призракъ какой; но скоро примѣтилъ
Я, что вода съ золотыхъ кудрей и съ платья малютки
Капала: я подумалъ, что вѣрно младенецъ недавно
Былъ въ водѣ, и что скорая помощь нужна. И, вздохнувши,
Такъ сказалъ я женѣ: никто не подумалъ спасти намъ
Милое наше дитя; по крайней мѣрѣ мы сами
Сдѣлаемъ то для другихъ, чего не могли намъ другіе
Сдѣлать, и что̀ на землѣ блаженствомъ было бы нашимъ.

Мы раздѣли малютку, ее положили въ постель, и напиться
Дали горячаго ей; а она все молчала, и только
Свѣтлонебесными глазками глядя на насъ, улыбалась.
Скоро заснула она, и свѣжа, какъ цвѣточикъ весенній,
Утромъ проснулась; когда-жъ мы разспрашивать стали, откуда
Родомъ она, и какъ попала къ намъ въ хижину, толку
Не было въ странныхъ отвѣтахъ ея никакого; и вотъ ужъ
Ровно двѣнадцать лѣтъ, какъ съ нами живетъ, а добиться
Путнаго мы не могли отъ нея ничего; по разсказамъ
Вздорнымъ ея подумать легко, что она къ намъ упала
Прямо съ луны: о какихъ-то зàмкахъ прозрачныхъ, жемчужныхъ
Гротахъ, коралловыхъ рощахъ и разныхъ другихъ небылицахъ
Все твердитъ и теперь, какъ твердила тогда; удалося
Вывѣдать только одно, что катаясь по морю въ лодкѣ
Съ матерью, въ воду упала она, и что волны на здѣшній
Берегъ ее принесли. гдѣ она и очнулась.... Въ сомнѣньи
Тяжкомъ осталися мы: хотя и было не трудно
Намъ рѣшиться, на мѣсто родной потерянной дочки,
Взять чужую, намъ данную Богомъ самимъ; но не знали
Мы, крещена ли она или нѣтъ? Сказать же объ этомъ
Намъ ничего не умѣла бѣдняжка, хотя и понятно
Было ей, что она жила по волѣ Господней
Въ здѣшнемъ свѣтѣ, хотя и была смиренно готова
Все то исполнить, чтó съ волей Господней согласно. И вотъ чтó
Мы въ такомъ затрудненьи придумали вмѣстѣ съ женою:
Если она еще не была крещена, то не должно
Медлить минуты: а если уже крещена, то и дважды
Долгъ святой совершить не будетъ грѣха. Но какое

Дать ей имя? И въ умъ намъ пришло, что ее Доротеей
Было бъ всего приличнѣй назвать: мы слыхали, что значитъ
Это имя *даръ Божій*, она же была милосердымъ
Господомъ Богомъ дарована горести нашей въ отраду.
Но объ имени этомъ она и знать не хотѣла. «Ундиной
Звали меня отецъ мой и мать; хочу и остаться
Вѣчно Ундиной!»—Но было ли то христіанское имя,
Мы не знали. И вотъ я пошелъ за священникомъ въ городъ;
Онъ согласился придти къ намъ; сначала имя Ундины
Было противно ему, какъ и намъ; но наша малютка,
Въ платьицѣ странномъ своемъ, была такъ чудесно красива,
Такъ ласкалась къ нему, и въ то же время такъ мило,
Такъ забавно спорила съ нимъ, что самъ онъ не въ силахъ
Былъ противиться ей—и ее окрестили Ундиной.
Сладостно было смотрѣть на нее въ продолженье святого
Таинства: дикая рѣзвость исчезла, и тихимъ, смиреннымъ
Агнцемъ стояла она, какъ будто бы чувствуя, что́ съ ней
Въ это время творилось. Правду молвить, не мало
Съ нею хлопотъ намъ, и если бы все разсказать мнѣ... Но рыцарь
Тутъ перервалъ рыбака; онъ шепнулъ: послушай! послушай!
Что́ тамъ?—не разъ ужъ во время разсказа былъ онъ встревоженъ
Шумомъ воды: но въ эту минуту былъ явственно слышенъ
Ревъ потока, который бѣжалъ съ возрастающей силой
Мимо хижины. Оба вскочили и бросились къ двери;
Въ мѣсячномъ свѣтѣ открылося имъ, что ручей, выходящій
Изъ лѣса, сильно разлившись, ворочая камни, ломая
Съ трескомъ деревья, въ море бѣжалъ: и было все небо,
Такъ же, какъ море, взволновано, тучи горами катились

Мимо луны, поминутно ее заслоняя, и чудно
Вся окрестность подъ блескомъ и тьмой трепетала; при свистѣ
Вихря было внятно, какъ море свирѣпое голосъ
Свой воздымало, и какъ, скрыпя отъ вершины до корня,
Гнулись и шумно сшибались вѣтвями деревья. — Ундина!...
Царь мой небесный!.... Ундина! старикъ закричалъ; но отвѣта
Не было. Оба тогда побѣжали, забывши о бурѣ,
Каждый своею дорогою къ лѣсу, и громко при шумѣ
Вѣтра въ ночной глубинѣ раздавалось: Ундина! Ундина!

ГЛАВА III.

О томъ, какъ была найдена Ундина.

Странное что-то чувствовалъ рыцарь, скитаясь во мракѣ
Ночи, подъ шумомъ бури, въ безполезномъ исканьи:
Снова стало казаться ему, что Ундина лишь призракъ,
Въ темномъ лѣсу его обманувшій, была; и при свистѣ
Вихря, при громѣ воды, при трескѣ деревьевъ, при чудномъ
Всей за минуту столь мирно-прекрасной страны превращеньи,
Началъ онъ думать, что море, лугъ, источникъ, рыбачья
Хижина, старый рыбакъ, и все, что́ съ нимъ ни случилось,
Было обманъ; но жалобный крикъ старика, зовущій Ундину,
Все ему издали слышался. Вотъ наконецъ очутился
Онъ на самомъ краю лѣснаго ручья, который въ разливѣ
Бурномъ своемъ бѣжалъ широкою, мутной рѣкою,
Такъ, что отъ лѣса отрѣзанный мысъ, на которомъ стояла

Хижина, сдѣлался островомъ. Боже! рыцарь подумалъ,
Чтó, когда Ундина отважилась въ лѣсъ, и назадъ ей
Нѣтъ оттуда дороги, и тамъ у злыхъ привидѣній
Плачетъ она одна въ темнотѣ? Отъ ужаса вскрикнувъ,
Онъ поспѣшно поднялъ съ земли огромный дубовый,
Бурей оторванный сукъ, чтобъ, держась за него, перебраться
Въ лѣсъ черезъ воду. Хотя и самъ онъ дрожалъ, вспоминая
Все, чтó тамъ видѣлъ прошедшимъ днемъ; хотя и казалось
Въ эту минуту ему, что стоялъ тамъ, ровёнъ съ деревами,
Бѣлый, слишкомъ знакомый ему великанъ, и, оскаливъ
Зубы, кивалъ ему головою,—но самый сей ужасъ
Только что съ бóльшею силою влекъ его въ лѣсъ; тамъ Ундина
Въ страхѣ, одна, безъ защиты была. И вотъ ужъ ступилъ онъ
Смѣлой ногою въ кипучую воду, какъ вдругъ недалеко
Сладостный голосъ сказалъ: «не ходи, не ходи, берегися
Злого потока; старикъ сердитъ и обманчивъ». Знакомы
Рыцарю были прелестные звуки; они замолчали:
Онъ же стоялъ въ водѣ, озирался и слушалъ; но мѣсяцъ
Темной задернуло тучей, и волны быстро неслися,
Ноги его подмывая, и онъ, черезъ силу держася,
Былъ какъ въ чаду, и кружилась его голова; и, глазами
Долго искавъ въ темнотѣ, наконецъ онъ воскликнулъ: Ундина!
Ты ли? Гдѣ ты? Если не хочешь явиться, я брошусь
Самъ въ потокъ за тобой; откликнись; мнѣ лучше погибнуть,
Нежели быть безъ тебя.—И глубже въ воду пошелъ онъ.
Тотъ же голосъ и такъ же близко сказалъ: оглянися!
Въ эту минуту вышелъ мѣсяцъ изъ тучи, и рыцарь
Въ блескѣ его увидѣлъ Ундину. Былъ маленькій островъ

Подлѣ берега быстрымъ разливомъ ручья образованъ;
Тамъ, подъ навѣсомъ деревьевъ густыхъ, въ травѣ угнѣздившись,
Призракомъ свѣтлымъ сидѣла Ундина. Было нетрудно
Въ этомъ мѣстѣ потокъ перейти, и Гульбрандъ очутился
Вмигъ близъ Ундины на мягкой травѣ; она-жъ, приподнявшись,
Руки вкругъ шеи его обвила, и его по неволѣ
Рядомъ съ собой посадила. Теперь ты разскажешь мнѣ,милый,
Повѣсть свою, шепнула она; мы одни; старики насъ
Здѣсь не слышатъ, и скучнымъ своимъ ворчаньемъ не могутъ
Намъ помѣшать; а эта густая древесная кровля
Стóитъ ихъ хижины дымной.—Здѣсь рай, Ундина! воскликнулъ
Рыцарь, прижавши ко грýди ее съ поцѣлуемъ горячимъ.
Въ эту минуту рыбакъ, проискавши напрасно Ундину,
Къ мѣсту тому подошелъ и увидѣлъ ихъ съ берега. Рыцарь!
Онъ закричалъ, непохвальное дѣло ты дѣлаешь; нами
Былъ ты довѣрчиво принятъ; а ты теперь, обнимаясь
Съ нашей дочкой, шепчешься съ нею тайкомъ, и оставилъ
Въ страхѣ меня старика одного по пустому за нею
Бѣгать въ потемкахъ.—Я самъ, отвѣтствовалъ рыцарь, лишь только
Въ эту минуту встрѣтился съ нею.—Тѣмъ лучше; скорѣе-жъ
Оба ко мнѣ перейдите сюда на твердую землю.—
Но Ундина о томъ не хотѣла и слышать; и лучше
Въ страшный лѣсъ она соглашалася съ милымъ, прекраснымъ
Гостемъ пойти, чѣмъ въ несносную хижину, гдѣ не хотѣли
Дѣлать того, о чемъ просила она, и откуда
Рано иль поздно прекрасный гость удалится. Прижавшись
Крѣпко къ нему, она гармонически, тихо запѣла:

«Въ душной долинѣ волна печально трепещетъ и бьется;
«Влившися въ море, она изъ моря назадъ не польется».
Горько заплакалъ рыбакъ, услышавъ ту пѣсню; ее же
Слезы его какъ будто не трогали; къ рыцарю съ дѣтской
Лаской она прижималась. Но рыцарь сказалъ ей: Ундина!
Развѣ не видишь, какъ плачетъ отецъ? Не упрямься-жъ; намъ должно,
Должно къ нему возвратиться. Въ нѣмомъ изумленьи Ундина
Быстро свои голубые глаза на него устремила,
Кротко сказала потомъ: когда ты такъ думаешь, милый,
Я согласна. И съ видомъ покорнымъ, глаза опустивши,
Встала она; и, на руки взявши ее, безопасно
Рыцарь потокъ перешелъ. Старикъ со слезами на шею
Кинулся къ ней и въ радости былъ какъ дитя; прибѣжала
Скоро къ нимъ и старушка; свою возвращенную дочку
Нѣжно они цѣловали; упрековъ не было; въ добромъ
Сердцѣ Ундины все такъ же утихло, и ихъ обнимала
Съ лаской сердечной она, просила прощенья, смѣялась,
Плакала, милыя всѣ имена имъ давала. А утро
Тою порой занялось и буря умолкла, и птицы
Начали пѣть на свѣжихъ, дождемъ ожемчуженныхъ вѣткахъ;
Стало свѣтло, и опять приступать принялася Ундина
Къ рыцарю съ просьбой, чтобъ началъ разсказъ свой. И такъ согласились
Завтракъ принесть подъ деревья. Ундина проворно усѣлась
Подлѣ Гульбрандовыхъ ногъ на травѣ; другого же мѣста
Выбрать никакъ не хотѣла; и рыцарь разсказывать началъ.

ГЛАВА IV.

О томъ, что случилось съ рыцаремъ въ лѣсу.

Вотъ ужъ болѣ недѣли, какъ я въ тотъ вольный имперскій
Городъ, который лежитъ за вашимъ лѣсомъ, пріѣхалъ;
Тамъ былъ турниръ, и рыцари копья ломали усердно.
Я не щадилъ ни себя, ни коня. Подошедши къ оградѣ
Поля, дабы отдохнуть отъ веселой работы, я шлемъ свой
Снялъ и отдалъ его щитоносцу; и въ эту минуту
Вижу на ближнемъ алтанѣ дѣвицу, въ богатомъ уборѣ,
Чудной прелести. Это была молодая Бертальда—
Мнѣ сказали—питомица знатнаго герцога, въ ближнемъ
Зàмкѣ живущаго. Мнѣ показалось, что съ ласковымъ видомъ
Смотритъ она на меня, и во мнѣ загорѣлась двойная
Бодрость; усердно бился я прежде, но съ этой минуты
Дѣло пошло ужъ иначе. А вечеромъ съ нею одною
Я танцовалъ; и такъ продолжалось во всѣ остальные
Дни турнира.—Въ эту минуту почувствовалъ рыцарь
Сильную боль въ опущенной лѣвой рукѣ; оглянувшись,
Видитъ онъ, что Ундина, жемчужными зубками стиснувъ
Палецъ ему, сердито нахмурила бровки, и въ глазкахъ,
Ярко свѣтившихся, бѣгали слезки; потомъ на Гульбранда
Съ грустнымъ упрекомъ взглянувъ, она ему погрозила
Пальцемъ; потомъ вздохнула, потомъ наклонила головку.
Рыцарь, смутившись, умолкъ на минуту; потомъ онъ разсказъ свой

Такъ продолжалъ: Бертальда прекрасна, нельзя не признаться;
Но черезъ-чуръ ужъ горда и причудлива; мнѣ во второй разъ
Нравилась менѣ она, чѣмъ въ первый, а въ третій разъ менѣ,
Чѣмъ во второй. Однако мнѣ показалось, что болѣ
Всѣхъ другихъ я замѣченъ былъ ею, и это мнѣ льстило.
Вотъ мнѣ вздумалось въ шутку ее попросить, чтобъ перчатку
Мнѣ свою подарила она. Подарю, отвѣчала
Съ гордой усмѣшкой Бертальда, если осмѣлишься, рыцарь,
Съѣздить одинъ въ заколдованный лѣсъ нашъ, и вѣрныя вѣсти
Мнѣ принесешь о томъ, чтó въ немъ происходитъ. Перчатка
Мнѣ дорога не была; но было бы рыцарю стыдно
Вызовъ такой отъ себя отклонить, и я согласился.—
Развѣ тебя не любила она? спросила Ундина.—
Я ей нравился, рыцарь отвѣтствовалъ, такъ мнѣ казалось.—
О! такъ она сумасшедшая, вскликнула громко Ундина,
Съ радостнымъ смѣхомъ захлопавъ въ ладоши. Кто-жъ небезумный
Съ милымъ себя разлучитъ, и его добровольно въ волшебный
Лѣсъ на опасное дѣло пошлетъ? Отъ меня-бъ не дождался
Этотъ лѣсъ такой неслыханной почести.—Рано
Утромъ вчера, продолжалъ Гульбрандъ, улыбнувшись Ундинѣ,
Я отправился въ путь. Спокойно сіяли деревья
Въ блескѣ зари, полосами лежавшемъ на зелени дерна;
Было свѣжо; благовонные листья такъ сладко шептались,
Все такъ манило подъ сумракъ прозрачный, что я по неволѣ
Злился на глупыхъ людей, которымъ страшилища въ райскомъ
Мѣстѣ такомъ могли померещиться. Въѣхалъ я въ чащу;
Мало-по-малу все стало пустынно и тихо; густѣя,
Лѣсъ предо мной и за мною сдвигался, какъ будто хватая

Тысячью рукъ волшебныхъ меня. Опасаясь возвратный
Путь потерять, я коня удержалъ; посмотрѣть, высоко ли
Было солнце, хотѣлъ я; глаза подымаю, и что же
Вижу? Черное что-то копышется въ вѣтвяхъ дубовыхъ.
Я подумалъ, что то былъ медвѣдь; обнажаю поспѣшно
Мечъ. Но вдругъ человѣческимъ голосомъ, дикимъ, визгливымъ,
Мнѣ закричали: кстати пожаловалъ; милости просимъ;
Мы ужъ и вѣтокъ сухихъ наломали, чтобъ было на чемъ намъ
Вашу милость изжарить. Потомъ, съ отвратительно-дикимъ
Смѣхомъ оскаливши зубы, чудовище такъ зашумѣло
Вѣтвями дуба, что конь мой, шарахнувшись, бросился мимо
Вскачь, и я не успѣлъ разглядѣть, какой тамъ гнѣздился
Дьяволъ. При имени этомъ рыбакъ и старушка съ молитвой
Перекрестились; Ундина-жъ тихонько шепнула: всего здѣсь
Лучше по-моему то, что ты не изжаренъ, мой милый
Рыцарь, и то, что ты съ нами. Разсказывай далѣе.—Конь мой
Мчался, какъ бѣшеный, рыцарь сказалъ; имъ владѣть не имѣлъ я
Силы; вдругъ передъ нами стремнина, и скачетъ со мной онъ
Прямо въ нее; но въ самое-жъ это мгновеніе кто-то
Длинный, огромный, сѣдой, перерѣзавши нашу дорогу,
Вдругъ передъ дикимъ конемъ повалился, и конь, отшатнувшись,
Сталъ, и снова я имъ овладѣлъ. Озираюся—что́ же?
Мой спаситель былъ не сѣдой великанъ, а блестящій
Пѣнный ручей, бѣжавшій съ холма.—Благодарствую, милый,
Добрый ручей, закричала, захлопавъ въ ладоши, Ундина.—
Тяжко вздохнувъ и нахмурясь, рыбакъ покачалъ головою;
Рыцарь разсказывалъ далѣ. Собравъ повода, укрѣпился
Я на сѣдлѣ. Вдругъ вижу, какой-то стоитъ человѣчикъ

Рядомъ съ конемъ, отвратительный, грязный горбунъ, земляного
Цвѣта лицо, и носъ огромный такой, что, казалось,
Былъ онъ длиною со все остальное тѣло урода.
Онъ хохоталъ, оскаливалъ зубы, шаркалъ ногами,
Гнулся въ дугу. Я его оттолкнулъ, и, коня повернувши,
Былъ готовъ пуститься въ обратный путь (ужъ склонилось
Солнце, покуда я мчался, далеко за полдень); но карликъ,
Прянувъ какъ кошка, дорогу коню заслонилъ. Берегися,
Я закричалъ: раздавлю. Но уродъ, исковеркавшись снова,
Началъ визжать: сперва заплати за работу; ты въ пропасть
Вмѣстѣ съ конемъ бы слетѣлъ, когда бы не я подвернулся.
Лжешь ты, кривляка, сказалъ я: не ты, а этотъ источникъ
Насъ сохранилъ отъ паденья. Но вотъ тебѣ деньги; оставь насъ,
Дай дорогу. И бросивъ одну золотую монету
Въ шапку уроду, поѣхалъ я шибче; но снова явился
Рядомъ со мной онъ; я шпорю коня; конь скачетъ, но съ боку
Скачетъ и карликъ, кривляясь, коверкаясь, съ хохотомъ, съ визгомъ,
Высунувъ красный съ локоть длиною языкъ. Чтобъ скорѣе
Съ нимъ развязаться, бросаю опять золотую монету
Въ шапку ему; но, съ хохотомъ дикимъ оскаливши зубы,
Началъ кричать онъ: поддѣльное золото! золота много
Есть у меня! погляди! полюбуйся!—И въ эту минуту
Мнѣ показалось, что вдругъ просвѣтлѣла земная утроба;
Дернъ изумрудомъ прозрачнымъ сдѣлался; взоръ мой свободно
Могъ сквозь него проницать въ глубину; и тогда мнѣ открылась
Область подземная гномовъ: они гомозились, роились,
Комкались въ клубы, вились, развивались, сгребали металлы,

Сыпали въ кучи рубинъ и сапфиръ и смарагдъ, и пускали
Вихри песка золотого другъ другу въ глаза. Мой сопутникъ
Быстро метался то внизъ, то вверхъ; и ему подавали
Слитки огромные золота; мнѣ показавъ ихъ со смѣхомъ,
Каждый онъ въ бездну бросалъ, и, изъ пропасти въ пропасть
со звономъ
Падая, всѣ въ глубинѣ исчезали. Тогда онъ монету,
Данную мною, швырнулъ съ пронзительнымъ хохотомъ въ бездну;
Хохотомъ, шиканьемъ, свистомъ ему отвѣчали изъ бездны.
Вдругъ взгомозилися всѣ, и, толпяся, толкаясь, полѣзли
Кверху, когтистые, пылью металловъ покрытые пальцы
Всѣ на меня растопорщивъ; вся пропасть, казалось, кипѣла:
Куча за кучей, гуще и гуще, ближе и ближе...
Ужасъ меня одолѣлъ; давъ шпоры коню, безъ оглядки
Я поскакалъ... и не знаю, долго-ль скакалъ; но очнувшись,
Вижу, что нѣтъ никого; привидѣнья исчезли, прохладно
Было въ лѣсу, и вечеръ уже наступилъ. Сквозь деревья
Блѣдно мелькала тропинка, ведущая изъ лѣсу въ городъ.
Взъѣхать спѣшу я на эту тропинку; но что-то сѣдое,
Зыбкое, дымъ не дымъ, туманъ не туманъ, поминутно
Видъ свой мѣняя, стало межъ вѣтвей и мнѣ заслонило
Путь: я пытаюсь объѣхать его, но куда ни поѣду,
Тамъ и оно; разсердившись, скачу на проломъ; но на встрѣчу
Прыщетъ мнѣ пѣна, и ливнемъ холоднымъ я обданъ, и рвется
Конь мой назадъ; ослѣпленъ, промоченъ до костей, я бросаюсь
Вправо и влѣво, но все не могу попасть на тропинку:
Бѣлый никакъ на нее не пускаетъ меня. Попытаюсь
Ѣхать обратно—за мной по пятамъ онъ, но смиренъ, и волю

Путь продолжать мнѣ даетъ; но лишь только опять на тропинку
Взъѣду—онъ тутъ, и опять заслоняетъ ее, и холодной
Пѣной меня обдаетъ. Наконецъ, по неволѣ я выбралъ
Ту дорогу, къ которой меня онъ тѣснилъ такъ упорно;
Онъ унялся, но все отъ меня не отсталъ, и за мною
Блѣдно-туманнымъ столбомъ подвигался; когда же случалось
Мнѣ оглянуться, то чудилось мнѣ, что этотъ огромный
Столбъ—съ головой; что въ меня упирались тускло и зорко
Съ чуднымъ какимъ-то миганьемъ глаза̀, и кивала
Всякій разъ голова, какъ будто меня понукая
Ѣхать впередъ. Но порою мнѣ просто казалось, что этотъ
Странный гонитель мой былъ лѣсной водопадъ. Наконецъ я,
Выѣхавъ изъ лѣсу, здѣсь очутился и встрѣтился съ вами,
Добрые люди. Тогда пропалъ и упрямый мой спутникъ.—
Рыцарь кончилъ разсказъ свой. Мы рады тебѣ, благородный
Гость нашъ, сказалъ рыбакъ, но пора и о томъ намъ подумать,
Какъ бы тебѣ возвратиться въ городъ.—Ундина, услышавъ
Эти слова, начала про себя тихомолкомъ смѣяться
Съ видомъ довольнымъ. То рыцарь замѣтивъ, сказалъ ей: Ундина!
Развѣ ты рада разлукѣ со мною? Чему ты смѣешься?—
Я ужъ знаю чему, отвѣчала Ундина. Отвѣдай
Этотъ сердитый потокъ переплыть—верхомъ иль на лодкѣ,
Какъ угодно—анъ нѣтъ, не удастся! а моремъ.... давно я
Знаю, что этого сдѣлать нельзя; и отецъ недалеко
Въ море уходитъ съ лодкой своею. Итакъ, оставайся
Съ нами, радъ ли, не радъ ли. Вотъ, чему я смѣюся.
Рыцарь съ улыбкою всталъ, чтобъ видѣть, такъ ли то было,
Что̀ говорила Ундина; всталъ и рыбакъ; а за ними

Вслѣдъ и она. И подлинно все опрокинуто было
Бурей въ лѣсу; потокъ разлился и сталъ полуостровъ
Островомъ. Рыцарь не могъ о возвратѣ и думать, и, долженъ
Былъ по неволѣ онъ ждать, пока въ берега не вольется
Снова потокъ. Возвращаяся въ хижину рядомъ съ Ундиной,
Онъ ей шепнулъ: что́ скажешь, Ундиночка? Рада ль, что съ вами
Я остаюся! — Полно, полно, она проворчала,
Бровки нахмуривъ, не вздумай тебя укусить я за палецъ,
Ты бы не то разсказалъ намъ объ этой несносной Бертальдѣ.

ГЛАВА V.

О томъ, какъ рыцарь жилъ у рыбака въ хижинѣ.

Можетъ быть, добрый читатель, тебѣ случалося въ жизни,
Долго скитавшись туда и сюда, попадать на такое
Мѣсто, гдѣ было тебѣ хорошо, гдѣ живущая въ каждомъ
Сердцѣ любовь къ домашнему быту, къ семейному миру,
Съ новою силой въ тебѣ пробуждалась; и снова ты видѣлъ
Край родимый; и всѣ обаянія младости, блага
Первой, чистой любви, на могилахъ минувшаго снова
Въ прежней красѣ расцвѣтали, и ты говорилъ, отдыхая:
Здѣсь живется сладко, здѣсь сердцу будетъ пріютно.
Вспомнивъ такую минуту, когда очарованной думой
Ты обнималъ безыменное, тайное счастье земное,
Ты, читатель, поймешь, что́ долженъ былъ чувствовать рыцарь,
Вдругъ поселившійся въ этомъ предѣлѣ, далеко отъ свѣта.

Часто онъ съ радостью тайной смотрѣлъ, какъ потокъ, свирѣпѣя,
День ото дня расширялся, и островъ все далѣ и далѣ
Въ море входилъ, разлучаяся съ твердой землею; казалось,
Міръ кончался за нимъ. На сердцѣ рыцаря стало
Тихо, свѣтло и легко. Рыбакъ былъ мудрецъ простодушный;
Зная людей, извѣдавъ тревоги житейскія, бывши
Ратникомъ самъ въ молодыхъ лѣтахъ, на досугѣ онъ много
Могъ разсказать про войну и про счастье, несчастье земное;
Словомъ, онъ былъ живая лѣтопись, время безъ скуки
Шло въ разговорахъ межъ старцемъ отжившимъ и юношей, полнымъ
Пламенной жизни: мудрость смиренная, прямо изъ жизни
Взятая здравымъ разсудкомъ и вѣрою въ Бога, вливалась
Въ душу Гульбранда, и въ ней поселяла блаженную ясность.
Бодрый старикъ промышлялъ по-прежнему рыбною ловлей;
Былъ не безъ дѣла и рыцарь: въ хижинѣ, къ счастью, нашелся
Старый доспѣхъ рыбака, самострѣлъ; его починивши,
Съ нимъ ежедневно рыцарь ходилъ на охоту; а вечеръ
Вмѣстѣ всѣ передъ яркимъ огнемъ проводили, и полный
Кубокъ тогда частенько постукивалъ въ кубокъ: въ запасѣ
Было вино и нерѣдко съ нимъ длилась бесѣда до поздней
Ночи. Но мирной сей жизни была душою Ундина.
Въ этомъ жилищѣ, куда суеты не входили, какимъ-то
Райскимъ видѣньемъ сіяла она: чистота херувима,
Рѣзвость младенца, застѣнчивость дѣвы, причудливость Никсы,
Свѣжесть цвѣтка, порхливость Сильфиды, измѣнчивость струйки...
Словомъ, Ундина была несравненнымъ, мучительно-милымъ,
Чуднымъ созданьемъ; и прелесть ея проницала, томила

Душу Гульбранда, какъ прелесть весны, какъ волшебство
Звуковъ, когда мы такъ полны болѣзненно-сладкою думой.
Но вертлявый, проказливый нравъ и смѣшныя причуды Ундины
Были подъ часъ и докучливой мукой; за то и журили
Крѣпко ее старики; и тогда шалунья такъ мило
Дулась на нихъ, такъ забавно ворчала,—потомъ такъ сердечно
Съ ними, раскаясь, мирилась;—потомъ проказила снова, и снова
Ей доставалось; и все то было волшебною, тайной
Сѣтью, которою мало по малу опуталось сердце
Рыцаря. Съ нею онъ сталъ неразлученъ; съ каждою мыслью,
Съ каждымъ чувствомъ слилась Ундина. Но, имъ обладая,
Той же силѣ она и сама покорялась; хотя въ ней
Все осталось по-прежнему, рѣзвость, причуды, упрямство,
Вздорныя выдумки, дѣтскія шалости, взбалмошный хохотъ,
Но Ундина любила—любила безпечно, какъ любитъ
Птичка, летая средь чистаго неба. Старикъ и старушка,
Видя Ундину и рыцаря вмѣстѣ, невольно привыкли
Ихъ почитать женихомъ и невѣстой. И рыцарю также
Часто на мысль приходило, что въ міръ для него невозвратно
Входъ загражденъ, что съ людьми никогда ужъ ему не встрѣчаться.
Если жъ случалось, что рыцаревъ конь, на свободѣ бродившій
По лугу, ржаньемъ своимъ его пробуждалъ и какъ будто
Спрашивалъ: скоро ли въ битву? иль если ему попадался
Брошенный щитъ на глаза, иль праздно на стѣнкѣ висѣвшій
Мечъ, ненарокомъ сорвавшись съ гвоздя, изъ ноженъ выдвигался
Въ звонкомъ паденьи—дума о славѣ и подвигахъ бранныхъ
Душу его шевелила. Но въ этой тревогѣ себя онъ
Тѣмъ утѣшалъ, что возвратъ для него невозможенъ; къ тому же

Мнилось ему, что Ундина была рождена не для низкой
Доли; и, словомъ, онъ вѣрилъ, что все то не случай, а Божій
Промыселъ было. И такъ одинъ за другимъ непримѣтно
Дни уходили, ясные, тихіе. Но и въ спокойномъ
Этомъ быту напослѣдокъ случилось разстройство: привыкли
Каждый вечеръ рыбакъ и рыцарь, отужинавъ, съ полнымъ
Кубкомъ часъ другой проводить въ разговорѣ радушномъ;
Вдругъ не достало вина: запасъ рыбака небогатый
Вышелъ; взять же новаго было негдѣ. Наморщивъ
Лбы, сидѣли Гульбрандъ и рыбакъ за столомъ; а Ундина,
Глядя на нихъ, умирала со смѣху. Скученъ и дологъ
Былъ тотъ вечеръ, и рано всѣ разошлись. На другой день
Около ужина вышла Ундина изъ хижины. Вы мнѣ
Оба несносны, сказала она; не хочу я на ваши
Длинныя лица смотрѣть и слушать вашу зѣвоту.
Съ этимъ словомъ, захлопнула двери и скрылась. А вечеръ
Былъ ненастенъ, вѣтеръ шумѣлъ, и море сердилось.
Въ страхѣ рыбакъ и рыцарь вскочили, вспомнивъ, какъ въ первый
Разъ перепуганы были Ундиной. Но только
Въ двери за нею они собрались побѣжать, какъ Ундина
Имъ на встрѣчу явилась сама. За мною! за мною
Всѣ! закричала она, гостинецъ прислало намъ море:
Бочка, и вѣрно съ виномъ, лежитъ на пескѣ. За Ундиной
Всѣ пошли, и подлинно бочка нашлася; поспѣшно
Рыцарь, старикъ и съ ними Ундина ее покатили
Къ хижинѣ: буря сбиралась, сквозь сумерки было
Видно, какъ на морѣ волны свои подымали сѣдыя
Головы, дождь вызывая изъ тучъ,—и тучи бѣжали

Шибко и шумно, какъ будто грозяся напасть на идущихъ;
Вотъ ужъ начали сыпаться первыя капли. Ундина
Вдругъ повернула головку, и, пальчикъ поднявши, сердито
Имъ погрозила тучѣ и ей закричала: смотри ты,
Туча, не смѣй замочить насъ; еще намъ далеко до дóма.
Съ сердцемъ рыбакъ ей сказалъ: уймися, Ундина, грѣхъ! И, умолкнувъ,
Стала она про себя потихоньку смѣяться. Однако
Зà-сухо всѣ добралися до мѣста; но только успѣли
Бочку подъ кровлю поставить и вскрыть и отвѣдать, какое
Было вино въ ней, какъ дождь проливной зашумѣлъ, зашатались
Съ скрыпомъ деревья, и море дико завыло. Но бурю
Въ хижинѣ скоро забыли; за полными кружками снова
Умъ разогрѣлся и ожили шутки; и этой бесѣдѣ
Прелесть двойную давалъ огонекъ, всегда столь пріятный
Въ тепломъ пріютѣ, при шумѣ вѣтра и моря, во время
Ночи ненастной. Но вдругъ старикъ, какъ будто что вспомнивъ,
Сталъ задумчивъ; потомъ, помолчавши минуту, сказалъ онъ:
Царь небесный, помилуй насъ грѣшныхъ! мы здѣсь на досугѣ
Шутимъ и этимъ прекраснымъ виномъ веселимся; а бѣдный
Прежній хозяинъ его, быть можетъ, погибъ, и, волнами
Брошенный Богъ-вѣсть куда, лишенъ погребенья. При этомъ
Словѣ Ундина съ лукавой усмѣшкой подвинула кружку
Къ рыцарю. Пей, не бойся, она прошептала. Но рыцарь
За руку взялъ старика и воскликнулъ: я честью клянуся,
Если-бъ могли мы его отыскать и спасти, то ночная
Буря помѣхою мнѣ не была бы: съ опасностью жизни
Я бы на помощь къ нему побѣжалъ; за то обѣщаюсь,

Если когда возвращуся въ край обитаемый, вдвое,
Втрое ему иль дѣтямъ его заплатить за прекрасный
Этотъ напитокъ, который безъ воли его намъ достался.
Добрый старикъ кивнулъ головою въ знакъ одобренья;
Въ нёмъ успокоилась совѣсть и съ бо́льшимъ вкусомъ онъ до́пилъ
Кружку. Но тутъ Ундина сказала Гульбранду: ты денегъ
Сколько угодно можешь за это вино разсорить; но бросаться
Въ воду и жизни своей не жалѣть... вотъ это ужъ глупо
Сказано было; что же будетъ со мною, когда ты,
Милый, погибнешь? Не правда-ль, не правда-ль, ты лучше съ Ундиной
Здѣсь останешься?— Правда, Ундиночка, рыцарь съ улыбкой
Ей отвѣчалъ.—Признайся-жъ, что глупо сказалъ ты: вѣдь каждый
Самъ себѣ ближе; и что̀ до другихъ намъ?... Старушка, услышавъ
Это, тяжко вздохнула; а добрый рыбакъ, не стерпѣвши,
Началъ кричать на Ундину: у турковъ, у нехристей что-ли
Выросла ты, прости мнѣ, Господи? Что̀ за горячку
Снова ты намъ говоришь, грѣховодница? Вдругъ замолчавши,
Робко Ундина прижалась къ Гульбранду; потомъ прошептала:
Что же такое сказала я имъ? Ужъ и ты не сердитъ ли,
Милый мой рыцарь? Но рыцарь, пожавши ей руку, расправилъ
Кудри, упавшіе кольцами ей на глаза, и ни слова
Ей не отвѣтствовалъ: брань рыбака его оскорбила.
Такъ сидѣли всѣ четверо, молча, нахмуривши брови;
Добрую четверть часа продолжалося это молчанье.

ГЛАВА VI.

О томъ, какъ рыцарь женился.

Вдругъ, шатнувшись, тихохонько стукнула дверь; и невольно
Вздрогнули всѣ, какъ будто недоброе что-то почуя:
Страшный лѣсъ былъ близко, а къ хижинѣ доступъ разливомъ
Былъ загражденъ человѣку живому; кому же въ такую
Позднюю пору зайти къ нимъ? Они съ безпокойствомъ смотрѣли
Другъ на друга. Снова послышался стукъ; и поспѣшно
Рыцарь схватился за мечъ. Не поможетъ твой мечъ, сотворивши
Крестъ, рыбакъ прошепталъ, когда здѣсь случается съ нами
То, о чемъ и подумать боюсь я. Но въ эту минуту
Прыгнула съ мѣста Ундина и въ дверь закричала сердито:
Кто тамъ? Если то ваши проказы, духи земные,
Будетъ бѣда вамъ; мой дядя Струй васъ порядкомъ проучитъ.
Пуще прежняго всѣ оробѣли, слова тѣ услышавъ.
Другъ на друга взглянули старикъ и старушка; а рыцарь
Всталъ и хотѣлъ ужъ Ундину спросить, но тутъ изъ-за двери
Голосъ сказалъ: я не духъ, человѣкъ, христіанинъ; впустите
Ради Господа Бога меня. При этомъ поспѣшно Ундина
Дверь отперла, и, поднявши ночникъ, во внутренность темной
Ночи стала свѣтить; престарѣлый священникъ стоялъ тамъ:
Онъ, при видѣ Ундины, назадъ отступилъ, приведенный
Въ робость ея поразительной прелестью; въ бѣдной лачужкѣ
Встрѣчу такой красоты онъ волшебствомъ иль дѣломъ бѣсовскимъ

Счелъ и воскликнулъ: съ нами Господь и Пречистая Дѣва!
—Я не бѣсъ, засмѣявшись, сказала Ундина; не бойся;
Милости просимъ, отецъ; войди, здѣсь добрые люди.
Патеръ вошелъ и ласково всѣмъ поклонился: пріятенъ
Былъ онъ лицомъ, веселая кротость сіяла во взорахъ.
Но по складкамъ длиннаго платья его, съ распущенныхъ
Бѣлыхъ волосъ и сѣдой бороды катилися градомъ
Капли; его промочило дождемъ. Въ боковую каморку
Тотчасъ его отвели, чтобъ раздѣть; а старушка съ Ундиной
Начали мокрое платье сушить на огнѣ. Съ благодарнымъ
Чувствомъ услуги старикъ принималъ; онъ, надѣвъ рыбаково
Верхнее платье, довольно потертое, вышелъ, и снова
Всѣ за столомъ передъ свѣтлымъ каминомъ усѣлись; старушка
Гостю сама уступила почетный стулъ, а Ундина
Въ ноги ему свою скамейку подвинула. Рыцарь,
То увидя, шепнулъ ей шутливое слово; но съ важнымъ
Видомъ она отвѣчала: онъ Божій служитель; не должно
Этимъ шутить. — Поужинавъ, добрымъ виномъ подкрѣпивши
Силы свои, священникъ разсказывать началъ, какимъ онъ
Образомъ свой монастырь, лежащій близъ моря, вчерашнимъ
Утромъ покинулъ. Я былъ къ епископу нашему въ городъ
Посланъ, сказалъ онъ; хотя и есть по изгибу залива
Путь, но моремъ ближе: и я съ гребцами надежными лодку
Нанялъ; съ Богомъ мы съѣздили; ныньче-жъ по утру въ обратный
Поплыли путь; но сдѣлался вѣтеръ противный; а къ ночи
Буря—и буря, какой мнѣ ни разу видать не случалось;
Вѣтромъ вырвало весла изъ рукъ у гребцовъ; безпомощно
Были мы преданы морю, котораго волны какъ щепку

Нашъ челнокъ подымали съ хребта на хребетъ; и несло насъ
Прямо сюда; сквозь туманъ и сквозь пѣну чернѣлъ въ отдаленьи
Этотъ берегъ; ужъ были мы близко; но бѣдную лодку
Нашу такъ и кружило; вдругъ поднялась и на насъ повалилась
Съ страшнымъ шумомъ большая волна; и самъ я не знаю,
Лодку-ль она опрокинула, я ли выпалъ изъ лодки,
Только я вдругъ очутился въ водѣ. Господь не дозволилъ
Мнѣ погибнуть... я былъ принесенъ невредимо на этотъ
Островъ.—Да, островъ, сказалъ со вздохомъ рыбакъ; но давно ли
Былъ онъ твердой землею? Какъ же не скажешь, что море
Съ нашимъ потокомъ бурлитъ за одно?—И самъ я подумалъ
Что-то подобное, патеръ сказалъ: когда я тащился
Берегомъ вашимъ въ потьмахъ, предо мною мелькнула тропинка;
Я по ней и пошелъ; но эта тропинка исчезла
Вдругъ передъ лѣсомъ; ее перерѣзалъ потокъ. Тутъ сверкнулъ мнѣ
Въ вашей хижинѣ свѣтъ, и тотчасъ сюда повернулъ я.
Слава Господу Богу! меня онъ спасъ, да и къ добрымъ
Людямъ еще мнѣ путь указалъ; но за то ужъ отнынѣ,
Кромѣ васъ, никого на землѣ не встрѣчать мнѣ; отнынѣ
Въ этомъ углу весь міръ для меня заключенъ. — Почему же?
Рыцарь спросилъ.—Да кто-жъ, отвѣтствовалъ патеръ, узнаетъ,
Скоро ли кончится эта война безпорядочныхъ стихій;
Я же старъ, и силы мои конечно изсякнутъ
Прежде, чѣмъ этотъ разлившійся бурный потокъ; да случиться
Можетъ и то, что день ото дня все шире и шире,
Глубже и глубже онъ дѣлаться будетъ, и вы напослѣдокъ
Такъ далеко отъ земли отодвинетесь въ море, что въ людяхъ
Даже и память объ васъ совсѣмъ пропадетъ; и тѣмъ легче

Можетъ это случиться, что васъ отъ земли заслоняетъ
Лѣсъ дремучій; потокъ же, я видѣлъ, такъ дикъ и порывистъ,
Такъ широкъ, что и крѣпкому судну не будетъ возможно
Силы его одолѣть.—Сохрани насъ Господь и помилуй,
Крестъ сотворивши, сказала старушка.—Чего же хозяйка
Такъ испугалась? рыбакъ возразилъ. Не то же ли будетъ
Съ нами, что́ было? Чудное дѣло желанья людскія!
Развѣ не все одни мы здѣсь жили? Ни разу во столько
Лѣтъ не ходила ты далѣ опушки нашего лѣса.
Кромѣ меня старика и Ундины, кого ты видала?
Нынѣ же стало у насъ и людно: Господь Богъ послалъ намъ
Добрыхъ гостей на житье. Пускай совсѣмъ разлучится
Островъ нашъ съ твердой землею и люди о насъ позабудутъ:
Намъ же прибыль.—Что́ правда, то правда, сказала старушка;
Только признаться, мнѣ какъ-то страшно подумать, что вѣчно
Намъ ужъ съ людьми не сойтись, что землѣ навсегда мы чужіе.
То услыша, Ундина прижалася къ рыцарю, жаркой
Ручкой стиснула руку ему, и, уставивши глазки,
Полные острыхъ лучей, на него, на распѣвъ прошептала:
«Ты останешься съ нами, ты останешься съ нами»!
Рыцарь молчалъ; онъ былъ очарованъ какимъ-то видѣньемъ;
Былъ глубоко въ себя погруженъ, и Ундиной, желаннымъ,
Найденнымъ счастіемъ жизни полный въ душѣ, не разслушалъ
Словъ Ундины, проказницы рѣзвой, сидѣвшей съ нимъ рядомъ.
Мигъ насталъ роковой: священникъ своими словами
Всѣ сомнѣнья рѣшилъ; все далѣ и далѣ за темный
Лѣсъ убѣгалъ обитаемый свѣтъ; а островъ цвѣтущій,
Гдѣ такъ сладко жилось, все свѣжѣй, зеленѣй, все пріютнѣй

Сердцу его становился,—невѣста, какъ чистая роза,
Тамъ расцвѣтала; и къ нимъ какъ будто бы свыше былъ посланъ
Божій священникъ: то явно было не случай. Къ тому же
Рыцарь замѣтилъ, какъ строго старикъ поглядѣлъ на Ундину
Въ ту минуту, когда, позабывъ о служителѣ церкви,
Такъ беззаботно она къ нему приласкалась. Ундину
Сильной рукой обхвативши, рыцарь всталъ и воскликнулъ:
Честный отецъ, мы женихъ и невѣста; во имя Господне
Благослови насъ, если дадутъ позволеніе эти
Добрые люди. Рыбакъ и старушка весьма изумились.
Правда, имъ часто входило на мысль, что такая развязка
Рано иль поздно случиться должна; но объ этомъ молчали
Даже другъ съ другомъ они; и въ это мгновеніе было
Вовсе нежданнымъ для нихъ предложеніе рыцаря. Долго
Слова ему отвѣчать они не умѣли. Ундина жъ
Вдругъ присмирѣла, задумалась, глазки потупила въ землю.
Тою порою священникъ, спросясь съ старикомъ и старушкой,
Началъ готовить вѣнчальный обрядъ; старушка, очистивъ
Наскоро горницу ту, гдѣ жила съ рыбакомъ, отыскала
Двѣ восковыя свѣчки, которыя были во время
Оно на свадьбѣ ея зажжены: а рыцарь изъ звеньевъ
Цѣпи своей золотой отдѣлилъ два кольца, чтобъ съ невѣстой
Было чѣмъ обручиться. Все устроивъ, священникъ
Брачныя свѣчи зажегъ, и сказалъ жениху и невѣстѣ:
Дайте руку другъ другу.—Ундина, какъ будто проснувшись,
Робко взглянула на рыцаря, вся покраснѣла, и руку
Давши ему, стыдливо и трепетно стала съ нимъ рядомъ.
Кончивъ вѣнчальный обрядъ, новобрачныхъ отецъ ихъ духовный

Перекрестилъ; старики-жъ молодую жену Гульбранда
Обняли съ чувствомъ родительскимъ, громко рыдая. Но въ этотъ
Мигъ священникъ сказалъ: вы странные люди! не сами ль
Вы говорили, что этотъ островъ безлюденъ, что кромѣ
Васъ четверыхъ не живетъ никого здѣсь? А я, въ продолженье
Службы, все видѣлъ, что кто-то въ это окошко, въ широкомъ
Бѣломъ платьѣ, сѣдой и длинный, глядѣлъ; за дверями
Вѣрно стоитъ и теперь онъ, и ждетъ, чтобъ впустили. Спаси насъ,
Дѣва Пречистая, Божія Матерь, сказала старушка;
Молча рыбакъ покачалъ головою; а рыцарь къ окошку
Бросился: не было тамъ никого; но что-то въ потемкахъ,
Видѣлъ онъ, бѣлой струею мелькнуло и скрылось. Отецъ мой,
Ты ошибся, сказалъ онъ священнику. Всѣ беззаботно
Съ этимъ словомъ кругомъ огонька по-прежнему сѣли.

ГЛАВА VII.

О томъ, что случилось въ свадебный вечеръ.

Смирно стояла Ундина во все продолженье обряда;
Но лишь только онъ кончился, вдругъ, какъ будто волшебной
Силой какой, что́ ни было въ ней и причудъ и безпутныхъ
Выдумокъ, все забродило и вспѣнилось; вдругъ принялась
Всѣхъ тормошить, старика, старушку и рыцаря, не былъ
Даже и самъ священникъ оставленъ въ покоѣ. Суровымъ
Словомъ хотѣла хозяйка шалунью унять, какъ бывало; но рыцарь
Съ значащимъ взглядомъ назвалъ ее *своею женою;*

Та́ замолчала. И самъ онъ однако такимъ поведеньемъ
Не былъ доволенъ; но тутъ ни его увѣщанья, ни ласки,
Ни же упреки, ничто помочь не могло. Унималась,
Правда, она на минуту, когда замѣчала досаду
Рыцаря: нѣжно тогда къ нему прижимаясь, ручонкой
Милой своею трепала его по щекѣ и шептала
На ухо слово любви съ небесной улыбкой; но снова
Съ первой взбалмошной мыслію то-жъ начиналось и пуще,
Нежели прежде. Священникъ сказалъ напослѣдокъ: Ундина,
Рѣзвость такая забавна, но въ эту минуту приличнѣй
Было бы вамъ, новобрачной, подумать о томъ, какъ съ душою
Даннаго Богомъ супруга свою сочетать христіански
Душу.—Душу? смѣясь закричала Ундина. Такое
Слово пріятно звучитъ; но много ли въ этомъ пріятномъ
Звукѣ смысла? А если кому души не досталось,
Что́ тому дѣлать? Еще сама я не знаю, была ли,
Есть ли душа у меня?—Оскорбленный глубоко, священникъ,
Строго взглянувъ на нее, замолчалъ; испугавшись, Ундина
Съ дѣтскимъ смиреньемъ къ нему подошла и шепнула: послушай,
Добрый отецъ, не сердися, мнѣ это такъ грустно, такъ грустно,
Что и сказать не могу я; не будь же со мною, незлобнымъ,
Робкимъ созданьемъ, такъ строгъ; напротивъ того, съ снисхожденьемъ
Выслушай то, что̀ хочу исповѣдать искреннимъ сердцемъ.
Видно было, что тяжкая тайна лежала на сердцѣ Ундины;
Что-то хотѣла сказать, но вдругъ поблѣднѣла и горько,
Горько заплакала. Всѣ на нее съ любопытствомъ смотрѣли:
Что́ творилося съ нею, не вѣдалъ никто. Напослѣдокъ

Слезы обтерла она, и священнику, въ сильномъ волненьи
Сжавши руки, сказала: отецъ мой, не правда ль, ужасно
Душу живую имѣть? И не лучше ль, скажи мнѣ, не лучше ль
Вѣчно пробыть безъ души?... Она замолчала, уставивъ
Острый, разстроенный взоръ на священника. Всѣ поднялися
Съ мѣстъ, какъ будто дичася ея; не дождавшись отвѣта,
Съ тяжкимъ вздохомъ, она продолжала: великое бремя,
Страшное бремя душа! при одномъ ужъ ея ожиданьи
Грусть и тоска терзаютъ меня; а до нынѣ мнѣ было
Такъ легко, такъ свободно. Она опять зарыдала,
Скрыла въ ладони лицо, и, свою наклонивши головку,
Плакала горько, а свѣтлые кудри, скатясь на прекрасный
Лобъ и на жаркія щеки, повисли густымъ покрываломъ.
Съ строгимъ лицомъ подошелъ къ ней священникъ; Ундина,
сказалъ онъ,
Именемъ Господа Бога тебѣ говорю: исповѣдай
Душу свою передъ нами, и, если таится въ ней злое,
Богъ милосердъ, Онъ помилуетъ. Тихимъ покорнымъ младенцемъ
Стала она передъ нимъ на колѣни, и, руки сложивши,
Набожно къ небу глаза подняла, и крестилась, и, имя
Божіе славя, твердила, что не было зла никакого
Въ сердцѣ ея. Священникъ сказалъ, обратяся къ Гульбранду:
Рыцарь, вамъ повѣряю я ту, съ которою нынѣ
Самъ сочеталъ васъ; душою она безпорочна, но много
Чуднаго въ ней. Примите мой добрый совѣтъ: осторожность,
Твердость, любовь; остальное на власть милосердаго Бога
Съ вѣрой оставьте. Сказавъ, новобрачныхъ священникъ
Перекрестилъ и вышелъ: за нимъ рыбакъ и старушка,

Также крестясь и молитву читая, вышли. Ундина
Все еще на колѣняхъ стояла въ молчаньи; когда же
Всѣ удалились, она потихоньку лицомъ обернулась
Къ рыцарю, кудри раздвинула, мало по малу, какъ будто
Въ чувство входя, головку свою подняла, и уныло
Очи лазурныя, полныя слезъ, на него устремила:
Милый, ты вѣрно также покинешь меня, прошептала
Робко она, но чѣмъ же я бѣдная, чѣмъ виновата?
Руки ея такъ призывно, такъ жарко къ нему поднялися,
Взоры ея такъ похожи на небо прекрасное стали,
Голосъ ея такъ глубоко изъ сердца раздался, что рыцарь
Все позабылъ, и въ порывѣ любви протянулъ къ ней объятья;
Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась къ милому въ руки Ундина,
Грудью прильнула ко груди его и на ней онѣмѣла.

ГЛАВА VIII.

О томъ, что случилось на другой день свадьбы.

Свѣжій утренній лучъ разбудилъ новобрачныхъ; блаженствомъ
Ясныя очи Ундины горѣли; а рыцарь въ глубокой
Думѣ молчалъ про себя; всю ночь онъ видѣлъ какой-то
Странный, мучительный сонъ: все снилось ему, что хотѣли
Бѣсы его обольстить подъ видомъ красавицъ, что въ змѣевъ
Адскихъ красавицы всѣ передъ нимъ обращались. Проснувшись
Въ страхѣ, онъ началъ смотрѣть недовѣрчиво: тутъ ли Ундина?
Нѣтъ ли въ ней какой перемѣны?.... Но было все тихо,

Буря кончилась; полный мѣсяцъ свѣтилъ, и Ундина
Сномъ глубокимъ спала, положивши горячую щеку
На руку; вольно дышала она и сквозь сонъ, какъ журчанье,
Шопотъ невнятный бродилъ по жарко-раскрывшимся губкамъ.
Видомъ такимъ успокоенный, рыцарь заснулъ, но въ другой разъ
Тотъ же сонъ! наконецъ засіяла заря и проснулися оба.
Сонъ разсказавши, рыцарь просилъ, чтобъ Ундина простила
Страхъ безразсудный ему. Вздохнувши, прекрасную руку
Съ грустью она ему подала, и ни слова; но сладкій,
Полный глубокой любовію взглядъ, какого дотолѣ
Рыцарь въ лазоревыхъ глазкахъ ея не встрѣчалъ, безотвѣтно
Выразилъ все. Съ довольнымъ сердцемъ онъ всталъ, и къ домашнимъ
Вышелъ; всѣ трое сидѣли, молча, на лицахъ ихъ видно
Было, что тяжко тревожило ихъ ожиданье развязки;
Видно было, что внутренно Бога священникъ молилъ: да поможетъ
Имъ защититься отъ козней врага. Но какъ скоро явился
Съ яснымъ лицомъ новобрачный, то вмигъ и у нихъ просіяли
Души и лица; рыбакъ и старушка заплакали; къ небу
Взоръ благодарный поднялъ священникъ. Потомъ и Ундина
Вышла; они хотѣли пойти къ ней на встрѣчу, но стали
Всѣ неподвижны: такъ знакома и такъ незнакома
Имъ въ красотѣ довершенной она показалась. Священникъ
Первый къ ней подошелъ; но лишь только онъ руку, чтобъ дать ей
Благословеніе, поднялъ, она ему поклонилась
Въ землю, и стала прощенья просить въ словахъ безразсудныхъ,
Сказанныхъ ею вчера; потомъ примолвила: добрый
Другъ, помолись о спасеньи моей души многогрѣшной.

Вставши, она обняла стариковъ, и то, чтó сказала
Имъ, было такъ полно души, такъ было ихъ слуху
Ново, и такъ далеко отъ всего, чтó прежде плѣняло
Въ ней, не касаясь до сердца, что оба они, зарыдавши,
Стали молиться вслухъ и ее называли небеснымъ
Ангеломъ, дочкой родною; она же съ сердечнымъ смиреньемъ
Ихъ цѣловала; такой и осталась она съ той минуты:
Кроткой, покорной женою, хозяйкой заботливой, въ то же
Время дѣвственно-чистымъ, божественно-милымъ созданьемъ.
Рыцарь, старикъ и старушка, давно ужъ привыкнувъ къ причудамъ
Дѣтскимъ ея, все ждали, что снова она, какъ и прежде,
Станетъ проказить, но въ этотъ разъ они обманулись:
Ангеломъ тихимъ осталась Ундина. Священникъ, любуясь
Ею, воскликнулъ; радуйтесь, рыцарь; Господь милосердый
Вамъ даровалъ чрезъ меня недостойнаго рѣдкое счастье;
Будетъ добро вамъ и въ здѣшней и въ будущей жизни, когда вы
Чистымъ его сохраните. Господь, помоги вамъ обоимъ!
Около вечера, съ нѣжностью робкой Ундина, взявши Гульбранда
За руку, тихо его повлекла за собою на вольный
Воздухъ. Безоблачно солнце садилось, свѣтя на зеленый
Дернъ сквозь чащу деревъ, за которыми тихо горѣло
Море вдали. Во взорахъ жены молодой трепетало
Пламя любви, какъ роса на лазурныхъ листкахъ; но казалось
Грустная тайна уста ей смыкала, порой выражаясь
Вздохомъ невнятнымъ. Въ молчаньи она вела за собою
Рыцаря далѣ: когда же съ ней говорилъ онъ, отвѣта
Не было, взоръ одинъ отвѣчалъ; но въ этомъ сердечномъ
Взорѣ цѣлое небо любви и смиренья лежало.

Такъ подошли напослѣдокъ они къ лѣсному потоку....
Что же рыцарь увидѣлъ? Разливъ уже миновался:
Мелкимъ ручьемъ стремился потокъ. Онъ исчезнетъ
Къ утру совсѣмъ, сказала Ундина, скрывая рыданье;
Завтра кончится все, и тебѣ ужъ препятствія болѣ,
Милый, не будетъ отсель удалиться, какъ скоро захочешь.—
Вмѣстѣ съ тобою, Ундиночка, рыцарь отвѣтствовалъ. — Это
Въ волѣ твоей, шепнула она, усмѣхаясь сквозь слезы.
Другъ, я знаю, что ты Ундиночку любишь. Она же
Всею душою твоя, и навѣкъ. Но, милый, послушай,
Перенеси меня на рукахъ на этотъ зеленый
Островъ; тамъ пріютнѣй. Хотя и самой мнѣ сквозь волны
Было-бъ нетрудно туда проскользнуть, но, другъ, мнѣ такъ сладко
Быть на рукахъ у тебя. И, если намъ должно разстаться,
То хоть въ послѣдніе счастьемъ земнымъ подышу я
Здѣсь у тебя на груди. И растроганъ, встревоженъ,
Рыцарь Ундину на руки взялъ и понесъ черезъ воду.
Было то мѣсто знакомо, то былъ островокъ, на которомъ
Встрѣтился рыцарь съ Ундиною въ бурю. Ее опустилъ онъ
Тихо на шелковый дернъ и хотѣлъ помѣститься съ ней рядомъ.
— Нѣтъ, не рядомъ со мной, а противъ меня ты садися,
Милый, сказала она: хочу я прежде, чѣмъ словомъ
Будешь отвѣтствовать мнѣ, твой отвѣтъ въ непритворныхъ
Взорахъ твоихъ заранѣ угадывать. Слушай. Ты долженъ
Знать, ужъ на дѣлѣ узналъ ты, что есть на свѣтѣ созданья,
Вамъ подобныя видомъ, но съ вами различнаго свойства.
Рѣдко ихъ видите вы. Въ огнѣ живутъ саламандры,
Чудныя, рѣзвыя, легкія! въ нѣдрахъ земли, неприступныхъ

Свѣту, водятся хитрые гномы; въ воздухѣ вѣютъ
Сильфы; лоно морей, озеръ и ручьевъ населяютъ
Духи веселые водъ. Прекрасно и вольно живется
Тамъ, подъ звонко-кристальными сводами; небо и солнце
Свѣтятъ сквозь нихъ; и небесныя звѣзды туда проницаютъ,
Тамъ на высокихъ деревьяхъ коралловыхъ, пурпуромъ яркимъ,
Темнымъ сапфиромъ блистаютъ плоды; тамъ гуляешь по мягкимъ
Свѣжимъ песочнымъ коврамъ, узорами раковинъ пестрыхъ
Хитро украшеннымъ; многое, бывшее чудомъ минувшихъ
Лѣтъ, облеченное тайнымъ серебрянныхъ водъ покрываломъ,
Видится тамъ въ величавыхъ развалинахъ; влага съ любовью
Ихъ объемлетъ, въ мохъ и цвѣты водяные ихъ рядитъ,
Пышнымъ вѣнцомъ тростника ихъ сѣдыя главы обвиваетъ.
Жители странъ водяныхъ обольстительно-милы, прекраснѣй
Самыхъ людей. Случалось не разъ, что рыбакъ, подглядѣвши
Дѣву морскую, — когда, изъ воды подымаяся тайно,
Пѣла она и качалась на зыбкой волнѣ, — повергался
Въ хладную влагу за нею. Ундинами чудныя эти
Дѣвы слывутъ у людей. И, другъ, ты теперь предъ собою
Въ самомъ дѣлѣ видишь Ундину.—Гульбрандъ содрогнулся:
Холодъ по членамъ его пробѣжалъ; неподвиженъ, какъ камень,
Молча и дико смотрѣлъ онъ въ лицо разсказчицы милой,
Силъ не имѣя очей отвести. Покачавъ головою,
Грустно замолкла она, вздохнула, потомъ продолжала:
Видомъ наружнымъ мы тоже, что люди, быть можетъ и лучше,
Нежели люди; но съ нами не то, что съ людьми; покидая
Жизнь, мы вдругъ пропадаемъ какъ призракъ, и тѣломъ и духомъ
Гибнемъ вполнѣ, и самый нашъ слѣдъ исчезаетъ; изъ праха

Въ лучшую жизнь переходите вы; а мы остаемся
Тамъ, гдѣ жили: въ воздухѣ, искрѣ, волнѣ и пылинкѣ.
Намъ души не дано; пока продолжается наше
Здѣсь бытіе, намъ стихіи покорны; когда-жъ умираемъ,
Въ ихъ переходимъ мы власть, и онѣ насъ вмигъ истребляютъ:
Веселы мы, и насъ ничто не тревожитъ, какъ птичекъ
Въ рощѣ, рыбокъ въ водѣ, мотыльковъ на лугу благовонномъ.
Все однако стремится возвыситься: такъ и отецъ мой,
Сильный царь въ голубой глубинѣ Средиземнаго моря,
Мнѣ, любимой, единственной дочери, душу живую
Дать пожелалъ, хотя онъ и вѣдалъ, что съ нею и горе
(Всѣхъ, одаренныхъ душою, удѣлъ) меня не минуетъ.
Но душа не иначе дана быть намъ можетъ, какъ только
Тѣснымъ союзомъ любви съ человѣкомъ. И, милый, отнынѣ
Я съ душою навѣки; тебѣ одному благодарна
Я за нее, и тебѣ-жъ благодарна останусь, когда ты
Жизнь не осудишь мою на вѣчное горе. Чтó будетъ
Съ бѣдной Ундиной, когда ты покинешь ее? Но обманомъ
Сердце твое сохранить она не хотѣла. Теперь ты
Знаешь все, и, если меня оттолкнуть ты рѣшился,
Сдѣлай это теперь же: одинъ перейди на противный
Берегъ; я брошуся въ этотъ потокъ—онъ мой дядя; издавна
Въ нашемъ лѣсу онъ свободную, чудную жизнь, какъ пустынникъ,
Розно съ родней и друзьями проводитъ. Онъ силенъ и многимъ
Старымъ рѣкамъ и могучимъ потокамъ союзникъ. Принесъ онъ
Нѣкогда къ жителямъ хижины здѣшней меня беззаботнымъ,
Яснымъ, веселымъ младенцемъ; и онъ же нынѣ отсюда
Въ домъ отца моего меня отнесетъ измѣненнымъ, живую

Душу пріявшимъ созданьемъ, любящей, скорбящей женою.
Далѣ она говорить не могла; пораженный, плѣненный,
Рыцарь ее обхватилъ, и на руки поднялъ и вынесъ
На берегъ; тамъ передъ небомъ самимъ повторилъ онъ обѣтъ свой:
Съ ней неразлучно жить на землѣ и дѣлить все земное.
Въ сладкомъ согласіи, за руки взявшись, медлительнымъ шагомъ
Въ хижину оба пошли. И Ундина, глубоко постигнувъ
Благо святое души, перестала жалѣть о прозрачномъ
Морѣ и влажныхъ жилищахъ отцовскаго чуднаго царства.

ГЛАВА IX.

О томъ, какъ рыцарь и его молодая жена оставили хижину.

Рыцарь, проснувшись съ зарей на другой день, весьма удивился,
Видя, что подлѣ него Ундины нѣтъ, и снова онъ началъ
Думать, что все, происшедшее съ нимъ въ послѣднее время,
Было мечта. Но въ эту минуту Ундина явилась;
Сѣвши къ нему на постель, сказала она: я ходила
Въ лѣсъ провѣдать, исполнилъ ли дядя свое обѣщанье?
Все исполнено; воды свои онъ собралъ и снова
Лѣсомъ бѣжитъ одинокъ, невидимъ и задумчиво шепчетъ;
Всѣхъ водяныхъ и воздушныхъ друзей распустилъ онъ, и стало
Тихо въ лѣсу, и все въ порядкѣ по-прежнему; можемъ,
Милый, отправиться въ путь, какъ скоро захочешь.—Съ какимъ-то
Страннымъ чувствомъ, похожимъ на робость, слушалъ Ундину
Рыцарь: ея родные были ему не по сердцу.

Но Ундина своею тихою прелестью снова
Сладкій покой возвратила ему, и, любуясь съ ней вмѣстѣ
Зеленью берега, такъ благовонно, свѣжо и прозрачно
Свѣтлою влагой объятаго, рыцарь сказалъ: для чего же
Такъ намъ спѣшить отсюда, Ундина? Ужъ вѣрно не встрѣтимъ
Мы нигдѣ толь мирнаго счастья, какимъ насладились
Въ этомъ краю; побудемъ же здѣсь; никто насъ не гонитъ.
— Что ты, мой другъ, прикажешь, то и будетъ, сказала съ покорнымъ
Видомъ Ундина; но слушай: моимъ старикамъ разлучаться со мною
Тяжко и такъ, а они еще не знаютъ Ундины,
Новой, нѣжной, любящей, смиренной Ундины; и все имъ
Мнится еще, что смиренье мое ненадежнѣй покоя
Водъ; и меня легко позабудутъ они какъ весенній
Цвѣтъ, какъ быструю птичку, какъ свѣтлое облако; дай же,
Милый, въ тотъ мигъ, какъ навѣкъ на землѣ намъ должно разстаться,
Скрыть мнѣ отъ нихъ тобой сотворенную, вѣрную душу.
Если же долѣе здѣсь мы пробудемъ, то буду ль умѣть я
Такъ притвориться, чтобы имъ моя не открылася тайна?
Рыцарь былъ убѣжденъ, и вмигъ собралися въ дорогу:
Снова коня осѣдлали; священникъ вызвался съ ними
Въ городъ идти черезъ лѣсъ, и съ рыцаремъ вмѣстѣ Ундинѣ
Сѣсть помогъ на сѣдло. Обнялись, разстались; Ундина
Плакала тихо, но горько; добрый рыбакъ и старушка
Выли голосомъ, глядя за нею вслѣдъ, и какъ будто
Вдругъ догадавшись, какое сокровище въ эту минуту

Въ ней потеряли. Въ грустномъ молчаньи впередъ подвигались
Путники. Гущи лѣсной ужъ достигли они, и прекрасно
Было видѣть въ зеленой тѣни, на разубранномъ пышно
Гордомъ конѣ, молодую робкую всадницу, справа
Стараго патера въ бѣлой одеждѣ, а слѣва, въ богатомъ
Пестромъ уборѣ, прекраснаго рыцаря. Бережно чащей
Лѣса они пробирались. Рыцарь одну лишь Ундину
Видѣлъ; Ундина-жъ влажныя очи свои въ упоеньи
Новой души на него одного устремляла, и скоро
Тихій, нѣмой разговоръ начался между ними изъ нѣжныхъ
Взглядовъ и вздоховъ. Но вдругъ онъ былъ прерванъ какимъ-то
Шопотомъ страннымъ: шелъ рядомъ съ священникомъ кто-то
четвертый,
Къ нимъ недавно приставшій. Онъ-то шепталъ. Какъ священникъ,
Былъ онъ въ бѣломъ платьѣ, лицо закрывалось какимъ-то
Страннымъ, широкимъ покровомъ, котораго складки, какъ волны,
Падали съ плечъ и станъ обвивали: и онъ безпрестанно
Ихъ поправлялъ, закидывалъ на руку полы, вертѣлся,
Прыгалъ; но это ему ни идти, ни болтать не мѣшало.
Вотъ что́ шепталъ онъ въ ту минуту, когда молодые
Вслушались въ рѣчи его: ужъ давно, давно, преподобный,
Въ этомъ лѣсу я живу, какъ у васъ говорится, монахомъ:
Правда, я не пощусь, не спасаюсь, а просто мнѣ любо
Жить на волѣ въ глуши и въ этомъ бѣломъ, волнистомъ
Платьѣ подъ тѣнью густою разгуливать. Часто и солнце
Чудно сверкаетъ по складкамъ моимъ; а когда я кустами
Крадусь, бываетъ такой веселый шорохъ, что сердце
Прыгаетъ....—Вы человѣкъ замѣчательный, молвилъ священникъ;

Я бы желалъ покороче узнать васъ.—А ты кто? когда ужъ
Дѣло у насъ пошло на разспросы, сказалъ незнакомецъ.—
Патеръ Лаврентій, священникъ Маріинской пустыни.—Дѣльно;
Я же, просто сказать, свободный лѣсной обыватель;
Имя мнѣ—Струй; ремесла не имѣю; воленъ, какъ птица;
Нѣтъ у меня господина; гуляю и все тутъ. Однако
Нужно мнѣ кое-что молвить вотъ этой красавицѣ. Съ этимъ
Словомъ онъ прянулъ къ Ундинѣ, вдругъ выросъ, и подлѣ
Уха ея очутилась его голова. Но Ундина
Въ страхѣ его оттолкнула, воскликнувъ: поди поскорѣе
Прочь; я болѣе съ вами не знаюсь.—О! о! да какая-жъ
Замужемъ стала она спѣсивая! съ нами роднею
Знаться не хочетъ! Да кто же, скажи мнѣ, пожалуй, не я ли,
Дядя твой Струй, малютку тебя на спинѣ изъ подводной
Области на берегъ здѣшній принесъ? Позабыла?—Оставь насъ,
Именемъ Бога тебя умоляю, сказала Ундина;
Ты мнѣ страшенъ; ты сдѣлаешь то, что и мужъ мой дичиться
Станетъ меня, какъ скоро увидитъ съ такою роднею.—
Здѣсь я не даромъ; хочу проводить васъ, иначе едва ли
Вамъ черезъ лѣсъ удастся пройти безопасно. А этотъ
Патеръ ужъ знаетъ меня; говоритъ онъ, что будто
Былъ я въ лодкѣ, когда онъ въ воду упалъ; и конечно
Былъ я въ лодкѣ; я въ эту лодку прянулъ волною,
Вырвалъ его изъ нея и на берегъ вынесъ, чтобъ свадьбу
Можно было сыграть вамъ.—Ундина и рыцарь при этомъ
Словѣ взглянули на патера: шелъ онъ, какъ будто въ глубокій
Сонъ погруженный, не слыша того, что́ вблизи говорилось.
Вотъ и лѣсу конецъ, сказала дядѣ Ундина,

Помощь твоя теперь не нужна, оставь насъ; простимся
Съ миромъ; исчезни. Струй разсердился; онъ сдѣлалъ такую
Страшную харю, и такъ глазами сверкнулъ, что Ундина
Громко вскрикнула; рыцарь выхватилъ мечъ и хотѣлъ имъ
Въ голову Струя ударить, но мечъ по волнамъ водопада
Съ свистомъ хлеснулъ, и въ водѣ какъ будто кипящій
Хохотъ раздался; рыцаря обдало пѣной холодной.
Патеръ, вдругъ очнувшись, сказалъ: я предвидѣлъ, что это
Съ нами случится, лѣсной водопадъ былъ такъ близко; и все мнѣ
Мнилось до сихъ поръ, что онъ живой человѣкъ, и какъ будто
Съ нами шепчетъ. И подлинно рыцарю на ухо внятно
Вотъ что шепталъ водопадъ: ты смѣлый рыцарь, ты бодрый
Рыцарь; я силенъ, могучъ; я быстръ и гремучъ; не сердиты
Волны мои; но люби ты, какъ очи свои, молодую,
Рыцарь, жену, какъ живую люблю я волну... И волшебный
Шопотъ, какъ ропотъ волны, разлетѣвшейся въ брызги, умолкнулъ.
Кончился лѣсъ, и вышли въ поле они: тамъ имперскій
Городъ лежалъ передъ ними въ лучахъ заходящаго солнца.

1835 г.

НОЧНОЙ СМОТРЪ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горячихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:

Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сюртукъ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фрунту;
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.

И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И *Франція*—тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ—*Святая Елена.*

Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ императоръ усопшій.

1836 г.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ПЕРСИДСКАЯ ПОВѢСТЬ, ЗАИМСТВОВАННАЯ ИЗЪ ШАХЪ-НАМЭ.

ТРЕТІЙ БОЙ.

Рустемъ, избавясь отъ бѣды,
Одинъ остался; нѣсколько мгновеній
Онъ былъ объятъ глубокой думой; вдругъ—
Какъ-будто чтó напомнилось ему—
Пошелъ поспѣшнымъ шагомъ
Къ потоку, гдѣ его могучій Громъ
Подъ деревомъ привязанный стоялъ.
Была недалеко оттуда
Утесистая дебрь. И много лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ этой дебри
Имѣлъ Рустемъ свиданье съ горнымъ духомъ.
Въ то время былъ онъ одаренъ
Такою непомѣрной силой,
Что не врагамъ однимъ, и самому
Ему она была во вредъ;
Его земля не выносила;
Когда онъ шелъ по каменному кряжу,

Какъ на пескѣ, глубокіе слѣды
Огъ погъ его на камняхъ оставались.
Такъ нѣкогда съ тяжелою добычей,
Отнятою у турковъ, онъ
Во иракѣ почи пробирался
Съ трудомъ великимъ тою дебрью:
При каждомъ шагѣ увязали
Его по щиколотку ноги въ землю;
Онѣ ее, какъ плугъ желѣзный, рыли.
Вдругъ близъ него во тьмѣ раздался
Осиплый хохотъ. Кто хохочетъ? гнѣвно
Спросилъ Рустемъ. Глухой отвѣтъ былъ: я!—
А ты кто?—Горный духъ.—Чему смѣешься?—
Смѣюсь тому, что ты, силачъ,
Съ своей не можешь сладить силой;
Она чрезмѣрпа для тебя.
Отдай на сохраненье мнѣ
Ея излишекъ; если—
Когда отъ лѣтъ твои разслабнутъ члены—
Она тебѣ понадобится снова,
Приди сюда, и кликни—я откликнусь,
И отъ меня ее сполна опять
Получишь ты безпрекословно.
И духу горному Рустемъ
На сбереженье отдалъ
Излишекъ силы. И теперь,
Когда отъ лѣтъ его разслабли члены,
Пришелъ опъ въ дебрь у духа взять

Обратно ввѣренный залогъ;
Онъ чувствовалъ, что силой половинной
Ему не одолѣть Зораба.
И въ ярости съ собой онъ говорилъ:
Онъ жить не долженъ; имъ въ виду
Ирана былъ я опозоренъ,
Онъ смѣлъ колѣномъ стать на грудь
Упавшаго къ ногамъ его Рустема;
И имъ къ постыдному обману
Рустемъ, дотолѣ безпорочный,
Былъ приневоленъ, чтобъ спасти
Свою обруганную жизнь.
Не потерплю, не потерплю,
Чтобъ на одной землѣ со мною
Хоть мигъ одинъ могъ продышать
Создатель моего позора.

Такъ думалъ онъ, вступая въ глубину
Утесистой, пустынной дебри.
Тамъ на престолѣ скалъ мохнатыхъ
Сидѣлъ могучій духъ. И онъ увидѣлъ,
Что кто-то, мрачный, озираясь
По сторонамъ, ущельемъ шелъ;
И понялъ духъ, что путникъ
Искалъ свиданья съ нимъ; густою мглой
Была его покрыта голова,
Какъ шлемомъ; онъ дохнулъ, и мгла
Слетѣла съ головы; и духъ

Сталъ видимъ, хмурый и туманный;
И онъ спросилъ: къ кому пришелъ ты?—
Къ тебѣ, отвѣтствовалъ Рустемъ.
Я узнаю тебя; ты все таковъ же,
Какимъ давно на этомъ мѣстѣ
Со мною встрѣтился впервые;
Не устарѣлъ, не посѣдѣлъ; а ты
Меня узналъ ли?—Темный духъ
Отвѣтствовалъ: съ трудомъ; ты сталъ
И старъ, и сѣдъ. Скажи-жъ, зачѣмъ тебя
Твои хилѣющія ноги
Въ мою пустыню принесли?
Рустемъ сказалъ: отдай обратно
Мою мнѣ силу. Я донынѣ
Доволенъ былъ однимъ ея участкомъ;
Теперь она нужна мнѣ вся.
Отдай мнѣ, духъ, ея излишекъ,
Оставленный тебѣ на сохраненье.
Духъ отвѣчалъ: Рустемъ, навѣки
Теряетъ силу человѣкъ,
Когда она его сама съ годами,
Медлительно, неудержимо
И невозвратно покидаетъ;
Но ты свою мнѣ силу,
Во цвѣтѣ лѣтъ, по доброй волѣ
На сбереженье отдалъ самъ —
И мной тебѣ она сбережена;
Въ груди гранита моего

Цѣлѣе, чѣмъ въ твоей груди,
Неизмѣненная, она
Лежитъ. Но для чего, Рустемъ,
На плечи дряхлыя свои
Такой великій грузъ ты хочешь
Такъ поздно возложить? Остерегись,
Сѣдой боецъ; ты на себя
Кладешь бѣду. Твое желанье
Исполнить я не отрекуся,
И если ты рѣшился твердо
Взять отъ меня залогъ свой роковой,
Возьми, но знай: возьмешь не на благое,
А на губительное дѣло.
Еще не поздно; мой совѣтъ
Спасителенъ; прими его, Рустемъ:
Оставь свою въ покоѣ силу;
Ты славныхъ дѣлъ немало совершилъ —
Доволенъ будь; страшуся я,
Что на себя своимъ послѣднимъ дѣломъ
Ты бѣдствіе великое накличешь,
И самъ своею силой
Свою погубишь силу.

Тѣмъ временемъ Зорабъ, съ охоты
На мѣсто боя возвратясь,
Въ недоумѣніи стоялъ и озирался —
Рустема не было. И онъ не зналъ,
Дождаться ли его, иль удалиться.

А съ неба день ужъ начиналъ
Сходить, и тѣни становились
Длиннѣе. Но... Зорабовъ часъ ударилъ;
Зорабъ остался; онъ подумалъ:
«Соперникъ мой меня
Здѣсь долго утромъ ждалъ —
Я вечеромъ его дождаться долженъ.
А вечеръ вышелъ не таковъ,
Какимъ его намъ утро обѣщало,
И солнце сѣло, въ небесахъ
Зарю кровавую оставя.
Но гдѣ же онъ?»... И въ этотъ мигъ
На заревѣ заката отразился,
Какъ темный метеоръ, огромный станъ Рустема:
Зорабъ невольно содрогнулся.
Какъ будто чародѣйной силой
Преображенный, чудно
Блистающій, помолодѣлый,
Представился очамъ его Рустемъ.
Онъ на него глядѣлъ въ недоумѣньи,
И, не посмѣвъ спросить, гдѣ онъ такъ долго
Промедлилъ, шопотомъ сказалъ: должны ли
Мы продолжать? До наступленья ночи,
Успѣемъ ли?... Успѣемъ, перебилъ
Его слова Рустемъ сурово.
И вышли — яростный отецъ
На сына съ силою двойною,
И на отца оторопѣлый сынъ

Съ полуразрушенною силой.
Восходитъ день, когда нисходитъ ночь,
Восходитъ ночь, когда нисходитъ день —
Такъ и теперь насталъ чередъ Рустему.
Вечерней мглою затянувшись,
День удалившійся — простеръ
Полутуманное мерцанье
Надъ мѣстомъ бѣдствія и крови;
Два воинства стояли тамъ
Безмолвными свидѣтелями боя....
Но какъ онъ былъ? И что свершилось?
Того ни чье не зрѣло око...
Они сошлись — и вмигъ всему конецъ;
Рустемъ рванулъ—Зорабъ упалъ къ его ногамъ;
Рустемъ давнулъ — и въ грудь Зораба
Глубоко врѣзался кинжалъ.

Зорабъ, смертельно пораженный,
Сказалъ: о, ты, невѣрный обольститель!
Такая-ль отъ тебя награда
За то, что былъ ты мною пощаженъ?
Ты небылицей о Рустемѣ,
Ты именемъ Рустема жизнь мою,
Какъ воръ ночной укралъ. Но будь
Ты птицей въ воздухѣ иль рыбою въ водѣ,
Не избѣжишь, хотя и въ гробѣ
Лежать я буду, мщенья отъ Рустема,
Когда раздастся всюду слухъ

(А онъ раздастся скоро),
Что здѣсь предательски зарѣзанъ
Тобою сынъ—Рустема и Темины.
Отъ этихъ словъ затрепеталъ
Рустемъ, какъ будто вдругъ ударомъ грома
Пронзенный, съ головы до ногъ.
Что говоришь ты, сынъ бѣды?
Воскликнулъ онъ. Скорѣе отвѣчай:
Кто твой отецъ? — «Я сынъ Рустема и Темины»,
Съ блеснувшей гордостью на блѣдномъ
Лицѣ — сказалъ Зорабъ.
«Отецъ мой—стражъ Ирана многославный;
А мать моя — краса и слава Семенгама,
И ею былъ сюда я посланъ
Отыскивать отца, столь много лѣтъ
Съ ней разлученнаго. Чтобъ могъ
Меня Рустемъ признать за сына,
Я долженъ былъ ему повязку, на прощаньи
Имъ данную Теминѣ, показать;
И чтобъ сберечь ее вѣрнѣй,
Не на рукѣ, а на груди
Всегда носилъ я ту повязку;
Открой мнѣ грудь—увидишь самъ.»
Такъ говорилъ онъ: отъ страданья
Душа рвалася изъ Рустема.
Дрожа, какъ листъ, одежду онъ раскрылъ...
И тамъ (увидѣлъ онъ) сидѣлъ,
Какъ жаба черная на бѣлыхъ розахъ,

Въ груди кинжалъ, до рукояти
Въ нее вонзенный, какъ въ ножны.
Его Рустемъ изъ раны вынулъ,
И быстро побѣжала съ жизнью
Струя горячей крови;
И яркимъ пурпуромъ ея
Рустемова повязка облилася.
Онъ поблѣднѣлъ, ее увидя,
И глухо прошепталъ,
Какъ будто задушенный:
Зорабъ, ты сынъ мой... я Рустемъ!

1849 — 47 г.

СКАЗКА

О

ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ

И СѢРОМЪ ВОЛКѢ.

Давнымъ давно былъ въ нѣкоторомъ царствѣ
Могучій царь, по имени Демьянъ
Данииловичъ. Онъ царствовалъ премудро;
И было у него три сына: Климъ
Царевичъ, Петръ царевичъ и Иванъ
Царевичъ. Да еще былъ у него
Прекрасный садъ, и чудная росла
Въ саду томъ яблоня: все золотыя
Родились яблоки на ней. Но вдругъ
Въ тѣхъ яблокахъ царевыхъ оказался
Великій недочетъ; и царь Демьянъ
Данииловичъ былъ такъ тѣмъ опечаленъ,
Что похудѣлъ, лишился аппетита
И впалъ въ безсонницу. Вотъ наконецъ,
Призвавъ къ себѣ своихъ трехъ сыновей,

Онъ имъ сказалъ: сердечные друзья
И сыновья мои родные, Климъ
Царевичъ, Петръ царевичъ и Иванъ
Царевичъ! должно вамъ теперь большую
Услугу оказать мнѣ; въ царскій садъ мой
Повадился таскаться ночью воръ;
И золотыхъ ужъ очень много яблокъ
Пропало; для меня жъ пропажа эта
Тошнѣе смерти. Слушайте, друзья:
Тому изъ васъ, кому поймать удастся
Подъ яблоней ночного вора, я
Отдамъ при жизни половину царства;
Когда жъ умру, и все ему оставлю
Въ наслѣдство. Сыновья, услышавъ то,
Что́ имъ сказалъ отецъ, уговорились
Поочередно въ садъ ходить, и ночь
Не спать и вора сторожить. И первый
Пошелъ, какъ скоро ночь настала, Климъ
Царевичъ въ садъ, и тамъ залегъ въ густую
Траву подъ яблоней, и съ полчаса
Въ ней пролежалъ, да и заснулъ такъ крѣпко,
Что полдень былъ, когда, глаза продравъ,
Онъ поднялся, во весь зѣвая ротъ.
И, возвратясь, царю Демьяну онъ
Сказалъ, что воръ въ ту ночь не приходилъ.
Другая ночь настала; Петръ царевичъ
Сѣлъ сторожить подъ яблонею вора;
Онъ цѣлый часъ крѣпился, въ темноту

Во всѣ глаза глядѣлъ; но въ темнотѣ
Все было пусто; наконецъ и онъ,
Не одолѣвъ дремоты, повалился
Въ траву и захрапѣлъ на цѣлый садъ.
Давно былъ день, когда проснулся онъ.
Пришедъ къ царю, ему донесъ онъ такъ же,
Какъ Климъ царевичъ, что и въ эту ночь
Красть царскихъ яблокъ воръ не приходилъ.
На третью ночь отправился Иванъ
Царевичъ въ садъ, по очереди вора
Стеречь. Подъ яблоней онъ притаился,
Сидѣлъ не шевелясь, глядѣлъ прилежно,
И не дремалъ; и вотъ, когда настала
Глухая полночь, садъ весь облеснуло,
Какъ будто молніей; и что же видитъ
Иванъ царевичъ? Отъ востока быстро
Летитъ жаръ-птица, огненной звѣздою
Блестя и въ день преобращая ночь.
Прижавшись къ яблонѣ, Иванъ царевичъ
Сидитъ, не движется, не дышетъ, ждетъ,
Что́ будетъ? Сѣвъ на яблоню, жаръ-птица
За дѣло принялась, и нарвала
Съ десятокъ яблокъ. Тутъ Иванъ царевичъ,
Тихохонько поднявшись изъ травы,
Схватилъ за хвостъ воровку; уронивъ
На землю яблоки, она рванулась
Всей силою и вырвала изъ рукъ
Царевича свой хвостъ, и улетѣла;

Однако у него въ рукахъ одно
Перо осталось, и такой былъ блескъ
Отъ этого пера, что цѣлый садъ
Казался огненнымъ. Къ царю Демьяну
Пришедъ, Иванъ царевичъ доложилъ
Ему, что воръ нашелся и что этотъ
Воръ былъ не человѣкъ, а птица; въ знакъ же,
Что правду онъ сказалъ, Иванъ царевичъ
Почтительно царю Демьяну подалъ
Перо, которое онъ изъ хвоста
У вора вырвалъ. Съ радости отецъ
Его разцѣловалъ. Съ тѣхъ поръ не стали
Красть яблокъ золотыхъ, и царь Демьянъ
Развеселился, пополнѣлъ и началъ
По-прежнему ѣсть, пить и спать. Но въ немъ
Желанье сильное зажглось: добыть
Воровку яблокъ, чудную жаръ-птицу.
Призвавъ къ себѣ двухъ старшихъ сыновей,
Друзья мои, сказалъ онъ: Климъ царевичъ
И Петръ царевичъ, вамъ уже давно
Пора людей увидѣть и себя
Имъ показать. Съ моимъ благословеньемъ
И съ помощью Господней поѣзжайте
На подвиги и наживите честь
Себѣ и славу; мнѣ жъ царю достаньте
Жаръ-птицу; кто изъ васъ ее достанетъ,
Тому при жизни я отдамъ полцарства,
А послѣ смерти все ему оставлю

Въ наслѣдство. Поклонясь царю, немедля
Царевичи отправились въ дорогу.
Немного времени спустя, пришелъ
Къ царю Иванъ царевичъ и сказалъ:
Родитель мой, великій государь
Демьянъ Даниловичъ, позволь мнѣ ѣхать
За братьями; и мнѣ пора людей
Увидѣть, и себя имъ показать,
И честь себѣ нажить отъ нихъ и славу.
Да и тебѣ царю я угодить
Желалъ бы, для тебя доставъ жаръ-птицу.
Родительское мнѣ благословенье
Дай, и позволь пуститься въ путь мой съ Богомъ.
На это царь сказалъ: Иванъ царевичъ,
Еще ты молодъ, погоди; твоя
Пора придетъ; теперь же ты меня
Не покидай; я старъ, ужъ мнѣ недолго
На свѣтѣ жить; а если я одинъ
Умру, то на кого покину свой
Народъ и царство?—Но Иванъ царевичъ
Былъ такъ упрямъ, что напослѣдокъ царь
И нехотя его благословилъ.
И въ путь отправился Иванъ царевичъ;
И ѣхалъ, ѣхалъ и пріѣхалъ къ мѣсту,
Гдѣ раздѣлялася дорога на три.
Онъ на распутьи томъ увидѣлъ столбъ,
А на столбѣ такую надпись: *Кто*
Поѣдетъ прямо, будетъ всю дорогу

И голоденъ и холоденъ; кто вправо
Поѣдетъ, будетъ живъ, да конь его
Умретъ; а влѣво кто поѣдетъ, самъ
Умретъ, да конь его живъ будетъ. Вправо,
Подумавши, поворотить рѣшился
Иванъ царевичъ. Онъ недолго ѣхалъ;
Вдругъ выбѣжалъ изъ лѣса сѣрый волкъ
И кинулся свирѣпо на коня;
И не успѣлъ Иванъ царевичъ взяться
За мечъ, какъ былъ ужъ конь заѣденъ,
И сѣрый волкъ пропалъ. Иванъ царевичъ,
Повѣсивъ голову, пошелъ тихонько
Пѣшкомъ; но шелъ недолго; передъ нимъ
По-прежнему явился сѣрый волкъ
И человѣчьимъ голосомъ сказалъ:
«Мнѣ жаль, Иванъ царевичъ, мой сердечный,
Что твоего я добраго коня
Заѣлъ, но ты вѣдь самъ конечно видѣлъ,
Чтó на столбу написано; тому
Такъ слѣдовало быть; однако жъ ты
Свою печаль забудь и на меня
Садись; тебѣ я вѣрою и правдой
Служить отнынѣ буду. Ну, скажи же,
Куда теперь ты ѣдешь и зачѣмъ?»
И сѣрому Иванъ царевичъ волку
Все разсказалъ. А сѣрый волкъ ему
Отвѣтствовалъ: гдѣ отыскать жаръ-птицу,
Я знаю; ну, садися на меня,

Иванъ царевичъ, и поѣдемъ съ Богомъ.
И сѣрый волкъ быстрѣе всякой птицы
Помчался съ сѣдокомъ, и съ нимъ онъ въ полночь
У каменной стѣны остановился.
«Пріѣхали, Иванъ царевичъ!—волкъ
Сказалъ;—но слушай, въ клѣткѣ золотой
За этою оградою виситъ
Жаръ-птица; ты ее изъ клѣтки
Достань тихонько, клѣтки же отнюдь
Не трогай: попадешь въ бѣду». Иванъ
Царевичъ перелѣзъ черезъ ограду;
За ней въ саду увидѣлъ онъ жаръ-птицу
Въ богатой клѣткѣ золотой, и садъ
Былъ освѣщенъ, какъ будто солнцемъ. Вынувъ
Изъ клѣтки золотой жаръ-птицу, онъ
Подумалъ: въ чемъ же мнѣ ее везти?
И, позабывъ, что сѣрый волкъ ему
Совѣтовалъ, взялъ клѣтку; но отвсюду
Проведены къ ней были струны; громкій
Поднялся звонъ, и сторожа проснулись,
И въ садъ сбѣжались, и въ саду Ивана
Царевича схватили, и къ царю
Представили; а царь (онъ назывался
Далматомъ) такъ сказалъ: откуда ты?
И кто ты?—Я Иванъ царевичъ; мой
Отецъ, Демьянъ Даниловичъ, владѣетъ
Великимъ, сильнымъ государствомъ; ваша
Жаръ-птица по ночамъ летать въ нашъ садъ

Повадилась, чтобъ золотыя красть
Тамъ яблоки: за ней меня послалъ
Родитель мой, великій государь
Демьянъ Даниловичъ.—На это царь
Далматъ сказалъ: — Царевичъ ты иль нѣтъ,
Того не знаю я; но, если правду
Сказалъ ты, то не царскимъ ремесломъ
Ты промышляешь; могъ бы прямо мнѣ
Сказать: отдай мнѣ, царь Далматъ, жаръ-птицу;
И я тебѣ ее руками-бъ отдалъ
Во уваженіе того, что царь
Демьянъ Даниловичъ, столь знаменитый
Своей премудростью, тебѣ отецъ.
Но слушай: я тебѣ мою жаръ-птицу
Охотно уступлю, когда ты самъ
Достанешь мнѣ коня Золотогрива;
Принадлежитъ могучему царю
Афрону онъ. За тридевять земель
Ты въ тридесятое отправься царство,
И у могучаго царя Афрона
Мнѣ выпроси коня Золотогрива,
Иль хитростью какой его достань.
Когда-жъ ко мнѣ съ конемъ не возвратишься,
То по всему разславлю свѣту я,
Что ты не царскій сынъ, а воръ; и будетъ
Тогда тебѣ великій срамъ и стыдъ.
Повѣсивъ голову, Иванъ-царевичъ
Пошелъ туда, гдѣ былъ имъ сѣрый волкъ

Оставленъ. Сѣрый волкъ ему сказалъ:
Напрасно же меня, Иванъ-царевичъ,
Ты не послушался; но пособить
Ужъ нечѣмъ; будь впередъ умнѣй; поѣдемъ
За тридевять земель къ царю Афрону.
И сѣрый волкъ быстрѣе всякой птицы
Помчался съ сѣдокомъ; и къ ночи въ царство
Царя Афрона прибыли они,
И у дверей конюшни царской тамъ
Остановились.—Ну, Иванъ-царевичъ,
Послушай, сѣрый волкъ сказалъ, войди
Въ конюшню; конюхи спятъ крѣпко; ты
Легко изъ стойла выведешь коня
Золотогрива; только не бери
Его уздечки; снова попадешь въ бѣду.—
Въ конюшню царскую Иванъ царевичъ
Вошелъ и вывелъ онъ коня изъ стойла;
Но на бѣду, взглянувши на уздечку,
Прельстился ею такъ, что позабылъ
Совсѣмъ о томъ, что сѣрый волкъ сказалъ,
И снялъ съ гвоздя уздечку. Но и къ ней
Проведены отвсюду были струны;
Все зазвенѣло; конюхи вскочили;
И былъ съ конемъ Иванъ-царевичъ пойманъ,
И привели его къ царю Афрону,
И царь Афронъ спросилъ сурово: кто ты?
Ему Иванъ-царевичъ то жъ въ отвѣтъ
Сказалъ, что и царю Далмату. Царь

Афронъ отвѣтствовалъ: хорошій ты
Царевичъ! такъ ли должно поступать
Царевичамъ? И царское ли дѣло
Шататься по ночамъ и воровать
Коней? Съ тебя я буйную бы могъ
Снять голову; но молодость твою
Мнѣ жалко погубить; да и коня
Золотогрива дать я соглашусь,
Лишь поѣзжай за тридевять земель
Ты въ тридесятое отсюда царство,
Да привези оттуда мнѣ царевну
Прекрасную Елену, дочь царя
Могучаго Касима; если-жъ мнѣ
Ея не привезешь, то я вездѣ разславлю,
Что ты ночной бродяга, плутъ и воръ.
Опять, повѣсивъ голову, пошелъ
Туда Иванъ-царевичъ, гдѣ его
Ждалъ сѣрый волкъ. И сѣрый волкъ сказалъ:
Ой ты, Иванъ-царевичъ! еслибъ я
Тебя такъ не любилъ, здѣсь моего бы
И духу не было. Ну, полно охать,
Садися на меня, поѣдемъ съ Богомъ
За тридевять земель къ царю Касиму;
Теперь мое, а не твое ужъ дѣло.
И сѣрый волкъ опять скакать съ Иваномъ
Царевичемъ пустился. Вотъ они
Проѣхали ужъ тридевять земель,
И вотъ они ужъ въ тридесятомъ царствѣ;

И сѣрый волкъ, ссадивъ съ себя Ивана
Царевича, сказалъ: недалеко
Отсюда царскій садъ; туда одинъ
Пойду я; ты-жъ меня дождись подъ этимъ
Зеленымъ дубомъ. Сѣрый волкъ пошелъ
И перелѣзъ черезъ ограду сада,
И закопался въ кустъ, и тамъ лежалъ
Не шевелясь. Прекрасная Елена
Касимовна—съ ней красныя дѣвицы,
И мамушки, и нянюшки—пошла
Прогуливаться въ садъ; а сѣрый волкъ
Того и ждалъ: примѣтивъ, что царевна,
Отъ прочихъ отдѣляся, шла одна,
Онъ выскочилъ изъ-подъ куста, схватилъ
Царевну, за спину ее свою
Закинулъ, и давай Богъ ноги. Страшный
Крикъ подняли и красныя дѣвицы,
И мамушки, и нянюшки; и весь
Сбѣжался дворъ, министры, камергеры,
И генералы; царь велѣлъ собрать
Охотниковъ и всѣхъ спустить своихъ
Собакъ борзыхъ и гончихъ—все напрасно:
Ужъ сѣрый волкъ съ царевной и съ Иваномъ
Царевичемъ былъ далеко, и слѣдъ
Давно простылъ: царевна же лежала
Безъ всякаго движенья у Ивана
Царевича въ рукахъ (такъ сѣрый волкъ
Ее сердечную перепугалъ).

Вотъ понемногу начала она
Входить въ себя, пошевелилась, глазки
Прекрасные открыла, и, совсѣмъ
Очнувшись, подняла ихъ на Ивана
Царевича и покраснѣла вся,
Какъ роза алая; и съ ней Иванъ
Царевичъ покраснѣлъ, и въ этотъ мигъ
Она и онъ другъ друга полюбили
Такъ сильно, что ни въ сказкѣ разсказать,
Ни описать перомъ того не можно.
И впалъ въ глубокую печаль Иванъ
Царевичъ: крѣпко, крѣпко не хотѣлось
Съ царевною Еленою ему
Разстаться и ее отдать царю
Афрону; да и ей самой то было
Страшнѣе смерти. Сѣрый волкъ, замѣтивъ
Ихъ горе, такъ сказалъ: Иванъ царевичъ,
Изволишь ты кручиниться напрасно;
Я помогу твоей кручинѣ: это
Не служба—службишка; прямая служба
Ждетъ впереди. И вотъ они ужъ въ царствѣ
Царя Афрона. Сѣрый волкъ сказалъ:
Иванъ царевичъ, здѣсь должны умненько
Мы поступить: я превращусь въ царевну;
А ты со мной явись къ царю Афрону,
Меня ему отдай, и, получивъ
Коня Золотогрива, поѣзжай впередъ
Съ Еленою Касимовной; меня вы

Дождитесь въ скрытномъ мѣстѣ; ждать же вамъ
Не будетъ скучно. Тутъ, ударясь о́-земь,
Сталъ сѣрый волкъ царевною Еленой
Касимовной. Иванъ царевичъ, сдавъ
Его съ рукъ на руки царю Афрону,
И, получивъ коня Золотогрива,
На томъ конѣ стрѣлой пустился въ лѣсъ,
Гдѣ настоящая его ждала
Царевна. Во дворцѣ-жъ царя Афрона
Тѣмъ временемъ готовилася свадьба:
И въ тотъ же день съ невѣстой царь къ вѣнцу
Пошелъ: когда же ихъ перевѣнчали,
И молодой былъ долженъ молодую
Поцѣловать, губами царь Афронъ
Съ шершавою столкнулся волчьей мордой,
И эта морда за носъ укусила
Царя, и не жену передъ собой
Красавицу, а волка царь Афронъ
Увидѣлъ; сѣрый волкъ недолго сталъ
Тутъ церемониться; онъ сбилъ хвостомъ
Царя Афрона съ ногъ и прянулъ въ двери.
Всѣ припялись кричать: держи, держи!
Лови, лови!—Куда ты? Ужъ Ивана
Царевича съ царевною Еленой
Давно догналъ проворный сѣрый волкъ;
И ужъ, сошедъ съ коня Золотогрива,
Иванъ царевичъ пересѣлъ на волка,
И ужъ впередъ они опять, какъ вихри,

Летѣли. Вотъ пріѣхали и въ царство
Далматово они. И сѣрый волкъ
Сказалъ: въ коня Золотогрива
Я превращусь; а ты, Иванъ царевичъ,
Меня отдавъ царю и взявъ жаръ-птицу,
По-прежнему съ царевною Еленой
Ступай впередъ; я скоро догоню васъ.
Такъ все и сдѣлалось, какъ волкъ устроилъ.
Немедленно велѣлъ Золотогрива
Царь осѣдлать, и выѣхалъ на немъ
Онъ съ свитою придворной на охоту;
И впереди у всѣхъ онъ поскакалъ
За зайцемъ; всѣ придворные кричали:
Какъ молодецки скачетъ царь Далматъ!
Но вдругъ изъ-подъ него на всемъ скаку
Юркнулъ шершавый волкъ, и царь Далматъ,
Перекувыркнувшись съ его спины,
Вмигъ очутился головою внизъ,
Ногами вверхъ, и по плеча ушедши
Въ распаханную землю, упирался
Въ нее руками, и, напрасно силясь
Освободиться, въ воздухѣ болталъ
Ногами: вся къ нему тутъ свита
Скакать пустилася; освободили
Царя; потомъ всѣ принялися громко
Кричать: лови, лови! трави, трави!
Но было некого травить; на волкѣ
Уже по-прежнему сидѣлъ Иванъ

Царевичъ; на конѣ-жъ Золотогривѣ
Царевна, и подъ ней Золотогривъ
Гордился и плясалъ; не торопясь,
Большой дорогою они шажкомъ
Тихонько ѣхали; и мало-ль долго-ль
Ихъ длилася дорога—наконецъ
Они доѣхали до мѣста, гдѣ Иванъ
Царевичъ сѣрымъ волкомъ въ первый разъ
Былъ встрѣченъ; и еще лежали тамъ
Его коня бѣлѣющія кости;
И сѣрый волкъ, вздохнувъ, сказалъ Ивану
Царевичу: теперь, Иванъ царевичъ,
Пришла пора другъ друга намъ покинуть;
Я вѣрою и правдою донынѣ
Тебѣ служилъ и ласкою твоею
Доволенъ, и, покуда живъ, тебя
Не позабуду; здѣсь же на прощаньи
Хочу тебѣ совѣтъ полезный дать:
Будь остороженъ, люди злы; и братьямъ
Роднымъ не вѣрь. Молю усердно Бога,
Чтобъ ты домой доѣхалъ безъ бѣды,
И чтобъ меня обрадовалъ пріятнымъ
Извѣстьемъ о себѣ. Прости, Иванъ
Царевичъ: съ этимъ словомъ волкъ исчезъ.
Погоревавъ о немъ, Иванъ царевичъ
Съ царевною Еленой на сѣдлѣ,
Съ Жаръ-птицей въ клѣткѣ за плечами, далѣ
Поѣхалъ на конѣ Золотогрквѣ,

И ѣхали они дня три-четыре;
И вотъ, подъѣхавши къ границѣ царства,
Гдѣ властвовалъ премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ, увидѣли богатый
Шатеръ, разбитый на лугу зеленомъ;
И изъ шатра къ нимъ вышли.... кто же? Климъ
И Петръ царевичи. Иванъ царевичъ
Былъ встрѣчею такою несказанно
Обрадованъ; а братьямъ въ сердце зависть
Змѣей вползла, когда они жаръ-птицу
Съ царевною Еленой у Ивана
Царевича увидѣли въ рукахъ:
Была имъ мысль несносна показаться
Безъ ничего къ отцу тогда, какъ братъ
Меньшой воротится къ нему съ жаръ-птицей,
Съ прекрасною невѣстой и съ конемъ
Золотогривомъ, и еще получитъ
Полцарства по пріѣздѣ; а когда
Отецъ умретъ, и все возьметъ въ наслѣдство.
И вотъ они замыслили злодѣйство:
Видъ дружескій принявши, пригласили
Онп въ шатеръ свой отдохнуть Ивана
Царевича съ царевною Еленой
Прекрасною. Безъ подозрѣнья оба
Вошли въ шатеръ. Иванъ царевичъ, долгой
Дорогой утомленный, легъ, и скоро
Заснулъ глубокимъ сномъ; того и ждали
Злодѣи-братья: мигомъ острый мечъ

Они ему вонзили въ грудь, и въ полѣ
Его оставили, и, взявъ царевну,
Жаръ-птицу и коня Золотогрива,
Какъ добрые, отправилися въ путь.
А между тѣмъ недвижимъ, бездыханенъ,
Облитый кровью, на полѣ широкомъ
Лежалъ Иванъ царевичъ. Такъ прошелъ
Весь день; уже склоняться начинало
На западъ солнце; поле было пусто;
И ужъ надъ мертвымъ съ чернымъ вороненкомъ
Носился, каркая и распустивши
Широко крылья, хищный воронъ.—Вдругъ,
Откуда ни возьмись, явился сѣрый
Волкъ: онъ, бѣду великую почуявъ,
На помощь подоспѣлъ; еще-бъ минута,
И было-бъ поздно. Угадавъ, какой
Былъ умыселъ у ворона, онъ далъ
Ему на мертвое спуститься тѣло!
И только тотъ спустился, разомъ цапъ
Его за хвостъ; закаркалъ старый воръ.
Пусти меня на волю, сѣрый волкъ,
Кричалъ онъ.—Не пущу, тотъ отвѣчалъ,
Пока не принесетъ твой вороненокъ
Живой и мертвой мнѣ воды. И воронъ
Велѣлъ летѣть скорѣе вороненку
За мертвою и за живой водою.
Сынъ полетѣлъ, а сѣрый волкъ, отца
Порядкомъ скомкавъ, съ нимъ весьма учтиво

Сталъ разговаривать, и старый воронъ
Довольно могъ ему поразсказать
О томъ, чтó онъ видалъ въ свой долгій вѣкъ
Межъ птицъ и межъ людей. И слушалъ
Его съ большимъ вниманьемъ сѣрый волкъ,
И мудрости его необычайной
Дивился, но однако все за хвостъ
Его держалъ, и иногда, чтобъ онъ
Не забывался, мялъ его легонько
Въ когтистыхъ лапахъ. Солнце сѣло; ночь
Настала и прошла; и занялась
Заря, когда съ живой водой и мертвой
Въ двухъ пузырькахъ проворный вороненокъ
Явился. Сѣрый волкъ взялъ пузырьки,
И ворона отца пустилъ на волю.
Потомъ онъ съ пузырьками подошелъ
Къ лежавшему недвижимо Ивану
Царевичу; сперва его онъ мертвой
Водою вспрыснулъ—и въ минуту рана
Его закрылася, окостенѣлость,
Пропала въ мертвыхъ членахъ, заигралъ
Румянецъ на щекахъ: его онъ вспрыснулъ
Живой водой—и онъ открылъ глаза,
Пошевелился, потянулся, всталъ
И молвилъ: какъ же долго прóспалъ я?
—И вѣчно бы тебѣ здѣсь спать, Иванъ
Царевичъ, сѣрый волкъ сказалъ, когда-бъ
Не я; теперь тебѣ прямую службу

Я отслужилъ; но эта служба, знай,
Послѣдняя; отнынѣ о себѣ
Заботься самъ. А отъ меня прими
Совѣтъ и поступи, какъ я тебѣ скажу.
Твоихъ злодѣевъ братьевъ нѣтъ ужъ болѣ
На свѣтѣ; имъ могучій чародѣй
Кощей безсмертный голову обоимъ
Свернулъ, и этотъ чародѣй навелъ
На ваше царство сонъ; и твой родитель
И подданные всѣ его—теперь
Непробудимо спятъ; твою-жъ царевну
Съ жаръ-птицей и конемъ Золотогривомъ
Похитилъ воръ Кощей; всѣ трое
Заключены въ его волшебномъ за́мкѣ.
Но ты, Иванъ царевичъ, за свою
Невѣсту ничего не бойся; злой
Кощей надъ нею власти никакой
Имѣть не можетъ: сильный талисманъ
Есть у царевны; выдти-жъ ей изъ за́мка
Нельзя; ее избавитъ только смерть
Кощеева; а какъ найти ту смерть, и я
Того не вѣдаю: объ этомъ Баба
Яга одна сказать лишь можетъ. Ты,
Иванъ царевичъ, долженъ эту Бабу
Ягу найти; она въ дремучемъ, темномъ лѣсѣ,
Въ сѣдомъ, глухомъ бору, живетъ въ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ; въ этотъ лѣсъ еще
Никто слѣда не пролагалъ; въ него

Ни дикій звѣрь не заходилъ, ни птица
Не залетала. Разъѣзжаетъ Баба
Яга по цѣлой поднебесной въ ступѣ,
Пестомъ желѣзнымъ погоняетъ, слѣдъ
Метлою заметаетъ. Отъ нея
Одной узнаешь ты, Иванъ царевичъ,
Какъ смерть Кощееву тебѣ достать.
А я тебѣ скажу, гдѣ ты найдешь
Коня, который привезетъ тебя
Прямой дорогой въ лѣсъ дремучій къ Бабѣ
Ягѣ. Ступай отсюда на востокъ:
Придешь на лугъ зеленый; посреди
Его растутъ три дуба; межъ дубами
Въ землѣ чугунная зарыта дверь
Съ кольцомъ; за то кольцо ты подыми
Ту дверь, и внизъ по лѣстницѣ сойди;
Тамъ, за двѣнадцатью дверями, запертъ
Конь богатырскій; самъ изъ подземелья
Къ тебѣ онъ выбѣжитъ; того коня
Возьми и съ Богомъ поѣзжай; съ дороги
Онъ не собьется. Ну, теперь прости,
Иванъ царевичъ; если Богъ велитъ
Съ тобой намъ свидѣться, то это будетъ
Не иначе, какъ у тебя на свадьбѣ.
И сѣрый волкъ помчался къ лѣсу; вслѣдъ
За нимъ смотрѣлъ Иванъ царевичъ съ грустью;
Волкъ, къ лѣсу подбѣжавши, обернулся,
Въ послѣдній разъ махнулъ издалека

Хвостомъ и скрылся. А Иванъ царевичъ,
Оборотившись на востокъ лицомъ,
Пошелъ впередъ. Идетъ онъ день, идетъ
Другой; на третій онъ приходитъ къ лугу
Зеленому; на томъ лугу три дуба
Растутъ; межъ тѣхъ дубовъ находитъ онъ
Чугунную съ кольцомъ желѣзнымъ дверь;
Онъ подымаетъ дверь; подъ тою дверью
Крутая лѣстница; по ней онъ внизъ
Спускается, и передъ нимъ внизу
Другая дверь, чугунная-жъ, и крѣпко
Она замкомъ висячимъ заперта.
И вдругъ онъ слышитъ, конь заржалъ; и ржанье
Такъ было сильно, что, съ петлей сорвавшись,
Дверь на-земь рухнула съ ужаснымъ стукомъ;
И видитъ онъ, что вмѣстѣ съ ней упало
Еще одиннадцать дверей чугунныхъ;
За этими чугунными дверями
Давнымъ-давно конь богатырскій запертъ
Былъ колдуномъ. Иванъ царевичъ свиснулъ;
Почуявъ сѣдока, на молодецкій
Свистъ богатырскій, конь изъ стойла прянулъ,
И прибѣжалъ, легокъ, могучъ, красивъ,
Глаза какъ звѣзды, пламенныя ноздри,
Какъ туча грива, словомъ, конь не конь,
А чудо. Чтобъ узнать, каковъ онъ силой,
Иванъ царевичъ по спинѣ его
Повелъ рукой, и подъ рукой могучей

Конь захрапѣлъ и сильно пошатнулся,
Но устоялъ, копыта втиснувъ въ землю;
И человѣчьимъ голосомъ Ивану
Царевичу сказалъ онъ: добрый витязь,
Иванъ царевичъ, мнѣ такой, какъ ты,
Сѣдокъ и надобенъ; готовъ тебѣ
Я вѣрою и правдою служить;
Садися на меня, и съ Богомъ въ путь нашъ
Отправимся; на свѣтѣ всѣ дороги
Я знаю: только прикажи, куда
Тебя везти, туда и привезу.
Иванъ царевичъ въ двухъ словахъ коню
Все объяснилъ, и, сѣвши на него,
Прикрикнулъ. И взвился могучій конь,
Отъ радости заржавши, на дыбы;
Бьетъ по крутымъ бедрамъ его сѣдокъ;
И конь бѣжитъ, подъ нимъ земля дрожитъ;
Несется выше онъ деревъ стоячихъ,
Несется ниже облаковъ ходячихъ,
И прядаетъ черезъ широкій долъ,
И застилаетъ узкій долъ хвостомъ,
И грудью всѣ заграды пробиваетъ,
Летя стрѣлой и легкими ногами
Былиночки къ землѣ не пригибая,
Пылиночки съ земли не подымая.
Но, такъ скакавъ день цѣлый, наконецъ
Конь утомился, потъ съ него бѣжалъ
Ручьями; весь былъ окруженъ, какъ дымомъ,

Горячимъ паромъ онъ. Иванъ царевичъ,
Чтобъ дать ему вздохнуть, поѣхалъ шагомъ;
Ужъ было подъ вечеръ; широкимъ полемъ
Иванъ царевичъ ѣхалъ, и прекраснымъ
Закатомъ солнца любовался. Вдругъ
Онъ слышитъ дикій крикъ, глядитъ... и что́ же?
Два лѣшіе дерутся на дорогѣ,
Кусаются, брыкаются, другъ друга
Рогами тычутъ. Къ нимъ Иванъ царевичъ
Подъѣхавши, спросилъ: за что́ у васъ,
Ребята, дѣло стало? — Вотъ за что,
Сказалъ одинъ: три клада намъ достались;
Драчунъ дубинка, скатерть самобранка,
Да шапка невидимка—насъ же двое;
Какъ поровну намъ раздѣлиться? Мы
Заспорили и вышла драка; ты
Разумный человѣкъ, подай совѣтъ намъ,
Какъ поступить?—А вотъ какъ, имъ Иванъ
Царевичъ отвѣчалъ: пущу стрѣлу,
А вы за ней бѣгите: съ мѣста-жъ, гдѣ
Она на землю упадетъ, обратно
Пуститесь въ запуски ко мнѣ; кто первый
Здѣсь будетъ, тотъ возьметъ себѣ на выборъ
Два клада; а другому взять одинъ.
Согласны-ль вы?—Согласны, закричали
Рогатые; и стали рядомъ. Лукъ
Тугой свой натянувъ, пустилъ стрѣлу
Иванъ царевичъ. Лѣшіе за ней

Помчались, выпуча глаза, оставивъ
На мѣстѣ скатерть, шапку и дубинку.
Тогда Иванъ царевичъ, взявъ подъ мышку
И скатерть и дубинку, на себя
Надѣлъ спокойно шапку невидимку,
Сталъ невидимъ и самъ, и конь, и далѣ
Поѣхалъ, глупымъ лѣшіимъ оставивъ
На произволъ, начать ли снова драку,
Иль помириться. Богатырскій конь
Поспѣлъ еще до захожденья солнца
Въ дремучій лѣсъ, гдѣ обитала Баба
Яга. И въѣхавъ въ лѣсъ, Иванъ царевичъ
Дивится древности его огромныхъ
Дубовъ и сосенъ, тускло освѣщенныхъ
Зарей вечернею; и все въ немъ тихо:
Деревья всѣ, какъ сонныя, стоятъ,
Не колыхнется листъ, не шевельнется
Былинка; нѣтъ живого ничего
Въ безмолвной глубинѣ лѣсной, ни птицы
Между вѣтвей, ни въ травкѣ червяка;
Лишь слышится въ молчаньи повсемѣстномъ
Гремучій топотъ конскій. Наконецъ
Иванъ царевичъ выѣхалъ къ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ. Онъ сказалъ: избушка,
Избушка, къ лѣсу стань задóмъ, ко мнѣ
Стань передóмъ. И передъ нимъ избушка
Перевернулась; онъ въ нее вошелъ;
Въ дверяхъ остановясь, перекрестился

На всѣ четыре стороны, потомъ,
Какъ должно, поклонился, и, глазами
Избушку всю окинувши, увидѣлъ,
Что на полу ея лежала Баба
Яга, уперши ноги въ потолокъ
И въ уголъ голову. Услышавъ стукъ
Въ дверяхъ, она сказала: фу! фу! фу!
Какое диво! русскаго здѣсь духу
До этихъ поръ не слыхано слыхо́мъ,
Не видано видо́мъ, а ныньче русскій
Духъ ужъ въ очахъ свершается. Зачѣмъ
Пожаловалъ сюда, Иванъ царевичъ?
Неволею иль волею? Донынѣ
Здѣсь ни дубравный звѣрь не проходилъ,
Ни птица легкая не пролетала,
Ни богатырь лихой не проѣзжалъ.
Тебя какъ Богъ сюда занесъ, Иванъ
Царевичъ? — Ахъ, безмозглая ты вѣдьма!
Сказалъ Иванъ царевичъ Бабѣ
Ягѣ; сначала накорми, напой
Меня ты, молодца; да постели́
Постелю мнѣ, да выспаться мнѣ дай,
Потомъ разспрашивай. И тотчасъ Баба
Яга, поднявшись на ноги, Ивана
Царевича, какъ слѣдуетъ, обмыла
И выпарила въ банѣ, накормила
И напоила, да и тотчасъ спать
Въ постелю уложила, такъ примолвивъ:

Спи, добрый витязь; утро мудренѣе,
Чѣмъ вечеръ; здѣсь теперь спокойно
Ты отдохнешь; нужду-жъ свою разскажешь
Мнѣ завтра; я, какъ знаю, помогу.
Иванъ царевичъ, Богу помолясь,
Въ постелю легъ, и скоро сномъ глубокимъ
Заснулъ и про́спалъ до полудня. Вставши,
Умывшися, одѣвшися, онъ Бабѣ
Ягѣ подробно разсказалъ, зачѣмъ
Заѣхалъ къ ней въ дремучій лѣсъ; и Баба
Яга ему отвѣтствовала такъ:
Ахъ! добрый молодецъ Иванъ царевичъ,
Затѣялъ ты нешуточное дѣло;
Но не кручинься, все уладимъ съ Богомъ;
Я научу, какъ смерть тебѣ Кощея
Безсмертнаго достать; изволь меня
Послушать: на морѣ на Океанѣ,
На островѣ великомъ на Буянѣ,
Есть старый дубъ; подъ этимъ старымъ дубомъ
Зарытъ сундукъ, окованный желѣзомъ;
Въ томъ сундукѣ лежитъ пушистый заяцъ.
Въ томъ зайцѣ утка сѣрая сидитъ;
А въ уткѣ той яйцо; въ яйцѣ же смерть
Кощеева. Ты то яйцо возьми,
И съ нимъ ступай къ Кощею, а когда
Въ его пріѣдешь за́мокъ, то увидишь,
Что змѣй двѣнадцатиголовый входъ
Въ тотъ замокъ стережетъ: ты съ этимъ змѣемъ

Не думай драться, у тебя на то
Дубинка есть: она его уйметъ.
А ты, надѣвши шапку невидимку,
Иди прямой дорогою къ Кощею
Безсмертному! въ минуту онъ издохнетъ,
Какъ скоро ты при немъ яйцо раздавишь.
Смотри лишь, не забудь, когда назадъ
Поѣдешь, взять и гусли самогуды;
Лишь ихъ игрою только твой родитель
Демьянъ Даниловичъ и все его
Заснувшее съ нимъ вмѣстѣ государство
Пробуждены быть могутъ. Ну, теперь
Прости, Иванъ царевичъ; Богъ съ тобою;
Твой добрый конь найдетъ дорогу самъ;
Когда-жъ свершишь опасный подвигъ свой,
То и меня старуху помяни
Не лихомъ, а добромъ. Иванъ царевичъ,
Простившись съ Бабою Ягою, сѣлъ
На добраго коня, перекрестился,
По-молодецки свиснулъ, конь помчался,
И скоро лѣсъ дремучій за Иваномъ
Царевичемъ пропалъ вдали, и скоро
Мелькнуло впереди чертою синей
На краѣ неба море Окіанъ.
Вотъ прискакалъ и къ морю Окіану
Иванъ царевичъ. Осмотрясь, онъ видитъ,
Что у моря лежитъ рыбачій неводъ,
И что въ томъ неводѣ морская щука

Трепещется. И вдругъ ему та щука
По-человѣчьи говоритъ: Иванъ
Царевичъ, вынь изъ невода меня
И въ море брось; тебѣ я пригожуся.
Иванъ царевичъ, тотчасъ просьбу щуки
Исполнилъ, и она, хлестнувъ хвостомъ
Въ знакъ благодарности, исчезла въ морѣ.
А на море глядитъ Иванъ царевичъ
Въ недоумѣніи; на самомъ краѣ,
Гдѣ небо съ нимъ какъ будто бы слилося,
Онъ видитъ, длинной полосою островъ
Буянъ чернѣетъ; онъ и недалекъ;
Но кто туда перевезетъ? Вдругъ конь
Заговорилъ: о чемъ, Иванъ царевичъ,
Задумался? О томъ ли, какъ добраться
Намъ до Буяна острова? Да что́
За трудность? Я—тебѣ корабль; сиди
На мнѣ, да крѣпче за меня держись,
Да не робѣй, и духомъ доплывемъ.
И въ гриву конскую Иванъ царевичъ
Рукою впутался, крутыя бедра
Коня ногами крѣпко стиснулъ; конь
Разсвирѣпѣлъ, и, разскакавшись, прянулъ
Съ крутого берега въ морскую бездну;
На мигъ и онъ, и всадникъ, въ глубинѣ
Пропали; вдругъ раздвинулася съ шумомъ
Морская зыбь, и вынырнулъ могучій
Конь изъ нея съ отважнымъ сѣдокомъ;

И началъ конь копытами и грудью
Бить по водамъ и волны пробивать,
И вкругъ него кипѣла, волновалась,
И пѣнилась, и брызгами взлетала
Морская зыбь, и сильными прыжками,
Подъ крѣпкія копыта загребая
Кругомъ ревущую волну, какъ легкій
На парусахъ корабль съ попутнымъ вѣтромъ,
Впередъ стремился конь, и длинный слѣдъ
Шипящею бѣжалъ за нимъ змѣею;
И скоро онъ до острова Буяна
Доплылъ, и на берегъ его отлогій
Изъ моря выбѣжалъ, покрытый пѣной.
Не сталъ Иванъ царевичъ медлить; онъ,
Коня пустивъ по шелковому лугу
Ходить, гулять и травку медовую
Щипать, пошелъ поспѣшнымъ шагомъ къ дубу,
Который росъ у берега морского
На высотѣ муравчатаго холма.
И, къ дубу подошедъ, Иванъ царевичъ
Его шатнулъ рукою богатырской,
Но крѣпкій дубъ не пошатнулся; онъ
Опять его шатнулъ—дубъ скрыпнулъ; онъ
Еще шатнулъ его и посильнѣе,
Дубъ покачнулся, и подъ нимъ коренья
Зашевелили землю; тутъ Иванъ царевичъ
Всей силою рванулъ его—и съ трескомъ
Онъ повалился, изъ земли коренья

Со всѣхъ сторонъ, какъ змѣи, поднялися,
И тамъ, гдѣ ими дубъ впивался въ землю,
Глубокая открылась яма. Въ ней
Иванъ царевичъ кованный сундукъ
Увидѣлъ; тотчасъ тотъ сундукъ изъ ямы
Онъ вытащилъ, висячій сбилъ замокъ,
Взялъ за уши лежавшаго тамъ зайца
И разорвалъ; но только лишь успѣлъ
Онъ зайца разорвать, какъ изъ него
Вдругъ выпорхнула утка; быстро
Она взвилась и полетѣла къ морю;
Въ нее пустилъ стрѣлу Иванъ царевичъ
И мѣтко такъ, что пронизалъ ее
Насквозь; закрякавъ, кувыркнулась утка;
И изъ нея вдругъ выпало яйцо—
И прямо въ море; и пошло, какъ ключъ,
Ко дну. Иванъ царевичъ ахнулъ; вдругъ
Откуда ни возьмись, морская щука
Сверкнула на водѣ, потомъ юркнула,
Хлеснувъ хвостомъ, на дно, потомъ опять
Всплыла, и, къ берегу съ яйцомъ во рту
Тихохонько приблизясь, на пескѣ
Яйцо оставила, потомъ сказала:
Ты видишь самъ теперь, Иванъ царевичъ,
Что я тебѣ въ часъ нужный пригодилась.
Съ симъ словомъ щука уплыла. Иванъ
Царевичъ взялъ яйцо; и конь могучій
Съ Буяна острова на твердый берегъ

Его обратно перенесъ. И далѣ
Конь поскакалъ и скоро прискакалъ
Къ крутой горѣ, на высотѣ которой
Кощеевъ зàмокъ былъ; ея подошва
Обведена была стѣной желѣзной;
И у воротъ желѣзной той стѣны
Двѣнадцатиголовый змѣй лежалъ;
И изъ его двѣнадцати головъ
Всегда шесть спали, шесть не спали, днемъ
И ночью по два раза для надзора
Смѣняясь; а въ виду воротъ желѣзныхъ
Никто и вдалекѣ остановиться
Не смѣлъ: змѣй подымался, и отъ зубъ
Его ужъ не было спасенья,—онъ
Былъ невредимъ, и только самъ себя
Могъ умертвить; чужая-жъ сила сладить
Съ нимъ никакая не могла. Но конь
Былъ остороженъ; онъ подвезъ Ивана
Царевича къ горѣ со стороны,
Противной воротамъ, въ которыхъ змѣй
Лежалъ и караулилъ; потихоньку
Иванъ царевичъ въ шапкѣ невидимкѣ
Подъѣхалъ къ змѣю; шесть его головъ
Во всѣ глаза по сторонамъ глядѣли,
Разинувъ рты, оскаливъ зубы; шесть
Другихъ головъ на вытянутыхъ шеяхъ
Лежали на землѣ, не шевелясь,
И сномъ объятыя храпѣли. Тутъ

Иванъ царевичъ, подтолкнувъ дубинку,
Висѣвшую спокойно на сѣдлѣ,
Шепнулъ: эй, начинай! Не стала долго
Дубинка думать, тотчасъ прыгъ съ сѣдла,
На змѣя кинулась, и ну его
По головамъ и спящимъ и неспящимъ
Гвоздить. Онъ зашипѣлъ, озлился, началъ
Туда-сюда бросаться; а дубинка
Его себѣ колотитъ да колотитъ;
Лишь только онъ одну разинетъ пасть,
Чтобы ее схватить,—анъ нѣтъ, прошу
Не торопиться, ужъ она
Ему другую чешетъ морду; всѣ онъ
Двѣнадцать ртовъ откроетъ, чтобъ ее
Поймать,—она по всѣмъ его зубамъ,
Оскаленнымъ какъ будто на показъ,
Гуляетъ, и всѣ зубы чиститъ; взвывъ
И всѣ носы наморщивъ, онъ зажметъ
Всѣ рты, и лапами схватить дубинку
Попробуетъ,—она тогда его
Честитъ по всѣмъ двѣнадцати затылкамъ;
Змѣй въ изступленіи, какъ одурѣлый,
Кидался, вылъ, кувыркался, отъ злости
Дышалъ огнемъ, грызъ землю,—все напрасно!
Не торопясь, отчетливо, спокойно,
Безъ промаховъ, надъ нимъ свою дубинка
Работу продолжаетъ, и его,
Какъ на току усердный цѣпъ, молотитъ;

Змѣй наконецъ озлился такъ, что началъ
Грызть самого себя, и, когти въ грудь
Себѣ вдругъ запустивъ, рванулъ такъ сильно,
Что разорвался на двое, и, съ визгомъ
На землю грянувшись, издохъ. Дубинка
Работу и надъ мертвымъ продолжать
Свою, какъ надъ живымъ, хотѣла; но
Иванъ царевичъ ей сказалъ: довольно!
И вмигъ она какъ будто не бывала
Ни въ чемъ, повисла на сѣдлѣ. Иванъ
Царевичъ, у воротъ коня оставивъ,
И разостлавши скатерть самобранку
У ногъ его, чтобъ могъ усталый конь
Наѣсться и напиться вдоволь, самъ
Пошелъ, покрытый шапкой невидимкой,
Съ дубинкою на всякій случай и съ яйцомъ
Въ Кощеевъ за́мокъ. Трудновато было
Карабкаться ему на верхъ горы;
Вотъ наконецъ добрался и до за́мка
Кощеева Иванъ царевичъ. Вдругъ
Онъ слышитъ, что въ саду недалеко
Играютъ гусли самогуды; въ садъ
Вошедши, въ самомъ дѣлѣ онъ увидѣлъ,
Что гусли на дубу висѣли и играли,
И что подъ дубомъ тѣмъ сама Елена
Прекрасная сидѣла, погрузившись
Въ раздумье. Шапку невидимку снявши,
Онъ тотчасъ ей явился и рукою

Знакъ подалъ, чтобъ она молчала. Ей
Потомъ онъ на ухо шепнулъ: я смерть
Кощееву принесъ; ты подожди
Меня на этомъ мѣстѣ; я съ нимъ скоро
Управлюся и возвращусь; и мы
Немедленно уѣдемъ. Тутъ Иванъ
Царевичъ, снова шапку невидимку
Надѣвъ, хотѣлъ идти искать Кощея
Безсмертнаго въ его волшебномъ замкѣ,
Но онъ и самъ пожаловалъ. Приблизясь,
Онъ сталъ передъ царевною Еленой
Прекрасною и началъ попрекать ей
Ея печаль и говорить: Иванъ
Царевичъ твой къ тебѣ ужъ не придетъ;
Его ужъ намъ не воскресить. Но чѣмъ же
Я не женихъ тебѣ, скажи сама,
Прекрасная моя царевна? Полно-жъ
Упрямиться, упрямство не поможетъ;
Изъ рукъ моихъ оно тебя не вырветъ;
Ужъ я... Дубинкѣ тутъ шепнулъ Иванъ
Царевичъ: начинай! И принялась
Она трепать Кощею спину. Съ крикомъ,
Какъ бѣшеный, коверкаться и прыгать
Онъ началъ, а Иванъ царевичъ, шапки
Не снявъ, сталъ приговаривать: прибавь,
Прибавь, дубинка; по дѣломъ ему,
Собакѣ: не воруй чужихъ невѣстъ;
Не докучай своею волчьей харей

И глупымъ сватовствомъ своимъ—прекраснымъ
Царевнамъ; злого сна не наводи
На царства! крѣпче бей его, дубинка.—
Да гдѣ ты! покажись! кричалъ Кощей,
Кто ты таковъ?—А вотъ кто! отвѣчалъ
Иванъ царевичъ, шапку невидимку
Снявъ съ головы своей, и въ то-жъ мгновенье
Ударилъ о̀-земь онъ яйцо; оно
Разбилось въ дребезги; Кощей безсмертный
Перекувыркнулся и околѣлъ.
Иванъ царевичъ изъ саду съ царевной
Еленою прекрасной вышелъ, взять
Не позабывши гусли самогуды,
Жаръ-птицу и коня Золотогрива.
Когда-жъ они съ крутой горы спустились,
И, сѣвши на коней, въ обратный путь
Поѣхали, гора, ужасно затрещавъ,
Упала съ за́мкомъ, и на мѣстѣ томъ
Явилось озеро, и долго черный
Надъ нимъ клубился дымъ, распространяясь
По всей окрестности съ великимъ смрадомъ.
Тѣмъ временемъ Иванъ царевичъ, давъ
Конямъ на волю ихъ везти, какъ имъ
Самимъ хотѣлось, весело съ прекрасной
Невѣстой ѣхалъ. Скатерть самобранка
Усердно имъ дорогою служила,
И былъ всегда готовъ имъ вкусный завтракъ,
Обѣдъ и ужинъ въ надлежащій часъ:

На муравѣ душистой утромъ, въ полдень
Подъ деревомъ густовершиннымъ, ночью
Подъ шелковымъ шатромъ, который былъ
Всегда изъ двухъ отдѣльныхъ половинъ
Составленъ. И за каждой ихъ трапезой
Играли гусли самогуды; ночью
Свѣтила имъ Жаръ-птица, а дубинка
Стояла на часахъ передъ шатромъ;
Кони же, подружась, гуляли вмѣстѣ,
Каталися по бархатному лугу,
Или траву росистую щипали,
Иль, голову кладя поочередно
Другъ другу на спину, спокойно спали.
Такъ ѣхали они путемъ-дорогой,
И наконецъ пріѣхали въ то царство,
Которымъ властвовалъ отецъ Ивана
Царевича, премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ. И царство все отъ самыхъ
Его границъ до царскаго дворца
Объято было сномъ непробудимымъ;
И гдѣ они ни проѣзжали, все
Тамъ спало; на полѣ передъ сохой
Стояли спящіе волы; близъ нихъ
Съ своимъ бичемъ, взмахнутымъ и заснувшимъ
На взмахѣ, пахарь спалъ; среди большой
Дороги спалъ ѣздокъ съ конемъ, и пыль,
Поднявшись, сонная, недвижнымъ клубомъ
Стояла; въ воздухѣ былъ мертвый сонъ:

На деревахъ листы дремали молча,
И въ вѣтвяхъ сонныя молчали птицы;
Въ селеньяхъ, въ городахъ все было тихо,
Какъ будто въ гробѣ; люди по домамъ,
На улицахъ, гуляя, сидя, стоя,
И съ ними все: собаки, кошки, куры,
Въ конюшняхъ лошади, въ закутахъ овцы,
И мухи на стѣнахъ, и дымъ въ трубахъ,
Все спало. Такъ въ отцовскую столицу
Иванъ царевичъ напослѣдокъ прибылъ
Съ царевною Еленою прекрасной,
И, на широкій въѣхавъ царскій дворъ,
Они на немъ лежащіе два трупа
Увидѣли: то были Климъ и Петръ
Царевичи, убитые Кощеемъ.
Иванъ царевичъ, мимо караула,
Стоявшаго въ парадѣ соннымъ строемъ,
Прошедъ, по лѣстницѣ повелъ невѣсту
Въ покои царскіе. Былъ во дворцѣ,
По случаю прибытія двухъ старшихъ
Царевыхъ сыновей богатый пиръ,
Въ тотъ самый часъ, когда убилъ обоихъ
Царевичей и сонъ на весь народъ
Навелъ Кощей: весь пиръ въ одно мгновенье
Тогда заснулъ, кто какъ сидѣлъ, кто какъ
Ходилъ, кто какъ плясалъ; и въ этомъ снѣ
Еще ихъ всѣхъ нашелъ Иванъ царевичъ:
Демьянъ Даниловичъ спалъ стоя; подлѣ

Царя храпѣлъ министръ его двора
Съ открытымъ ртомъ, съ неконченнымъ во рту
Докладомъ; и придворные чины,
Всѣ вытянувшись, сонные стояли
Передъ царемъ, уставивъ на него
Свои глаза, потухшіе отъ сна,
Съ подобострастіемъ на сонныхъ лицахъ,
Съ заснувшею улыбкой на губахъ.
Иванъ царевичъ, подошедъ съ царевной
Еленою прекрасною къ царю,
Сказалъ: играйте, гусли самогуды;
И заиграли гусли самогуды...
Вдругъ все очнулось, все заговорило,
Запрыгало и заплясало; словно
Ни на минуту не былъ прерванъ пиръ.
А царь Демьянъ Даниловичъ, увидя,
Что передъ нимъ съ царевною Еленой
Прекрасною стоитъ Иванъ царевичъ,
Его любимый сынъ, едва совсѣмъ
Не обезумѣлъ: онъ смѣялся, плакалъ,
Глядѣлъ на сына, глазъ не отводя,
И цѣловалъ его, и миловалъ,
И напослѣдокъ такъ развеселился,
Что руки въ боки, и пошелъ плясать
Съ царевною Еленою прекрасной.
Потомъ онъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ,
Звонить въ колокола и бирючамъ
Столицѣ объвѣстить, что возвратился

Иванъ царевичъ, что ему полцарства
Теперь же уступаетъ царь Демьянъ
Даниловичъ, что онъ наименованъ
Наслѣдникомъ, что завтра бракъ его
Съ царевною Еленою свершится
Въ придворной церкви, и что царь Демьянъ
Даниловичъ весь свой народъ зоветъ
На свадьбу къ сыну, всѣхъ военныхъ, статскихъ,
Министровъ, генераловъ, всѣхъ дворянъ
Богатыхъ, всѣхъ дворянъ мелкопомѣстныхъ,
Купцовъ, мѣщанъ, простыхъ людей и даже
Всѣхъ нищихъ. И на слѣдующій день
Невѣсту съ женихомъ повелъ Демьянъ
Даниловичъ къ вѣнцу; когда же ихъ
Перевѣнчали, тотчасъ поздравленье
Имъ принесли всѣ знатные чины
Обоихъ половъ; а народъ на площади
Дворцовой той порой кипѣлъ какъ море.
Когда же вышелъ съ молодыми царь
Къ нему на золотой балконъ, отъ крика:
Да здравствуетъ нашъ государь Демьянъ
Даниловичъ съ наслѣдникомъ Иваномъ
Царевичемъ и съ дочерью царевной
Еленою прекрасною!—всѣ зданья
Столицы дрогнули, и отъ взлетѣвшихъ
На воздухъ шапокъ божій день затмился.
Вотъ на обѣдъ всѣ званые царемъ
Сошлися гости—вся его столица;

Въ домахъ осталися одни больные,
Да дѣти, кошки и собаки. Тутъ
Свое проворство скатерть самобранка
Явила: вдругъ она на цѣлый городъ
Раскинулась; сама собою площадь
Уставилась столами, и столы
По улицамъ въ два ряда протянулись;
На всѣхъ столахъ сервизъ былъ золотой,
И не стекло, хрусталь; а подъ столами
Шелковые ковры повсюду были
Разостланы; и всѣмъ гостямъ служили
Гайдуки въ золотыхъ ливреяхъ. Былъ
Обѣдъ такой, какого никогда
Никто не слыхивалъ; уха, какъ жидкій
Янтарь, сверкавшая въ большихъ кострюляхъ;
Огромно-жирныя, длиною въ сажень,
Изъ Волги стерляди, на золотыхъ
Узорныхъ блюдахъ; кулебяка съ сладкой
Начинкою, съ груздями гуси, каша
Съ сметаною, блины съ икрою свѣжей
И крупной какъ жемчугъ, и пироги
Подовые, потопленные въ маслѣ;
А для питья шипучій квасъ въ хрустальныхъ
Кувшинахъ, мартовское пиво, медъ
Душистый и вино изъ всѣхъ земель:
Шампанское, венгерское, мадера
И ренское, и всякія наливки,—
Короче молвить, скатерть самобранка

Такъ отличалася, что было чудо.
Но и дубинка не лежала праздно:
Вся гвардія была за царскій столъ
Приглашена, вся даже городская
Полиція — дубинка молодецки
За всѣхъ одна служила: во дворцѣ
Держала караулъ; она-жъ ходила
По улицамъ, чтобъ наблюдать вездѣ
Порядокъ: кто ей пьяный попадался,
Того она толкала въ спину прямо
На съѣзжую; кого-жъ въ пустомъ гдѣ домѣ
За кражею она ловила, тотъ
Былъ такъ отшлепанъ, что отъ воровства
На вѣки отрекался и вступалъ
Въ путь добродѣтели, — дубинка, словомъ,
Неимовѣрныя во время пира
Царю, гостямъ и городу всему
Услуги оказала. Между тѣмъ
Все во дворцѣ кипѣло, гости ѣли
И пили такъ, что съ ихъ румяныхъ лицъ
Катился потъ; тутъ гусли самогуды
Явили все усердіе свое;
При нихъ не нуженъ былъ оркестръ, и гости
Ужъ музыки наслышались такой,
Какая никогда имъ и во снѣ
Не грезилась. Но вотъ, когда, наполнивъ
Виномъ заздравный кубокъ, царь Демьянъ
Даниловичъ хотѣлъ провозгласить

Самъ многолѣтье новобрачнымъ, громко
На площади раздался трубный звукъ;
Всѣ изумились, всѣ оторопѣли;
Царь съ молодыми самъ идетъ къ окну,
И что-же ихъ является очамъ?
Карета въ восемь лошадей (трубачъ
Съ трубою впереди) къ крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачетъ;
И та карета золотая; кóзлы
Съ подушкою и бархатнымъ покрыты
Наметомъ; назади шесть гайдуковъ;
Шесть скороходовъ по бокамъ: ливреи
На нихъ изъ сѣраго сукна, по швамъ
Басоны; на каретныхъ дверцахъ гербъ:
Въ червленомъ полѣ волчій хвостъ подъ графской
Короною. Въ карету заглянувъ,
Иванъ царевичъ закричалъ: да это
Мой благодѣтель, сѣрый волкъ! Его
Встрѣчать бѣгомъ онъ побѣжалъ. И точно
Сидѣлъ въ каретѣ сѣрый волкъ; Иванъ
Царевичъ, подскочивъ къ каретѣ, дверцы
Самъ отворилъ, подножку самъ откинулъ,
И гостя высадилъ; потомъ онъ, съ нимъ
Поцѣловавшись, взялъ его за лапу,
Ввелъ во дворецъ, и самъ его царю
Представилъ. Сѣрый волкъ, отдавъ поклонъ
Царю, осанисто на заднихъ лапахъ
Всѣхъ обошелъ гостей, мужчинъ и дамъ,

И всѣмъ, какъ слѣдуетъ, по комплименту
Пріятному сказалъ; онъ былъ одѣтъ
Отлично: красная на головѣ
Ермолка съ кисточкой, подъ морду лентой
Подвязанная; шелковый платокъ
На шеѣ; куртка съ золотымъ шитьемъ;
Перчатки лайковыя съ бахромою;
Перепоясанныя тонкой шалью
Изъ алаго атласа шаровары;
Сафьянныя на заднихъ лапахъ туфли,
И на хвостѣ серебряная сѣтка
Съ жемчужной кистью—такъ былъ сѣрый волкъ
Одѣтъ. И всѣхъ своимъ онъ обхожденьемъ
Очаровалъ; не только что простые
Дворяне маленькихъ чиновъ и среднихъ,
Но и чины придворные, статсъ-дамы
И фрейлины всѣ были отъ него
Какъ безъ ума. И, гостя за столомъ
Съ собою рядомъ посадивъ, Демьянъ
Даниловичъ съ нимъ кубкомъ въ кубокъ стукнулъ
И возгласилъ здоровье новобрачнымъ,
И пушечный заздравный грянулъ залпъ.
Пиръ царскій и народный продолжался
До темной ночи; а когда настала
Ночная тьма, Жаръ-птицу на балконѣ
Въ ея богатой клѣткѣ золотой
Поставили, и весь дворецъ, и площадь,
И улицы, кипѣвшія народомъ,

Яснѣе дня Жаръ-птица освѣтила;
И до утра столица пировала.
Былъ ночевать оставленъ сѣрый волкъ;
Когда же на другое утро онъ,
Собравшись въ путь, прощаться сталъ съ Иваномъ
Царевичемъ, его Иванъ царевичъ
Сталъ уговаривать, чтобъ онъ у нихъ
Остался на житье, и увѣрялъ,
Что всякую получитъ почесть онъ,
Что во дворцѣ дадутъ ему квартиру,
Что будетъ онъ по чину въ первомъ классѣ,
Что разомъ всѣ получитъ ордена,
И прочее. Подумавъ, сѣрый волкъ
Въ знакъ своего согласія Ивану
Царевичу далъ лапу, и Иванъ
Царевичъ такъ былъ тронутъ тѣмъ, что лапу
Поцѣловалъ. И во дворцѣ сталъ жить
Да поживать по-царски сѣрый волкъ.
Вотъ наконецъ по долгомъ, мирномъ, славномъ
Владычествѣ, премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ скончался, на престолъ
Взошелъ Иванъ Демьяновичъ; съ своей
Царицей онъ до самыхъ позднихъ лѣтъ
Достигнулъ, и Господь благословилъ
Ихъ многими дѣтьми; а сѣрый волкъ
Душою въ душу жилъ съ царемъ Иваномъ
Демьяновичемъ, нянчился съ его
Дѣтьми, самъ, какъ дитя, рѣзвился съ ними,

Меньшимъ разсказывалъ нерѣдко сказки,
А старшихъ выучилъ читать, писать
И ариѳметикѣ, и имъ давалъ
Полезныя для сердца наставленья.
Вотъ напослѣдокъ, царствовавъ премудро,
И царь Иванъ Демьяновичъ скончался;
За нимъ послѣдовалъ и сѣрый волкъ
Въ могилу. Но въ его нашлись бумагахъ
Подробныя записки обо всемъ,
Что на своемъ вѣку, въ лѣсу и въ свѣтѣ
Замѣтилъ онъ, и мы изъ тѣхъ записокъ
Составили правдивый нашъ разсказъ.

1841—47 г.

ОДИССЕЯ.

Пѣснь девятая: Изъ разсказовъ Одиссея царю Алкиною, какъ онъ, возвращаясь съ другими героями Греціи, изъ-подъ Трои, на родину въ Итаку, попалъ между прочимъ на островъ, населенный варварами, Циклопами, имѣющими одинъ глазъ по срединѣ лба, и какъ онъ спасся отъ погибели въ пещерѣ Циклопа Полифема.

...Далѣе поплыли мы, сокрушенные сердцемъ, и въ землю
Прибыли сильныхъ, свирѣпыхъ, не знающихъ правды Циклоповъ.
Тамъ беззаботно они, подъ защитой безсмертныхъ имѣя
Все, ни руками не сѣютъ, ни плугомъ не пашутъ; земля тамъ
Тучная щедро сама безъ паханья и сѣва даетъ имъ
Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошныхъ кистей винограда
Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ оплождаетъ.
Нѣтъ между ними ни сходбищъ народныхъ, ни общихъ совѣтовъ;
Въ темныхъ пещерахъ они иль на горныхъ вершинахъ высокихъ
Вольно живутъ; надъ женой и дѣтьми безотчетно тамъ каждый
Властвуетъ, зная себя одного, о другихъ не заботясь.
Есть островокъ тамъ пустынный и дикій: лежитъ онъ на темномъ
Лонѣ морскомъ, ни далеко, ни близко отъ брега Циклоповъ,
Лѣсомъ покрытый; въ великомъ тамъ множествѣ дикія козы

Водятся; ихъ никогда не тревожилъ шаговъ человѣка
Шумъ; никогда не заглядывалъ къ нимъ звѣроловецъ, за дичью
Съ тяжкимъ трудомъ по горамъ крутобокимъ со псами бродящій;
Тамъ не пасутся стада и земли не касаются плуги;
Тамъ ни въ какіе дни года не сѣютъ, не пашутъ; людей тамъ
Нѣтъ; безъ боязни тамъ ходятъ однѣ тонконогія козы,
Ибо Циклопы еще кораблей красногрудыхъ не знаютъ;
Нѣтъ между ними искусниковъ, опытныхъ въ хитромъ строеньи
Крѣпкихъ судовъ, изъ которыхъ бы каждый, моря обтекая,
Разныхъ народовъ страны посѣщалъ, какъ бываетъ, что ходятъ
По морю люди, съ другими людьми дружелюбно знакомясь.
Дикій тотъ островъ могли обратить бы въ цвѣтущій Циклопы;
Онъ не безплоденъ; тамъ все бы роскошно рождалося къ сроку;
Сходятъ широкой отлогостью къ морю луга тамъ густые,
Влажные, мягкіе: много-бъ вездѣ разрослось винограда;
Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой
Рожью, и жатва была бы на тучной землѣ изобильна.
Есть тамъ надежная пристань, въ которой не нужно ни тяжкій
Якорь бросать, ни канатомъ привязывать шаткое судно:
Можетъ оно простоять безопасно тамъ, сколько захочетъ
Плаватель самъ, иль пока не подымется вѣтеръ попутный.
Въ самой вершинѣ залива прозрачно ввергается въ море
Ключъ, изъ пещеры бѣгущій подъ сѣнію тополей черныхъ.
Въ эту мы пристань вошли съ кораблями: въ ночной темнотѣ намъ
Путь указалъ благодѣтельный Демонъ: былъ островъ невидимъ;
Влажный туманъ окружалъ корабли; не свѣтила Селена
Съ неба высокаго; тучи его покрывали густыя;
Острова было нельзя различить намъ глазами во мракѣ;

Видѣть и длинныхъ, широко на берегъ отлогій бѣгущихъ
Волнъ не могли мы, пока корабли не коснулися брега,
Но лишь коснулися брега они, паруса мы свернули;
Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волнами,
Сну предались въ ожиданьи восхода на небо денницы.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Весь обошли съ удивленьемъ великимъ мы островъ пустынный;
Нимфы же, дочери Зевса эгидодержавца, пригнали
Козъ съ обвѣваемыхъ вѣтрами горъ, для богатой намъ пищи;
Гибкіе луки, охотничьи легкія копья немедля
Взяли съ своихъ кораблей мы, и, на три толпы раздѣляся,
Начали битву; и богъ благосклонный великой добычей
Насъ наградилъ: всѣ двѣнадцать моихъ кораблей запасли мы;
Девять на каждый досталось по жеребью козъ; для себя же
Выбралъ я десять. И цѣлый мы день до вечерняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались,
Ибо еще на моихъ корабляхъ золотого довольно
Было вина: мы наполнили много скудельныхъ сосудовъ
Сладкимъ напиткомъ, разрушивши городъ священный Киконовъ.
Съ острова-жъ въ области близкой Циклоповъ, намъ ясно былъ видѣнъ
Дымъ; голоса ихъ, блеянье ихъ козъ и барановъ могли мы
Слышать. Тѣмъ временемъ солнце померкло и тьма наступила.
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Вѣрныхъ товарищей я на совѣтъ пригласилъ и сказалъ имъ:
Всѣ вы, товарищи вѣрные, здѣсь безъ меня оставайтесь;
Я же, съ моимъ кораблемъ и моими людьми удаляся,

Свѣдать о томъ попытаюсь, какой тамъ народъ обитаетъ,
Дикій ли, нравомъ свирѣпый, не знающій вѣры и правды,
Или привѣтливый, богобоязненный, гостепріимный?
Такъ я сказалъ, и вступивъ на корабль, повелѣлъ, чтобъ за мною
Люди мои на него всѣ взошли и канатъ отвязали;
Люди взошли на корабль, и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Къ берегу близкому скоро приставъ съ кораблемъ, мы открыли
Въ крайнемъ, у самаго моря стоявшемъ утесѣ пещеру,
Густо одѣтую лавромъ, пространную, гдѣ собирался
Мелкій во множествѣ скотъ; тамъ высокой стѣной изъ огромныхъ,
Грубо набросанныхъ камней былъ дворъ обведенъ, и стояли
Частымъ заборомъ вокругъ черноглавые дубы и сосны.
Мужъ великанскаго роста въ пещерѣ той жилъ; одиноко
Пасъ онъ барановъ и козъ, и ни съ кѣмъ изъ другихъ не водился;
Былъ нелюдимъ онъ,. свирѣпъ, ни какого не вѣдалъ закона;
Видомъ и ростомъ чудовищнымъ въ страхъ приводя, онъ несходенъ
Былъ съ человѣкомъ, вкушающимъ хлѣбъ, и казался лѣсистой,
Дикой вершиной горы, надъ другими воздвигшейся грозно.
Спутникамъ вѣрнымъ моимъ повелѣлъ я остаться на брегѣ
Близъ корабля, и его сторожить неусыпно; съ собой же
Взявши двѣнадцать надежныхъ и самыхъ отважныхъ, пошелъ я
Съ ними; и мы запаслися вина драгоцѣннаго полнымъ
Мѣхомъ: Маронъ, Аполлона великаго жрецъ, Эвантеевъ
Сынъ, обитавшій въ разрушенномъ Измарѣ, имъ надѣлилъ насъ
Въ даръ благодарный за то, что его мы съ женою и съ сыномъ —
Санъ уважая жреца — пощадили во градѣ, гдѣ жилъ онъ
Въ рощѣ густой Аполлона; меня-жъ одарилъ онъ особо:

Золота лучшей доброты онъ далъ мнѣ семь полныхъ талантовъ;
Далъ сребролитную дивной работы кратеру, и налилъ
Цѣлыхъ двѣнадцать большихъ мнѣ скуделей виномъ, драгоцѣннымъ,
Крѣпкимъ, божественно-сладкимъ напиткомъ; о немъ же невѣдалъ
Въ домѣ никто изъ рабовъ и рабынь, и никто изъ домашнихъ,
Кромѣ хозяина, умной хозяйки и ключницы вѣрной.
Если когда тѣмъ пурпурно-медвянымъ виномъ насладиться
Въ комъ пробуждалось желанье, то, въ чашу его нацѣдивши,
Въ двадцать разъ болѣ воды подбавляли, и запахъ изъ чаши
Былъ несказанный: не могъ тутъ никто отъ питья воздержаться.
Взялъ я съ собой тѣмъ напиткомъ наполненный мѣхъ и съѣстного
Полный кошель: говорило мнѣ вѣщее сердце, что встрѣчу
Страшнаго мужа чудовищной силы, свирѣпаго нравомъ,
Чуждаго добрымъ обычаямъ, чуждаго вѣрѣ и правдѣ.
Шагомъ поспѣшнымъ къ пещерѣ приблизились мы, но его въ ней
Не было; козъ и барановъ онъ пасъ на лугу недалекомъ.
Начали все мы въ пещерѣ пространной осматривать; много
Было сыровъ въ тростниковыхъ корзинахъ; въ отдѣльныхъ закутахъ
Заперты были козлята, барашки, по возрастамъ разнымъ въ порядкѣ
Тамъ размѣщенные: старшіе съ старшими, средніе подлѣ
Среднихъ и съ младшими младшіе; ведра и чаши
Были до самыхъ краевъ налиты простоквашей густою.
Спутники стали меня убѣждать, чтобъ, запасшись сырами,
Болѣ я въ страшной пещерѣ не медлилъ, чтобъ всѣ мы скорѣе,
Взявши въ закутахъ отборныхъ козлятъ и барашковъ, съ добычей

Нашей на быстрый корабль убѣжали и въ море пустились.
Я на бѣду отказался полезный совѣтъ ихъ исполнить:
Видѣть его мнѣ хотѣлось въ надеждѣ, что, насъ угостивши,
Дастъ намъ подарокъ: но встрѣтиться съ нимъ не на радость
намъ было.
Яркій огонь разложивъ, совершили мы жертву; добывши
Сыру потомъ и насытивъ свой голодъ, остались въ пещерѣ
Ждать, чтобъ со стадомъ въ нее возвратился хозяинъ. И скоро
Съ ношею дровъ, для варенья вечернія пищи, явился
Онъ и со стукомъ на землю дрова передъ входомъ пещеры
Бросилъ: объятые страхомъ, мы спрятались въ уголъ; пригнавши
Стадо откормленныхъ козъ и волнистыхъ барановъ къ пещерѣ,
Матокъ въ нее онъ впустилъ, а самцовъ, и козловъ и барановъ,
Прежде отъ нихъ отдѣливъ, на дворѣ передъ входомъ оставилъ.
Кончивъ, чтобъ входъ заградить, несказанно великій съ земли онъ
Камень, который и двадцать два воза четыреколесныхъ
Съ мѣста бъ не сдвинули, поднялъ: подобенъ скалѣ необъятной
Былъ онъ; его подхвативши и входъ имъ пещеры задвинувъ,
Сѣлъ онъ и матокъ доить принялся надлежащимъ порядкомъ,
Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
Клалъ сосуна. Половину отливъ молока въ плетеницы,
Въ нихъ онъ оставилъ его, чтобъ оно огустѣло для сыра;
Все жъ молоко остальное разлилъ по сосудамъ, чтобъ послѣ
Пить по утрамъ иль за ужиномъ, съ пажити стадо пригнавши.
Кончивъ съ заботливымъ спѣхомъ работу свою, наконецъ онъ
Яркій огонь разложилъ, насъ увидѣлъ и грубо сказалъ намъ:
Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
Дѣло-ль какое у васъ? Иль безъ дѣла скитаетесь всюду,

Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и бѣды приключая народамъ?
Такъ онъ сказалъ намъ; у каждаго замерло милое сердце:
Голосъ гремящій и образъ чудовища въ трепетъ привелъ насъ;
Но, ободрясь, напослѣдокъ отвѣтствовалъ такъ я Циклопу:
Всѣ мы ахейцы; плывемъ отъ далекія Трои; сюда же
Бурею насъ принесло по волнамъ безпредѣльнаго моря.
Въ милую землю отцовъ возвращаясь, съ прямого пути мы
Сбились: такъ было конечно угодно могучему Зевсу.
Служимъ мы въ войскѣ Атрида царя Агамемнона; онъ же
Всѣхъ земнородныхъ людей превзошелъ несказанною славой,
Городъ великій разрушивъ и много враговъ истребивши.
Нынѣ къ колѣнямъ припавши твоимъ, мы тебя умоляемъ
Насъ безпріютныхъ къ себѣ дружелюбно принять и подарокъ
Дать намъ, какимъ завсегда на прощаньи гостей надѣляютъ.
Ты же убойся боговъ: мы пришельцы, мы ищемъ покрова;
Мститъ за пришельцевъ отверженныхъ строго небесный Кроніонъ,
Богъ гостелюбецъ, священнаго странника вождь и заступникъ!
Такъ я сказалъ; съ неописанной злостью Циклопъ отвѣчалъ мнѣ:
Видно, что ты издалека, иль вовсе безуменъ, пришелецъ,
Если могъ вздумать, что я побоюсь иль уважу безсмертныхъ!
Намъ, Циклопамъ, нѣтъ нужды ни въ богѣ Зевесѣ, ни въ прочихъ
Вашихъ блаженныхъ богахъ; мы породой ихъ всѣхъ знаменитѣй;
Страхъ громовержца Зевеса разгнѣвать меня не принудитъ
Васъ пощадить: поступлю я, какъ мнѣ самому то угодно.
Ты же теперь мнѣ скажи, гдѣ корабль, на которомъ пришли вы
Къ намъ? Далеко ли иль близко отсюда стоитъ онъ? То вѣдать
Долженъ я. Такъ, искушая, онъ хитро спросилъ. Остерегшись,

Хитрыми самъ я словами отвѣтствовалъ злому Циклопу:
Богъ Посидонъ, колебатель земли, мой корабль уничтожилъ,
Бросивъ его недалеко отъ здѣшняго брега на камни
Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
Мнѣ-жъ и со мною немногимъ отъ смерти спастись удалося.
Такъ я сказалъ, и, отвѣта не давъ никакого, онъ быстро
Прянулъ, какъ бѣшеный звѣрь, и огромныя вытянувъ руки,
Разомъ межъ нами двоихъ, какъ щенятъ, подхватилъ и ударилъ
Оземь: ихъ черепъ разбился; обрызгало мозгомъ пещеру.
Онъ же, обоихъ разсѣкши на части, изъ нихъ свой ужасный
Ужинъ состряпалъ и жадно, какъ левъ, разъяряемый гладомъ,
Съѣлъ ихъ, ни кости, ни мяса куска, ни утробъ не оставивъ.
Мы, святотатнаго дѣла свидѣтели, руки со стономъ
Къ Дію отцу подымали: нашъ умъ помутился отъ скорби.
Чрево наполнивъ свое человѣческимъ мясомъ и свѣжимъ
Страшную пищу запивъ молокомъ, людоѣдъ беззаботно
Между козловъ и барановъ на голой землѣ растянулся.
Тутъ подошелъ я къ нему съ дерзновеннымъ намѣреньемъ сердца:
Острый свой мечъ обнаживши, чудовищу местящею мѣдью
Тѣло въ томъ мѣстѣ пронзить, гдѣ подъ грудью находится печень.
Мечъ мой ужъ былъ занесенъ; но иное на мысли пришло мнѣ:
Съ нимъ неизбѣжно и насъ бы постигнула вѣрная гибель;
Всѣ совокупно мы были бъ не въ силахъ отъ входа пещеры
Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественной Эосъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Всталъ онъ, огонь разложилъ и доить принялся по порядку
Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ

Клалъ сосуна; окончивши съ заботливымъ спѣхомъ работу,
Снова изъ насъ онъ похитилъ двоихъ на ужасную пищу.
Съѣвъ ихъ, онъ выгналъ шумящее стадо изъ темной пещеры,
Мощной рукой оттолкнувши утесъ приворотный, имъ двери
Снова онъ заперъ, какъ легкою кровлей колчанъ запираютъ.
Съ свистомъ погналъ онъ на горное пастбище тучное стадо;
Я жъ, въ заключеньи оставленный, началъ выдумывать средство,
Какъ бы врагу отомстить, и молилъ о защитѣ Палладу.
Вотъ что́, размысливъ, нашелъ наконецъ я удобнымъ и вѣрнымъ:
Въ козьей закутѣ стояла дубина Циклопова, свѣжій
Стволъ имъ обрубленной маслины дикой; его онъ очистивъ,
Сохнуть поставилъ въ закуту, чтобъ послѣ гулять съ нимъ.
Подобенъ
Намъ показался онъ мачтѣ, какая на многовесельномъ,
Съ грузомъ товаровъ моря обтекающемъ суднѣ бываетъ;
Былъ онъ, конечно, какъ мачта длиной, толщиною и вѣсомъ.
Взявши тотъ стволъ и мечемъ отъ него отрубивши три локтя,
Выгладить чисто отрубокъ велѣлъ я товарищамъ; скоро
Выглаженъ былъ онъ; своею рукою его заострилъ я;
Послѣ, обжегши на угольяхъ острый конецъ, мы поспѣшно
Колъ, приготовленный къ дѣлу, зарыли въ навозѣ, который
Кучей огромной набросанъ былъ въ смрадной пещерѣ Циклопа.
Кончивъ, своихъ пригласилъ я сопутниковъ жеребій кинуть:
Кто между ними коломъ обожженнымъ поможетъ пронзить мнѣ
Глазъ людоѣду, какъ скоро глубокому сну онъ предастся.
Жеребій далъ четырехъ мнѣ и самыхъ надежныхъ, которыхъ
Самъ бы я выбралъ, и къ нимъ я присталъ не по жеребью пятый.
Вечеромъ, жирное стадо гоня, людоѣдъ возвратился;

Но, отворивши пещеру, въ нее онъ ужъ полное стадо
Ввелъ, не оставивъ на внѣшнемъ дворѣ ни козла, ни барана
(Было ли въ немъ подозрѣнье, иль Демонъ его надоумилъ).
Снова пещеру задвинувъ скалой необъятно тяжелой,
Сѣлъ онъ и матокъ доить принялся надлежащимъ порядкомъ,
Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
Клалъ сосуна. И окончивъ работу, рукой безпощадной
Снова двоихъ онъ изъ насъ подхватилъ и попрежнему съѣлъ ихъ.
Тутъ подошелъ я отважно и рѣчь обратилъ къ людоѣду,
Полную чашу вина золотого ему предлагая:
Выпей, Циклопъ, золотого вина, человѣчьимъ насытясь
Мясомъ; узнаешь, какой драгоцѣнный напитокъ на нашемъ
Былъ кораблѣ; для тебя я его сохранилъ, уповая
Милость въ тебѣ обрѣсти: но свирѣпствуешь ты нестерпимо.
Кто же впередъ, безпощадный, тебя посѣтитъ изъ живущихъ
Многихъ людей, о твоихъ беззаконныхъ поступкахъ услышавъ?
Такъ говорилъ я; взявъ чашу, ее осушилъ онъ, и вкуснымъ
Крѣпкій напитокъ ему показался; другой попросилъ онъ
Чаши: налей мнѣ, сказалъ онъ, еще и свое назови мнѣ
Имя, чтобъ могъ приготовить тебѣ я приличный подарокъ.
Есть и у насъ, у Циклоповъ, роскошныхъ кистей винограда
Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ оплождаетъ;
Твой же напитокъ—амврозія чистая съ нектаромъ сладкимъ.
Такъ онъ сказалъ, и другую я чашу виномъ искрометнымъ
Налилъ. Еще попросилъ онъ, и третью безумцу я подалъ:
Стало шумѣть огневое вино въ головѣ людоѣда.
Я обратился къ нему съ обольстительно-сладкою рѣчью:
Славное имя мое ты, Циклопъ, любопытствуешь свѣдать,

Съ тѣмъ, чтобъ меня угостивъ, и обычный мнѣ сдѣлать подарокъ?
Я называюсь Никто; мнѣ такое названіе дали
Мать и отецъ, и товарищи такъ всѣ меня величаютъ.
Съ злобной насмѣшкою мнѣ отвѣчалъ людоѣдъ звѣронравный:
Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый послѣдній
Съѣденъ, когда я раздѣлаюсь съ прочими; вотъ мой подарокъ.
Тутъ повалился онъ навзничъ, совсѣмъ опьянѣлый; и на бокъ
Свисла могучая шея, и всепобѣждающей силой
Сонъ овладѣлъ имъ; вино и куски человѣчьяго мяса
Выбросилъ онъ изъ разинутой пасти, не въ мѣру напившись.
Колъ свой доставъ, мы его остріемъ на огонь положили;
Тотчасъ зардѣлъ онъ; тогда я, товарищей выбранныхъ кликнувъ,
Ихъ ободрилъ, чтобъ со мною рѣшительны были въ опасномъ
Дѣлѣ. Уже начиналъ положенный на уголья колъ нашъ
Пламя давать, разгорѣвшись, хотя и сырой былъ; поспѣшно
Вынулъ его изъ огня я; товарищи смѣло съ обоихъ
Стали боковъ,—божество въ нихъ, конечно, вложило отважность:
Колъ обхватили они и его остріемъ раскаленнымъ
Втиснули спящему въ глазъ; и, съ конца приподнявши, его я
Началъ вертѣть, какъ вертитъ буравомъ корабельный строитель,
Толстую доску пронзая; другіе-жъ ему помогаютъ, ремнями
Острый буравъ обращая, и, въ доску вгрызаясь, визжитъ онъ.
Такъ мы его съ двухъ боковъ обхвативши руками, проворно
Колъ свой вертѣли въ пронзенномъ глазу: облился онъ горячей
Кровью; истлѣли рѣсницы, шершавыя вспухнули брови;
Яблоко лопнуло; выбрызнулъ глазъ, на огнѣ зашипѣвши.
Такъ расторопный ковачъ, изготовивъ топоръ иль сѣкиру,
Въ воду металлъ (на огнѣ раскаливши его, чтобъ двойную

Крѣпость имѣлъ) погружаетъ и звонко шипитъ онъ въ холодной
Влагѣ: такъ глазъ зашипѣлъ, остріемъ раскаленнымъ пронзенный.
Дико завылъ людоѣдъ—застонала отъ воя пещера.
Въ страхѣ мы кинулись прочь; съ несказанной свирѣпостью вырвавъ
Колъ изъ пронзеннаго глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой отъ себя онъ его отшвырнулъ; въ изступленьи
Началъ онъ крикомъ Циклоповъ сзывать, обитавшихъ въ глубокихъ
Гротахъ окрестъ и на горныхъ, лобзаемыхъ вѣтромъ, вершинахъ.
Громкіе вопли услышавъ, отвсюду сбѣжались Циклопы;
Входъ обступили пещеры они, и спросили: зачѣмъ ты
Созвалъ насъ всѣхъ, Полифемъ? Что́ случилось? На что́ ты
Сладкій нашъ сонъ и спокойствіе ночи божественной прервалъ?
Козъ ли твоихъ и барановъ кто дерзко похитилъ? Иль самъ ты
Гибнешь? Но кто же тебя здѣсь обманомъ иль силою губитъ?
Имъ отвѣчалъ онъ изъ темной пещеры отчаянно дикимъ
Ревомъ: *Никто!* Но своей я оплошностью гибну; *Никто* бы
Силой не могъ повредить мнѣ. Въ сердцахъ закричали Циклопы:
Если никто, для чего же одинъ такъ ревешь ты? Но если
Боленъ, то воля на это Зевеса, ея не избѣгнешь.
Въ помощь отца своего призови Посидона владыку.
Такъ говорили они, удаляясь. Во мнѣ же смѣялось
Сердце, что вымысломъ имени всѣхъ мнѣ спасти удалося.
Охая тяжко, съ кряхтѣньемъ и стономъ ошаривъ руками
Стѣны, Циклопъ отодвинулъ отъ входа скалу, передъ нею
Сѣлъ и огромныя вытянулъ руки, надѣясь, что въ стадѣ,
Мимо его проходящемъ, насъ всѣхъ переловитъ; конечно,

Думалъ свирѣпый глупецъ, что и я былъ, какъ онъ, безъ разсудка.
Я-жъ осторожнымъ умомъ вымышлялъ и обдумывалъ средство,
Какъ бы себя и товарищей бодрыхъ избавить отъ вѣрной
Гибели; многія хитрости, разные способы тщетно
Мыслямъ моимъ представлялись, а бѣдствіе было ужъ близко.
Вотъ что, по думаньи долгомъ, удобнѣйшимъ мнѣ показалось:
Были бараны большіе, покрытые длинною шерстью,
Жирные, мощные въ стадѣ; руно ихъ какъ шелкъ волновалось.
Я потихоньку сплетенными крѣпкими лыками, вырвавъ
Ихъ изъ рогожи, служившей постелею злому Циклопу,
По три барана связалъ; человѣкъ былъ подвязанъ подъ каждымъ
Среднимъ, другими двумя по бокамъ защищенный; на каждыхъ
Трехъ былъ одинъ изъ товарищей нашихъ; а самъ я?.. Дебелый,
Рослый, съ роскошною шерстью былъ въ стадѣ баранъ: обхвативши
Мягкую спину его, я повисъ на рукахъ подъ шершавымъ
Брюхомъ; а руки (въ руно несказанно-густое впустивъ ихъ)
Длинною шерстью обвилъ и на ней терпѣливо держался.
Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественной Эосъ.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ:
Къ выходу всѣ побѣжали самцы, и козлы, и бараны;
Матки-жъ еще недоеныя, жалко блеяли въ закутахъ,
Брызжа изъ длинныхъ сосцовъ молокомъ; господинъ ихъ, отъ боли
Охая щупалъ руками у всѣхъ, пробѣгающихъ мимо,
Пышныя спины; но, глупый, онъ былъ угадать неспособенъ,
Что у иныхъ подъ волнистой скрывалося грудью; послѣдній

Шелъ мой баранъ; и медлительнымъ шагомъ онъ шелъ, отягченный
Длинною шерстью и мной, размышлявшимъ въ то время о многомъ.
Спину ощупавъ его, съ нимъ Циклопъ разговаривать началъ:
Ты-ль, мой прекрасный любимецъ? Зачѣмъ же пещеру послѣдній
Нынѣ покинулъ? Ты прежде лѣнивъ и медлителенъ не былъ.
Первый всегда, величаво ступая, на лугъ выходилъ ты
Сладкоцвѣтущей травою питаться; ты въ полдень къ потоку
Первый бѣжалъ, и у всѣхъ впереди возвращался въ пещеру
Вечеромъ. Нынѣ-жъ идешь ты послѣдній; знать чувствуешь самъ ты,
Бѣдный, что око мое за тобой ужъ не смотритъ; лишенъ я
Свѣтлаго зрѣнія гнуснымъ бродягою; здѣсь онъ виномъ мнѣ
Умъ отуманилъ; его называютъ Никто; но еще онъ
Власти моей не избѣгнулъ! Когда бы, мой другъ, говорить ты
Могъ, ты сказалъ бы, гдѣ спрятался врагъ ненавистный: я черепъ
Вмигъ раздробилъ бы ему и разбрызгалъ бы мозгъ по пещерѣ,
О-земь ударивъ его и на части раздернувъ; отмстилъ бы
Я за обиду, какую Никто, злоковарный разбойникъ,
Здѣсь мнѣ нанесъ. Такъ сказавъ, онъ барана пустилъ на свободу.
Я-жъ, недалеко отъ входа пещеры и внѣшней ограды
Первый ставъ на ноги, спутниковъ всѣхъ отвязалъ, и немедля
Съ ними все стадо козловъ тонконогихъ и жирныхъ барановъ
Собралъ; обходами многими ихъ мы погнали на взморье
Къ нашему судну. И сладко товарищамъ было насъ встрѣтить,
Гибели вѣрной избѣгшихъ; хотѣли о милыхъ погибшихъ

Плакать они; но, мигнувъ имъ глазами, чтобъ плачъ удержали,
Стадо козловъ и барановъ взвести на корабль нашъ немедля
Я повелѣлъ: отойти мнѣ отъ берега въ море хотѣлось.
Люди мои собралися, и сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды;
Но, на такое отплывъ разстоянье, въ какомъ человѣчій
Явственно голосъ доходитъ до насъ, закричалъ я Циклопу:
Слушай, Циклопъ безпощадный, впередъ беззащитныхъ гостей ты
Въ гротѣ глубокомъ своемъ не губи и не ѣшь; святотатнымъ
Дѣломъ всегда на себя навлекаемъ мы вѣрную гибель;
Ты, злочестивецъ, дерзнулъ иноземцевъ, твой домъ посѣтившихъ,
Звѣрски сожрать — наказали тебя и Зевесъ и другіе
Боги блаженные. Такъ я сказалъ; онъ, ужасно взбѣшенный,
Тяжкій утесъ отъ вершины горы отломилъ и съ размаха
На голосъ кинулъ; утесъ, пролетѣвши надъ судномъ, въ пучину
Рухнулъ такъ близко къ нему, что его черноостраго носа
Чуть не расшибъ; всколыхалося море отъ падшей громады;
Хлынувъ, большая волна побѣжала стремительно къ брегу;
Схваченный ею, обратно къ землѣ и корабль нашъ помчался...
Длинною жердью я въ берегъ песчаный уперся и судно
Прочь отвалилъ; а товарищамъ, молча, кивнулъ головою,
Ихъ побуждая всей силой на весла налечь, чтобъ избѣгнуть
Близкой бѣды; всѣ, нагнувшися, разомъ ударили въ весла.
Бывъ на двойномъ разстояньи отъ страшнаго брега, опять я
Началъ кричать, вызывая Циклопа. Товарищи въ страхѣ
Всѣ убѣждали меня замолчать и его не тревожить.
Дерзкій, они говорили, зачѣмъ ты чудовище дразнишь?

Въ море швырнувши утесъ, онъ едва съ кораблемъ насъ не
бросилъ
На берегъ снова; едва не постигла насъ вѣрная гибель.
Если теперь онъ чей голосъ иль слово какое услышитъ,
Голову намъ раздробитъ и корабль нашъ въ куски изломаетъ,
Бросивъ утесъ остробокій: до насъ же онъ вѣрно добросить.
Такъ говорили они; но, упорствуя дерзостнымъ сердцемъ,
Я продолжалъ раздражать оскорбительной рѣчью Циклопа:
Если, Циклопъ, у тебя изъ людей земнородныхъ кто спроситъ,
Какъ истребленъ твой единственный глазъ, ты на это отвѣтствуй:
Царь Одиссей, городовъ сокрушитель, героя Лаэрта
Сынъ, знаменитый властитель Итаки, мнѣ выкололъ глазъ мой.
Такъ я сказалъ. Заревѣлъ онъ отъ злости и громко воскликнулъ:
Горе! пророчество древнее нынѣ сбылось надо мною;
Нѣкогда былъ здѣсь одинъ предсказатель великій и мудрый
Телемъ, Эвритіевъ сынъ, знаменитѣйшій въ людяхъ всевидецъ;
Жилъ и состарѣлся онъ, прорицая, въ землѣ у Циклоповъ.
Вѣдая все, чтó должно свершиться въ грядущемъ, предрекъ онъ
Мнѣ, что рука Одиссеева зрѣнье мое уничтожитъ.
Я же все думалъ, что явится мужъ благовидный, высокій
Ростомъ, божественной силою мышцъ обладающій смертный...
Чтó же? Меня малорослый уродъ, человѣчишко хилый
Зрѣнья лишилъ, напередъ вѣроломно виномъ опьянивши.
Если-жъ ты впрямь Одиссей, возвратись: я, тебя одаривши,
Стану молить Посидона, чтобъ путь совершилъ ты безбѣдно
По морю; сынъ я ему; онъ отцемъ мнѣ слыветъ; и одинъ онъ,
Если захочетъ, погибшее зрѣнье мое возвратить мнѣ
Можетъ—одинъ онъ, никто изъ людей, и никто изъ безсмертныхъ

Такъ говорилъ Полифемъ. Я, отвѣтствуя, громко воскликнулъ:
О, когда бы я такъ же могъ вѣрно и гнусную вырвать
Душу твою изъ тебя и къ Аиду низвергнуть, какъ вѣрно
То, что тебѣ колебатель земли не воротитъ ужъ глаза!
Такъ отвѣчалъ я; тутъ началъ онъ, къ звѣздному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему Посидону владыкѣ:
Царь Посидонъ земледержецъ, могучій, лазурнокудрявый,
Если я сынъ твой и ты мнѣ отецъ, то не дай, чтобъ достигнулъ
Въ землю свою Одиссей, городовъ сокрушитель, Лаэртовъ
Сынъ, обладатель Итаки, меня ослѣпившій. Когда же
Воля судьбы, чтобъ увидѣлъ родныхъ мой губитель, чтобъ въ домъ свой
Царскій достигнулъ, чтобъ въ милую землю отцовъ возвратился,
Дай, чтобъ по многихъ напастяхъ, утративъ сопутниковъ, поздно
Прибылъ туда на чужомъ кораблѣ онъ и встрѣтилъ тамъ горе.
Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Посидономъ услышанъ.
Тутъ онъ огромнѣйшій перваго камень схватилъ и съ размаху
Въ море его съ непомѣрною силой швырнулъ; загудѣвши,
Онъ позади корабля темноносаго съ шумомъ великимъ
Грянулся въ воду такъ близко къ нему, что едва не расплюснулъ
Нашей кормы; всколыхалося море отъ падшей громады;
Судно-жъ волною помчало впередъ къ недалекому брегу
Острова козъ; и вошли мы обратно въ ту пристань, гдѣ наши
Въ мѣстѣ защитномъ оставлены были суда, гдѣ печально
Спутники въ скукѣ сидѣли и ждали, чтобъ мы воротились.
Къ брегу приставъ, быстроходный корабль на песокъ мы встащили;
Сами же вышли на брегъ, поражаемый шумно волнами.
Тучныхъ Циклоповыхъ козъ и барановъ собравши, добычу

Стали дѣлить мы, чтобъ каждому должный достался участокъ;
Мнѣ же отъ свѣтлообутыхъ спутниковъ въ даръ былъ особо
Главный назначенъ баранъ, и его принесли мы на брегѣ
Въ жертву Кроніону, тучъ собирателю, Зевсу владыкѣ.
Тучныя бедра предъ нимъ мы сожгли. Но, отвергнувъ онъ жертву,
Сталъ замышлять, чтобъ, бѣды претерпѣвъ, напослѣдокъ и всѣхъ я
Спутниковъ вѣрныхъ и всѣхъ кораблей крѣпкозданныхъ лишился.
Жертву принесши, мы цѣлый тамъ день до вечерняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
Тою порою померкнуло солнце и тьма наступила;
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Спутниковъ вѣрныхъ созвавъ, я велѣлъ, чтобъ они на проворныхъ
Всѣ корабляхъ собралися и всѣ отвязали канаты.
Спутники всѣ собралися, и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Далѣе поплыли мы въ сокрушеньи великомъ о милыхъ
Мертвыхъ, но радуясь въ сердцѣ, что сами спаслися отъ смерти.

1848 г.

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛЕБЕДЬ.

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо, ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни, переживши, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой;
Сумрачный пустынникъ, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый
Брошенный обломокъ, въ новый лебединый
Свѣтъ на пиръ веселый гость неприглашённый,
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагосклонный
Рѣзвой молодежи. На водахъ широкихъ,
На виду царевыхъ теремовъ высокихъ,
Предъ Чесменской гордо блещущей колонной,
Лебеди младые голубое лоно
Озера тревожатъ плаваньемъ, плесканьемъ,
Боемъ крылъ могучихъ, бѣлыхъ шей купаньемъ;
День они встрѣчаютъ, звонко окликаясь;
Въ зеркалѣ прозрачной влаги отражаясь,

Длинной вереницей, бѣлымъ флотомъ стройно
Плаваютъ въ сіяньи солнца по спокойной
Озера лазури; ночью-жъ, межъ звѣздами
Въ небѣ, повторенномъ тихими водами,
Облакомъ перловымъ, водъ не зыбля, рѣютъ,
Иль двойною тѣнью, дремля, въ нихъ бѣлѣютъ;
А когда гуляетъ мѣсяцъ межъ звѣздами,
Влагу расшибая сильными крылами,
Въ блескѣ волнъ, зажженныхъ мѣсячнымъ сіяньемъ,
Окруженны брызговъ огненныхъ сверканьемъ,
Кажутся волшебнымъ призраковъ явленьемъ,
Племя молодое, полное кипѣньемъ
Жизни своевольной. Ты-жъ, старикъ печальный,
Молодость ихъ образъ твой монументальный
Рѣзвую пугаетъ; онъ на нихъ наводитъ
Скуку, и въ пріютъ твой ни одинъ не входитъ
Гость изъ молодежи, вѣтренно летящей
Вслѣдъ за быстрымъ мигомъ жизни настоящей....

. . . .

Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таялъ одиноко; а младое племя
Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время....
Разъ среди ихъ шума раздался чудесно
Голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной;
Лебеди, услышавъ голосъ, присмирѣли,
И, стремимы тайной силой, полетѣли
На голосъ: предъ ними, вновь помолодѣлый,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,

Голову на шеѣ, гордо распрямленной,
Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый;
А когда допѣлъ онъ—на небо взглянувши—
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши—
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся.... и его не стало
Въ высотѣ.... и навзничь съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ негорящій.

1850 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

ПОРТРЕТЪ.

Стран.

Предисловіе III

Василій Андреевичъ Жуковскій.—Біографическій очеркъ VII

Бѣлинскій о поэзіи Жуковскаго XXXII

1802 — 1817 гг.

Сельское кладбище.—Элегія.—*Изъ Грея*. . . . 1

Тоска по миломъ.—Пѣсня. 8

Узникъ къ мотыльку.—Пѣсня.—*Изъ Местра*. . . . 10

Свѣтлана.—Баллада 14

Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ 26

А. И. Тургеневу, въ отвѣтъ на его письмо 53

Аббадона. — *Изъ Клопштока* 59

Эолова арфа. — Баллада 67

Голосъ съ того свѣта 79
Мщеніе. — Баллада. —*Изъ Уланда*. 80
Три пѣсни.—Баллада. — *Изъ Уланда*. 81
Овсяный кисель.—*Изъ Гебеля* 83

1818—1841 гг.

Графъ Габсбургскій.—Баллада.—*Изъ Шиллера* . 87
Рыцарь Тогенбургъ.—Баллада.—*Изъ Шиллера*. . . 93
Утѣшеніе въ слезахъ.—*Изъ Гете* 97
Къ мѣсяцу.—*Изъ Гете* 99
Вѣрность до гроба.—Баллада.—*Изъ Кернера* . . . 101
Лѣсной царь.—*Изъ Гете*. 103
Листокъ. 105
Лѣтній вечеръ.—*Изъ Гебеля*. 106
Орлеанская дѣва. — Драматическая поэма. — *Изъ Шиллера*.—Прологъ. 109
Шильонскій узникъ.—Повѣсть.—*Изъ Байрона*. . 129
Замокъ Смальгольмъ.—Баллада.—*Изъ Шиллера* . 148
Море.—Элегія. 158
Торжество побѣдителей.—Баллада.—*Изъ Шиллера* 160
Поликратовъ перстень.—Баллада.—*Изъ Шиллера* 167
Жалоба Цереры.—Баллада.—*Изъ Шиллера*. . . 172
Кубокъ.—Баллада..—*Изъ Шиллера*. 178
Спящая царевна.—Сказка. 186
Война мышей и лягушекъ.—Неоконченная сказка. . 200
Сказка о царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ царевичѣ, о хитростяхъ Кощея безсмертнаго и о премудрости Марьи царевны, Кощеевой дочери . . . 212

Русская слава.—Отрывокъ. 229
Неожиданное свиданіе.—Быль.—*Изъ Гебеля.* 233
Ундина.—Старинная повѣсть.—Подражаніе *Л. Фукэ.*—
Девять первыхъ главъ. 236
Ночной смотръ 285

1842 — 1852 гг.

Рустемъ и Зорабъ.—Персидская повѣсть, заимствованная изъ Шахъ-Намэ.—*По Рюккерту.* — Третій бой 288
Сказка объ Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ . 297
Одиссея.—Девятая пѣснь. 342
Царскосельскій Лебедь. 360

